

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Шаипов Тимур Константинович

**Россия и Венеция в середине XVII века:
диалог государств и встреча культур**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доцент Т.А. Матасова

Москва – 2024

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Русско-венецианские дипломатические связи XV – середины XVII вв. и этапы складывания взаимных представлений	42
§1. Образ Венеции в русской культуре и дипломатии XV – середины XVII вв.....	42
§2. Сведения о «Московии» в венецианской и европейской интеллектуальной традиции XV–XVI вв.....	54
Глава 2. Посольство Альберто Вимины в Россию	64
§1. Биография Альберто Вимины и организация посольства в Россию .	64
§2. Прибытие Альберто Вимины в Россию: дорога до царской ставки и условия содержания.....	70
§3. Ход и особенности переговорного процесса	75
§4. Концепция русского социального уклада в <i>Relazione della Moscovia</i> Альберто Вимины	89
Глава 3. Организация посольства Ивана Чемоданова в Венецию	99
§1. Состав и задачи посольства	99
§2. Путь посольства от Москвы до Италии.....	104
Глава 4. «Тосканско-римский» этап посольства Ивана Чемоданова ...	111
§1. Пребывание в Ливорно. Взаимодействие с тосканским купечеством и администрацией	111
§2. Пребывание во Флоренции. Дипломатические контакты с великим герцогом Фердинандо II	117
§3. Путь посольства через земли Папского государства	122
Глава 5. «Венецианский» этап посольства Ивана Чемоданова.....	125
§1. Прибытие посольства в Венецию.....	125
§2. Ход и особенности переговорного процесса	128
§3. «Византийское наследие» на службе венецианской дипломатии....	138
§4. Закупка «узорочных товаров»	145
Глава 6. Культурно-бытовые аспекты пребывания русского посольства в Италии	150
§1. Быт и условия содержания посланников.....	150
§2. Досуг посланников в итальянских городах.....	159

§3. Личность Ивана Чемоданова и ее восприятие итальянцами.....	173
Заключение.....	183
Библиография	192
Источники	192
Исследовательская литература.....	198
Справочные издания и электронные ресурсы.....	216
Приложения.....	218
Приложение 1. Перечень документов столбцового делопроизводства по организации посольства И.И. Чемоданова и А. Посникова	219
Приложение 2. Верительная грамота царя Алексея Михайловича венецианскому дожу Франческо Молину, выданная посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову	230
Приложение 3. Проезжая грамота по государствам о пропуске посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова к венецианскому дожу.....	231
Приложение 4. Царский наказ посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову	233
Приложение 5. Проезжая грамота по городам от Москвы до Архангельска	252
Приложение 6. Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о безуспешных попытках продажи царской соболиной казны в итальянских городах	253
Приложение 7. Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о безуспешных попытках продажи ревеня в итальянских городах.....	254
Приложение 8. Отписка дьяка А. Посникова в Посольский приказ о болезни стольника И.И. Чемоданова	257
Приложение 9. Перевод с итальянского грамоты венецианского дожа Бертуццо Вальера царю Алексею Михайловичу	258
Приложение 10. Роспись корма и содержания посольства И.И. Чемоданова в Венеции.....	260
Приложение 11. Роспись посольских даров и товаров, привезенных посланниками И.И. Чемодановым и А. Посниковым с указанием, какие отданы в царскую казну	262
Приложение 12. Роспись посольских даров и товаров, оставленных посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову	265

Приложение 13. Челобитная целовальника царской казны Вторки Леонтьева в Посольский приказ о выдаче ему подмоги 267

Приложение 14. Челобитная подьячего посольства Марка Тропина (Тропинина) в Посольский приказ о выдаче ему подмоги 268

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Дипломатические отношения между Россией и Венецией, являясь неотъемлемой частью русско-итальянских связей, ведут свой отсчет с XV в. В допетровскую эпоху наиболее известны посольства эпохи великого князя Ивана III (1462–1505), однако после нее контакты между государствами постепенно угасали, чтобы к концу XVI в. фактически прекратиться. Они были возобновлены только в середине XVII в. уже в правление царя Алексея Михайловича (1645–1676), чему способствовали две связанные друг с другом дипломатические миссии – посольство венецианца Альберто Вимины в Россию в 1655 г. и последовавшее за ним посольство стольника Ивана Чемоданова и дьяка Алексея Посникова в Венецию в 1656–1657 гг. Возобновление контактов между государствами происходило на фоне и в контексте масштабных внешнеполитических событий. Россия вела войну против Речи Посполитой (1654–1667), которая из старинного конфликта двух соседей переросла в изнурительное противостояние с участием нескольких держав этого региона. Венеция также вела тяжелую войну со своим извечным противником, Османской империей, за остров Крит (1645–1669) – свое последнее на тот момент значимое заморское владение. В ходе поиска потенциальных союзников в противостоянии турецкой угрозе дож Франческо Молин (1646–1655) и венецианские сенаторы обратили внимание на Россию, однако оба посольства не привели к сколько-нибудь значительным политическим результатам. В то же время нельзя недооценивать сам факт возобновления контактов. Посольства стали значительными культурными событиями, заметно усилившими интерес итальянцев к «Московии». Он был обусловлен и внешней экзотичностью «москвитов», и набором уже сформированных к тому моменту представлений о России и русских в целом, источником которых были труды европейских гуманистов и дипломатов XV–XVI вв. Для русских посланников

соприкосновение с многогранным итальянским миром также не прошло бесследно. Оно сыграло свою роль в сближении России и Европы еще до эпохи Петра Великого (1682–1725), а также позволило им глубже осознать особенности собственной культуры. Все эти обстоятельства определяют значение и актуальность комплексного исследования политического и культурного диалога России и Венеции в указанный период.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают русско-венецианские дипломатические связи. Предметом исследования является изучение посольств Альберто Вимины и Ивана Чемоданова и Алексея Посникова в их дипломатической и культурной составляющих.

Хронологические рамки исследования ограничены 1655–1657 гг., когда происходило возобновление дипломатических отношений России и Венеции, однако раскрытие темы требует обращения к более ранним и более поздним свидетельствам.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и обусловлены пребыванием посольств на территории Российского царства и итальянских государств: Венецианской республики, Великого герцогства Тосканского и Папской области.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – представить комплексную картину русско-венецианских отношений середины XVII в. с двух позиций: как политического диалога государств и как яркой и противоречивой встречи культур. Исследовательские задачи заключаются в следующем:

– вписать оба посольства в широкий контекст русско-венецианских отношений. Для этого требуется прежде всего проследить историю дипломатических миссий, а также охарактеризовать представления сторон друг о друге, отразившиеся в письменных свидетельствах XV – середины XVII вв.

– проанализировать подготовку посольств, их практическую реализацию и особенности переговорного процесса. На первый план здесь

выходят социокультурные особенности и межличностные взаимодействия. В частности, будут проанализированы трудности, с которыми столкнулись посланники в условиях незнакомого им мира; способы установления взаимопонимания между сторонами дипломатического диалога; роль «посредников» (приставов, переводчиков, купцов, должностных лиц) в обеспечении этого диалога.

– рассмотреть дипломатические миссии в качестве примера межкультурного взаимодействия. Будут проанализированы сложившиеся в предшествующие столетия образы и стереотипы сторон друг о друге и их влияние на дипломатический диалог; отразившиеся в источниках черты обеих культур и особенности восприятия «другого». Речь пойдет не столько о том, насколько конструируемый образ был адекватен реальности: гораздо важнее понять, почему созданный образ оказался именно таким и как он повлиял (и повлиял ли) на дипломатические отношения России и Венеции в середине XVII в.

Методологическая основа исследования. В основе диссертации лежат прежде всего общенаучные принципы. Это принцип историзма, предполагающий изучение явлений и событий прошлого в неразрывной связи с анализом конкретно-исторических условий их проявления и возникновения, а также принципы системности и логичности, которые обеспечивают комплексное рассмотрение объекта исследования как целостной непротиворечивой структуры. Исследование опирается и на специально-исторические методы. Историко-генетический метод используется при выстраивании политического и культурного контекста русско-венецианских отношений от их зарождения до середины XVII в. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить изучаемые посольства с другими внешнеполитическими акциями Венеции и России и выявить как общие тенденции развития дипломатии и культуры середины XVII в., так и уникальные черты этих конкретных посольств. Проблемно-хронологический метод, который использован для выстраивания структуры

исследования, обеспечивает рассмотрение предмета изучения через выделение узловых вопросов и в строгой хронологической последовательности событий.

В исследовании привлекается инструментарий и смежных гуманитарных дисциплин. Для адекватного анализа межкультурного контакта применяются подходы культурной антропологии, в частности категории *Я* и *другой*, позволяющие глубже осознать и прочувствовать диалогичность взаимодействия русских и венецианцев. Учитываются принятые в современной гуманитарной науке принципы сопоставления разных культур как равноправных феноменов с отказом от оценочных категорий «отсталости» и «прогрессивности». Наконец, используются методы и приемы новой дипломатической истории (англ. *new diplomatic history*), ключевым положением которой является признание дипломатии как проявления культурного своеобразия и непрерывного взаимовлияния вовлеченных сторон¹. В рамках этого положения особое внимание уделяется личностям и самосознанию дипломатов, церемониалу как универсальному «языку» европейской дипломатии Раннего Нового времени, неформальным взаимодействиям сторон и т. д.

Степень изученности темы.

1) *Отечественная историография.* Дореволюционный период изучения темы можно условно разделить на два этапа. Первый из них, длившийся до последней трети XIX в., не обозначен интересом конкретно к посольствам Альберто Вимины и Ивана Чемоданова и Алексея Посникова. Как правило, информация о них встречается в работах обзорного и справочного характера или небольших заметках. Особняком стоит труд «Обзор внешних сношений России по 1800 г.» крупного архивиста Н.Н. Бантыш-Каменского. История русско-венецианских отношений с 1580 по 1792 гг. представлена во втором томе, где также помещены статьи о

¹ *Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. P. 8.*

посольствах А. Вимины и И. Чемоданова². Подобный справочный характер носит и статья Ф.В. Чиждова, в которой дана краткая характеристика грамот и материалов переписки между Россией и Венецией с конца XVI до конца XVIII столетия из собрания архива Деи Фрари (ныне Государственный архив Венеции)³. Имя венецианского посла в контексте сочинений иностранцев о России фигурирует и в известном обзорном труде Ф.П. Аделунга об иностранных путешественниках в России⁴. Небольшая заметка Н. Суворова посвящена проезду И. Чемоданова и А. Посникова через Вологду на обратном пути из Венеции и судьбе привезенной ими святыни – сосуда с миром от мощей свт. Николая Чудотворца⁵. В работе П.А. Бессонова о Юрии Крижаниче упоминаются сведения о посольстве, приведенные хорватским богословом по следам личных впечатлений в трактате «Политика»⁶.

На рубеже 1860-х – 1870-х гг. в научный оборот было введено множество новых архивных документов по истории посольства Чемоданова и Посникова – как русских⁷, так и итальянских⁸. На этих документах основаны исследования А.Г. Брикнера о русских дипломатах XVII в. в

² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 г. М., 1896. Ч. 2: Германия и Италия. С. 207–208.

³ *Чиждов Ф.В.* Список и краткое содержание всех грамот, заключающих в себе отношения России с венецианской Республикой // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846. Год первый. № 4. С. 58.

⁴ *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Часть II. С. 199.

⁵ *Суворов Н.* Возвращение русского посольства из Венеции в Москву через Вологду в 1658 году // Вологодские епархиальные ведомости. 1868. №9. С. 240–250.

⁶ *Бессонов П.А.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, Неблюшский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке: (По вновь открытым сведениям об нем). М., 1870. С. 2–5.

⁷ Дело о приезде в Россию венецианского посланника Алберта Вимины. 1655–1656 гг. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871. Стб. 809–930; Статейный список посланников стольника Ивана Ивановича Чемоданова и дьяка Алексея Посникова // Там же. Стб. 931–1188.

⁸ *Макушев В.В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. Флорентинский государственный архив. Приложение к XVI-му тому Записок Имп. Академии наук. СПб., 1870. № 5. С. 5–6; Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России: Итальянские и латинские подлинники, с русским переводом графа М. Д. Бутурлина. М., 1871. Ч. 1. С. 3–43 (переводы: с. 151–211).

итальянских государствах⁹. Автор впервые рассмотрел статейные списки русских послов как путевые очерки, содержащие ценную информацию о взглядах русских людей на европейскую (в данном случае итальянскую) действительность. Ему также принадлежит единственная по сей день комплексная работа по посольству И. Чемоданова и А. Посникова, написанная, однако, на немецком языке¹⁰. Посольству Чемоданова посвятил страницы своей «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев¹¹, также с опорой на статейный список.

В начале XX в. вышли статьи Н. Молчановского¹² и П. Пирлинга¹³, посвященные жизни и деятельности А. Вимины, а также его литературным трудам.

После революции ученые обращались к отдельным аспектам темы и привлекали новые источники для их изучения. Крупнейший исследователь итальянских архивов Е.Ф. Шмурло проанализировал ценные сведения о попытках Папского престола завязать дипломатические отношения с Россией через находившегося в Италии И. Чемоданова¹⁴. Статья С.А. Аннинского посвящена популярному в Италии XVII–XVIII вв. анонимному тексту о русских посланниках, оказавшему значительное влияние на формирование их образа у итальянской публики¹⁵. Торговые аспекты русско-итальянских отношений Раннего Нового времени рассмотрены советской

⁹ Брикнер А.Г. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. // Русский вестник. 1877. Т. 128. С. 5–44; Т. 129. С. 560–607; Т. 130. С. 5–62.

¹⁰ Brückner A. Eine russische Gesandtschaftsreise nach Italien (1656–57) // Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887. P. 113–167.

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. III. Т. 12. С. 537–540.

¹² Молчановский Н. Донесение венецианца Альберто Вимины о козаках и Б. Хмельницком (1656 г.) // Киевская старина. Киев, 1900. Т. 68. С. 62–75. Оригинальное название произведения: *Relazione dell'origine e dei costume dei cossachi, fatta l'anno 1656 da Alberto Vimina, ambasciatore della Republica di Venecia.*

¹³ Пирлинг П. Альберто Вимины. Сношения Венеции с Украиной и Москвою. 1655–1663 // Русская старина. СПб., 1902. Т. 109. С. 57–70.

¹⁴ Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова и Римская курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 1–24.

¹⁵ Аннинский С.А. Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 г. // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 201–211.

исследовательницей И.С. Шарковой¹⁶. В другой ее работе проанализированы особенности восприятия русских дипломатов официальными должностными лицами итальянских государств¹⁷. Материалы статейного списка И. Чемоданова и А. Посникова использовались М.А. Алпатовым для характеристики осведомленности Посольского приказа о положении дел в Западной Европе: социально-экономическом и политическом строе, классовой борьбе, международных отношениях и т. д.¹⁸ Другой подход к рассмотрению статейных списков русских послов в Италии – в качестве памятников литературы путешествий и источников сведений об итальянской действительности – использован в работе Н.А. Казаковой¹⁹.

Постсоветские и современные работы по теме характеризуется бóльшим акцентом на проблемах межкультурной коммуникации и взаимного восприятия. В работах В.П. Головина²⁰ и М.В. Третьяковой²¹ анализируется восприятие итальянских городов русскими послами второй половины XVII в., в том числе И. Чемодановым и А. Посниковым. Вопросами дипломатической коммуникации между Россией и Венецией в XVII–XVIII вв. занимается Н.Б. Карданова. Одна из ее работ посвящена переводу на итальянский язык грамоты Алексея Михайловича венецианскому дожу, выданной А. Вимине в ноябре 1655 г., и ее синтаксическим, пунктуационным

¹⁶ Шаркова И.С. К истории русско-итальянских экономических связей в XVII в. // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 233–239; Она же. Россия и Италия: Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 76–79.

¹⁷ Она же. Посольство Чемоданова и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений: сб. ст. памяти акад. Е.В. Тарле. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1972. С. 207–224.

¹⁸ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 323–363. О Чемоданове: с. 331, 335, 350–352, 355.

¹⁹ Казакова Н.А. Статьиные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды Отдела Древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 268–288.

²⁰ Головин В.П. Италия в восприятии русских путешественников второй половины XVII в. // Итальянский сборник: Quaderni italiani / Ред. В. Д. Дажиной. М., 1999. Вып. 1. С. 104–120.

²¹ Третьякова М.В. Сведения о Венеции в статейных списках русских исполнителей дипломатических поручений XVI–XVII вв. // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. II. Ярославль, 2010. С. 51–54.

и содержательным особенностям²². В другой ее работе предметом рассмотрения стали характерные различия в дипломатическом языке России и Венеции на примере посольства А. Вимины²³. Продолжают изучаться и отдельные аспекты посольства Чемоданова и Посникова. В статье А.В. Белякова собраны биографические сведения о членах посольской свиты И. Чемоданова, которым ранее не уделялось пристального внимания: подьячих, переводчиков и дворян²⁴. Взаимодействие русских дипломатов середины – второй половины XVII в. с представителями греческой общины Венеции рассмотрено в исследовании А.О. Ястребова²⁵.

2) *Зарубежная историография.* Посольство И. Чемоданова и А. Посникова обоснованно рассматривалось многими зарубежными авторами как составная часть русско-венецианских и шире – русско-итальянских отношений. Э. Ло Гатто, один из основателей итальянской славистики, посвятил русскому посольству страницы своего большого обзорного труда о культурных и дипломатических контактах России и итальянских государств в XVII–XX вв.²⁶ В контексте развития отношений России и Тосканского герцогства о посольстве писал и другой итальянский славист Р. Ризалити²⁷. Американский исследователь Ф. Лонгворт проанализировал политический контекст русско-венецианской дипломатии в эпоху Алексея Михайловича²⁸. Упоминают о посольстве и авторы обзорных статей о русско-венецианских

²² Карданова Н.Б. Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 828–865.

²³ Она же. О некоторых особенностях коммуникации в ходе дипломатической миссии: переговоры 1655 г. в освещении дьяка Томило Перфирьева и венецианского посланника Альберто Вимины // III Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод». 19–25 июня 2015 г. Материалы: электронное издание. М., 2015. С. 135–148.

²⁴ Беляков А.В. Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: [сборник статей]. М., 2017. Вып. 8. С. 32–42.

²⁵ Ястребов А.О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М., 2018. С. 68–69.

²⁶ Lo Gatto E. Russia in Italia. Dal secolo XVII ad oggi, Roma, 1971. P. 17–22.

²⁷ Risaliti R. Russi a Firenze e Toscana. Firenze, 1992. P. 11–13; *Idem*. Gli Slavi e l'Italia: Viaggi e rapporti dal Quattrocento al Novecento. Moncalieri, 1996. P. 20.

²⁸ Longworth P. Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. Vol. 64. № 3 (Jul., 1986). P. 380–400.

отношениях Дж. Джираудо²⁹ и М. Даль Борго³⁰. В диссертации С. Розы, посвященной анализу и публикации дипломатической переписки второй половины XVII в. между Россией и Венецией, привлечены грамоты 1655 и 1656 гг.³¹

Для иностранных исследователей периода Раннего Нового времени характерен интерес к литературе путешествий и описаниям далеких земель, оставленными европейскими авторами. В этом русле анализируются литературные труды А. Вимины. Французский исследователь Э. Поммье на широком материале показывает процесс «открытия Московии» в XV–XVII вв. итальянскими путешественниками и авторами, в ряду которых присутствует и венецианский посланник³². А. Бокколини анализирует итальянскую литературу путешествий XVII в. – времени, когда путешествие по Старому Свету обретает новые смыслы и формы, достигшие своей зрелости к XVIII в. – и итальянцы (в том числе Вимина) играли в этом процессе далеко не последнюю роль³³. В работе В. Пуччини представлен содержательный анализ *Relazione della Moscovia* и взглядов его автора³⁴.

²⁹ *Giraud G.* Venezia e la Russia. 1472–1797: trionfi e tramonti a confronto // *Volti dell'Impero Russo. Da Ivan il Terribile a Nicola I.* Milano: Electa, 1991. P. 53–62. Ему также принадлежит работа о титулатуре русских правителей в венецианских источниках: *Giraud G.* La titolature des souverains moscovites dans la littérature historique et les documents diplomatiques vénitiens (XV-e – XVII-e siècles) // *Annali di Ca' Foscari. Serie occidentale*, 1–2 (31). 1992. P. 109–133.

³⁰ *Dal Borgo M.* The Republic of Venice and Russia: a diplomatic link lasting five centuries // *Davanzo Poli D.* The Arts and Crafts of Fashion in Venice from the 13th to the 18th century, Государственный Русский музей, Михайловский замок, СПб., июнь-июль 2005. С.106–109.

³¹ *Rosa S.* Lettere diplomatiche inedite della Russia alla Serenissima (1655–1695). Università degli studi di Padova, Dipartimento di studi linguistici e letterari, 2014.

³² *Pommier E.* Les italiens et la découverte de la Moscovie // *Mélanges d'archéologie et d'histoire. École française de Rome.* 1953. T. LXV. P. 247–283.

³³ *Boccolini A.* Viaggio e viaggiatori italiani nel Seicento: relazioni odepориче per una nuova geografia del vecchio continente [Электронный ресурс] // *California Italian Studies.* 2019. № 9(1). URL: <https://escholarship.org/uc/item/72h8k2bt> (дата обращения: 10.04.2023).

³⁴ *Puccini V.* «Chi va lontan dalla sua patria vede /cose, da quel che già credea lontane»: la *Relazione della Moscovia* di Alberto Vimina // *Critica Letteraria.* Anno XLVIII. Fasc. 4. №189 / 2020. P. 781–794.

Уделяется внимание и контактам русских дипломатов с греческой общиной Венеции. В работах Д. К. Уо³⁵ и О. Олара³⁶ рассмотрены полемические сочинения Герасима Влаха, видного представителя греческой общины Венеции второй половины XVII в., чье произведение «Одоление на Турское царство» было подарено И. Чемоданову и А. Посникову. Обстоятельства посещения Венеции русскими послами и их контактам с греками посвящена статья Х. Мальтезу, в которой также содержатся некоторые документы о русско-греческих связях в эпоху Алексея Михайловича³⁷.

Статьи Т.Н. Лехович и Р. Орси Ландини в сборнике «*Lo stile dello Zar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo*» («Царский стиль. Искусство и мода Италии и России XIV–XVIII веков»), выпущенного по следам одноименной итальянской выставки 2009–2010 гг., посвящены дипломатическим отношениям России с итальянскими государствами в XVII в.³⁸, курьезным моментам первых русских посольств и их восприятию итальянской «публикой»³⁹ и взаимовлиянию моды России и итальянских государств, в котором особо подчеркивается роль обмена дарами: соболиными шкурками и дорогими тканями⁴⁰.

Еще один культурный аспект пребывания русских послов в Италии – посещение ими театральных и музыкальных представлений – проанализирован в коллективной монографии о ранней истории русского

³⁵ Уо Д.К. «Одоление на Турское царство» – памятник антитурецкой публицистики XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 33. С. 88–107.

³⁶ Olar O. The Sons of Lucifer and the Children of Neptune: The Anti-Ottoman and Anti-Islamic Polemical Works of Gerasimos Vlachos // *Historiography in Ottoman Europe. Working Paper No.1*. Bochum, 2018. P. 1–28.

³⁷ Μαλτέζου Χ. Οι αμπασαδόροι της Μεγάλης Μοσχοβίας στη Βενετία και ο Κρητικός Πόλεμος // *Θησαυρίσματα* 30 (2000). P. 9–20.

³⁸ Lekhovich T., Orsi Landini R. *Ambascerie russe in Italia nel XVII secolo e rapporti fra « teste coronate »* // *Lo Stile dello Zar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo*. Milano, 2009. P. 49–55.

³⁹ Orsi Landini R. *Note curiose in margine alle prime ambascerie russe in Italia* // *Ibid.* P. 57–59.

⁴⁰ Eadem. *Zibellini e drappi d'oro: influenze e prodotti di moda fra Italia e Russia* // *Ibid.* P. 67–79.

театра⁴¹. Миссию И. Чемоданова авторы считают «переломным моментом» в процессе освоения традиций европейского театрального искусства российским царским двором.

Различным вопросам внешней политики и культуры Венецианской республики в XVII в., в том числе в русле ее связей с Россией, посвящены труды крупного итальянского исследователя Д. Каккамо. Ему принадлежит статья, в которой представлена наиболее полная и подробная биография А. Вимины, охарактеризованы его основные литературные произведения и опубликованы материалы его донесений из России⁴². В других работах анализируются содержательные и идейные особенности литературных произведений венецианского дипломата: в частности, их связь с трудами древнеримского историка Корнелия Тацита (56 – ок. 120 г. н.э.)⁴³ и характерным для эпохи Раннего Нового времени восприятием восточноевропейских земель как «европейских Индий»⁴⁴. Еще одна статья посвящена раннему эпизоду русско-венецианской дипломатии, имевшему место в апреле–мае 1647 г. в Польше во время встречи резидента Дж. Тьеполо с российским промышленником и дипломатом А.Д. Виниусом⁴⁵.

Работы М. Ди Сальво затрагивают вопросы культурного восприятия «москвитов» в Италии и их собственным впечатлениям от увиденного и услышанного за границей⁴⁶. В основе ее исследований лежит анализ как

⁴¹ *Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D.* Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century. Indiana, 2021. P. 61–76 (глава «The Theater of Diplomacy»).

⁴² *Caccamo D.* Alberto Vimina in Ucraina e nelle «Parti settentrionali»: diplomazia e cultura nel seicento veneto // *Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est europeo.* 1986. Vol. 5. P. 233–283.

⁴³ *Idem.* Etnologia seccentesca: il tacitismo di Alberto Vimina // *Caccamo D.* Roma, Venezia e l'Europa centro-orientale: ricerche sulla prima età moderna. Milano, 2010. P. 471–482.

⁴⁴ *Idem.* «Le Indie di Europa»: Polonia, Ucraina, Russia nella letteratura di viaggio e di esplorazione // *Ibid.* P. 352–364.

⁴⁵ *Idem.* Il teatro del Mar Nero e i primi rapporti russo-veneziani (aprile-maggio 1647) // *Ibid.* P. 263–285. Ранее опубликовано в «*Studi veneziani*», VI (N.S.). 1982. P. 201–227.

⁴⁶ *Di Salvo M.* La missione di I. Cemodanov a Venezia (1656-1657): Osservazioni e nuovi materiali // *Di Salvo M.* Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari / a cura di Alberto Alberti, Maria Cristina Bragone, Giovanna Brogi Bercoff, Laura Rossi. Firenze, 2011. P. 97–116 (первая публикация в: *Archivio italo-russo - Русско-итальянский архив / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin.* Trento, 1997. Vol. 1. P. 57–83); *Di Salvo M.* «Посол больше вызвал

документов итальянских архивов, многие из которых были введены ею в научный оборот, так и уже опубликованных источников, нередко рассматриваемых ею с новых точек зрения.

В статьях С. Виллани рассматриваются вопросы торговых и дипломатических связей России с Великим герцогством Тосканским во второй половине XVII в., в становлении которых посольство И. Чемоданова и А. Посникова сыграло значительную роль⁴⁷. Это взаимодействие с местным купечеством и должностными лицами, поведение и досуг посланников в Ливорно, влияние «икряного откупа» на развитие дипломатических контактов и др.

Таким образом, трудами нескольких поколений ученых были достигнуты значительные успехи в исследовании темы. Особо ценные наблюдения и постановки проблем были сделаны как отечественными (Е.Ф. Шмурло, С.А. Аннинский, Н.А. Казакова, Н.Б. Карданова), так и иностранными (Д. Каккамо, М. Ди Сальво, С. Виллани) учеными, а многие из них также опубликовали немало документов по истории посольств. Однако заметно отсутствие комплексной работы, в которой внимание было бы сфокусировано на посольствах А. Вимины и И. Чемоданова и А. Посникова как взаимосвязанных событиях, к анализу которых были бы применены современные исследовательские подходы.

Обзор источников. В исследовании привлекаются различные по своему происхождению и содержанию источники. Для удобства анализа они разделены на пять категорий: делопроизводственная документация Посольского приказа, царские и дожеские дипломатические грамоты,

удивление, нежели удивился сам». Об итальянской миссии И. Чемоданова // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. 19–21 октября 2006 года. Тезисы докладов. М., 2006. С. 114–115.

⁴⁷ Villani S. Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // Nuovi Studi Livornesi, vol. XIV (2008). P. 37–95; *Idem*. Una finestra mediterranea sull'Europa: i «nordici» nella Livorno della prima età moderna // Livorno 1606–1806. Luogo di incontro tra popoli e culture / A cura di A. Prosperi. Livorno, 2009. P. 167–172.

посольские книги, письма и донесения итальянских должностных лиц, иностранные нарративы о русских послых.

Фундамент любого анализа дипломатических отношений допетровской России составляет делопроизводственная документация Посольского приказа. Формуляр документов складывался постепенно на протяжении XVI–XVII вв., а для середины XVII в. уже можно говорить об определенной степени их стандартизации, что позволяет выделять их основные типы: указные грамоты, докладные выписки, памяти, отписки, указы, записки и т. д. Они имели характерную форму столбцов, а текст писался скорописью на одной стороне листа⁴⁸. Другой их особенностью является акцент на внешней, формальной стороне организации посольских дел. Для решения целей и задач исследования использованы комплексы делопроизводственной документации по исследуемым посольствам Альберто Вимины и Ивана Чемоданова и Алексея Посникова.

Делопроизводственные материалы о русском посольстве в Венецию хранятся в РГАДА⁴⁹. Насколько можно судить, исследователи нечасто привлекали материалы этого дела для изучения посольства или других вопросов, связанных с русско-венецианскими отношениями. О сколько-нибудь последовательном анализе самого массива документов также говорить не приходится – опять же по причине его сравнительно редкого использования в исследованиях. Общий объем архивного дела составляет 247 листов, а количество документов составляет 81 экземпляр. Это как черновики, так и оригиналы. К первой группе относятся документы, которые составлялись подьячими и сохранили следы дьяческих правок или помет. Таких документов большинство и насчитывается 50 экземпляров: 11 докладных выписок, 15 указных грамот, 10 памятей, 7 росписей, 3 записки; также имеются единичные документы: верительная грамота к венецианскому дожу, проезжая грамота по иностранным государствам, царский наказ

⁴⁸ Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI – XVII вв.: учеб. пособие. М., 1985. С. 15–16.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). 247 л.

посланникам и проезжая грамота по российским городам. Оригиналы документов можно разделить на две основные группы: это отписки должностных лиц и посланников, направленные в Посольский приказ, и челобитные членов посольства. Их общее количество составляет 26 экземпляров: 17 отписок и 9 челобитных. Отдельную категорию составляют переводы иностранных грамот к царю Алексею Михайловичу: это грамоты венецианского дожа Бертуччо Вальера и голландских Генеральных штатов. Наконец, присутствуют 3 копии (списка) документов, сделанные позднее, причем для одного документа в составе дела имеется исходный оригинал, для двух других он отсутствует. Вероятно, их наличие обусловлено процессом формирования «фонда-коллекции» в ходе т. н. архивной реформы второй половины XVIII – начала XIX вв., когда с целью рационализации и создания тематических блоков документов был нарушен естественно сложившийся порядок комплектования документации⁵⁰. Подробный перечень всех документов представлен в Приложении 1. Сам комплекс сохраняет хронологическую последовательность документов и их естественно сложившиеся связки вроде «челобитная – выписка» или «указная грамота – отписка»; отдельные нарушения последовательности листов представляют скорее редкое исключение. Сохранность документов можно признать удовлетворительной, однако некоторые листы имеют следы потемнения от влаги и механические повреждения. Большинство из них не влияют на читаемость текста, однако есть и такие значительные повреждения, когда оторван фрагмент листа, что не позволяет прочесть его целиком; также есть документы, где часть листов перепутана местами или утрачена. Можно говорить и о типичности данного комплекса документов и его схожести с аналогичными комплексами этого периода, например, с

⁵⁰ Тимошина Л.А. О месте столбцов XVII века в современной археографии // Вестник «Альянс-Архео». 2015. №9. С. 71.

документацией по посольству Петра Ивановича Потемкина и Семена Румянцева в Испанию 1667–1668 гг., опубликованной в 2018 г.⁵¹

Необходимо сказать об информационном потенциале привлекаемой столбцовой документации. Она позволяет:

1) проследить цикл подготовки посольства от назначения его членов до их отправления из Архангельска. Сюда включается информация об изучении посольских прецедентов прошлых лет, составе посольской свиты и определении размеров жалованья, корма, «поминков» ее членов, составлении посольского наказа, проезжих грамот и других необходимых документов. Переписка Посольского приказа с другими бюрократическими учреждениями и местной администрацией позволяет проанализировать оперативные проблемы организации посольства и пути их решения: выдачу провианта и подвод, наем кораблей и судов для посланников, задержку членов посольства по определенным причинам и т. п.;

2) выяснить некоторые подробности пребывания посольства в Италии, отсутствующие в статейном списке. Сюда можно отнести изменения маршрута следования, финансовые трудности и поиск средств, особенности содержания послов при венецианском дворе, перечень посольских даров. Здесь нужно упомянуть о важной лакуне: в деле отсутствуют документы о пребывании русской делегации в землях Великого герцогства Тосканского, занявшего около пяти недель (с 24 ноября 1656 по 1 января 1657 гг.). Мной было выдвинуто предположение, что при расклеивании большого столбца на отдельные документы те из них, которые касались «тосканского» этапа посольства, могли быть отложены в тосканскую «коллекцию» (сознательно или по некомпетентности архивиста рубежа XVIII–XIX вв.). Опись фонда № 88 «Сношения России с Тосканой» не содержит упоминаний о них, а дополнительный просмотр архивного дела по посольству Василия Богдановича Лихачева и Ивана Фомина во Флоренцию 1659–1660 гг.,

⁵¹ Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы. М., 2018. 424 с.

которое тесно связано с миссией И. Чемоданова⁵², не привел к обнаружению предполагаемых документов. С высокой долей вероятности можно утверждать, что их в принципе не существует;

3) осветить детали возвращения посольства из Венеции. Основными вопросами здесь являлись карантинные мероприятия, передача в Москву царских грамот от дожа и Генеральных штатов и статейного списка, выдача денег по челобитью некоторым членам посольства.

Наиболее полно в документах представлена информация по первой группе: из 81 документа 45, т. е. больше половины, посвящены этапу подготовки посольства. В два раза меньше документов (21) содержат информацию о его возвращении из Италии. Слабее всего освещен собственно период пребывания посланников в Италии, а имеющиеся для его анализа документы были составлены уже после возвращения в Россию. Т. к. в рамках окказиональной дипломатии деятельность Посольского приказа сводилась к тщательной подготовке посольств «на берегу», а контроль их хода был крайне затруднен в условиях отсутствия представительств за рубежом, нельзя назвать данную особенность недостатком самого массива документов. Скорее, это закономерная особенность, обусловленная характером функционирования приказного учреждения. Кроме того, этап пребывания Чемоданова и Посникова в итальянских городах покрывают другие, в том числе итальянские, источники.

Другой комплекс делопроизводственной документации, касающийся пребывания в России венецианского посланника Альберто Вимины, был опубликован в составе десятого тома ПДС под названием «Дело о приезде в Россию венецианского посланника Алберта Вимины. 1655–1656»⁵³. Публикация, несмотря на ее очевидную ценность для работы над дипломатической историей России, имеет ряд особенностей, связанных с развитием археографии в середине XIX в. В ней не представлена изначальная

⁵² РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 8 (1659–1661). 207 л.

⁵³ ПДС. Т. X. Стб. 809–930. Оригинал хранится в РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1655–1656). 237 л.

нумерация листов (есть лишь пометы об их количестве под каждым документом в форме «подлинник писан на N листках») и адекватной передачи текстов подлинников (не обозначены выносные буквы, титла и т. д.). В публикацию не вошли черновики тех или иных документов (их заменяют пометы об их наличии под тем или иным документом). Последнее является весьма значительным недостатком, т. к. не позволяет оценить полноту архивного комплекса. Но несмотря на эти особенности, данная публикация обладает немалым информационным потенциалом и является одним из ключевых источников по посольству Вимины.

В публикации ПДС представлено 64 документа. Подавляющее большинство составляют указные грамоты (26 экземпляров) и отписки (20 экземпляров). Указные грамоты писались главным образом от имени царя, который на тот момент находился в военном походе, а отдельные экземпляры писались из Москвы от имени царевича Алексея Алексеевича, который формально заменял своего отца в столице. Их адресатами были воеводы городов, через которые проезжало или должно было проехать венецианское посольство: И.А. Хилкову в Псков, И.А. Голицыну в Великий Новгород, И.Н. Хованскому в Смоленск, Г.С. Куракину в Москву и т. д. Им же принадлежат отписки, которые они направляли царю и докладывали о ходе выполнения его распоряжений. Также в числе документов представлены докладные выписки и памяти (по 5 экземпляров). Они посвящены решению отдельных вопросов, связанных с посольством: изменение пути его следования, определение жалованья для переводчика и т. п. Получателями памятей были в основном приставы посольства. В докладных выписках фиксировались прецеденты прошлых лет, необходимые для организации приема и содержания посольства. Имеются и письменно изложенные материалы переговоров венецианского посланника с русскими представителями: смоленским приставом Алексеем Лужиным и дьяком Приказа тайных дел Томилой Перфирьевым (Перфильевым). Характер изложения в этих материалах довольно схож со статейными списками.

Наконец, есть документы, представленные в одном экземпляре: проезжая грамота «по городам», в которой предписывалось пропускать и организовывать содержание венецианского посольства, дипломатические грамоты дожа Франческо Молина и царя Алексея Михайловича (в случае грамоты дожа представлен ее перевод), прошение А. Вимины о переводе царской грамоты на латынь или итальянский (с переводом на русский язык) и роспись содержания посланника на его обратном пути до русской границы.

Изучение данного комплекса документов позволяет проанализировать следующие аспекты посольства А. Вимины:

1) процесс принятия решений об организации приема посольства в ходе переписки между царем и его представителями на местах и поиска прецедентов прошлых лет;

2) собственно организация приема и отпуска посольства: встречи, проезд по городам, условия содержания, жалованье и корм;

3) детали и особенности переговоров между венецианской и русской стороной.

Стоит отметить, что дипломатическую сторону посольства А. Вимины привлекаемые документы освещают слабее. Письменные материалы переговоров Вимины с русскими представителями составляют незначительную часть от всего объема имеющихся документов. Как и в случае с документами по посольству И. Чемоданова, это является не недостатком данного комплекса, а скорее его характерной особенностью, т. к. все эти документы представляют собой бюрократическую переписку. Тем не менее, эта особенность требует обращения к другим источникам, в частности письмам и донесениям самого венецианского посланника.

Для изучения дипломатии одним из ключевых источников выступают дипломатические грамоты, которые послы предоставляли правителям государств от имени своих суверенов. В настоящем исследовании привлекается несколько таких грамот: две русские и три итальянские. Первая – это венецианская грамота, которую Альберто Вимины предоставил от

имени дожа Франческо Молина. Она была переведена и вошла в состав документов о приезде венецианского посланника в Россию, проанализированный выше⁵⁴. Материальным результатом миссии венецианца стала полученная им от имени Алексея Михайловича ответная грамота, адресованная тому же дожу. Она была впервые опубликована в ПДС, а затем Н.Б. Карданова осуществила ее публикацию вместе с современным ей переводом на итальянский язык⁵⁵. Царская грамота, которую везли с собой Чемоданов и Посников на имя дожа Молина, по сути является верительной. В ней удостоверяются личности и статус посланников и дана характерная формула «и о чем они по н[а]шему ц[а]рского величества повеленью говорит[ь] вам учнут, и вам бы им в том верить»⁵⁶. Цитата приведена по черновику этой грамоты из документов РГАДА, а оригинал хранится в Государственном архиве Венеции: его публикацию с переводом и комментарием осуществила С. Роза в своей диссертации⁵⁷. После окончания переговоров дож Бертуччо Вальер вручил русским посланникам свою ответную грамоту. Ее перевод на русский язык содержится в составе столбцовых документов о посольстве, проанализированных выше⁵⁸; также в РГАДА доступна поздняя копия, содержащая итальянский текст и перевод на русский язык. Автор копии, секретарь Петр Щукин, отметил плохую сохранность оригинала, т. к. «надпись во многих местах слиняла», а шнурок, на который крепилась золотая печать дожа, «обветшал»⁵⁹. В исследовании использована и грамота тосканского герцога Фердинандо II Медичи, датированная 15 января (по н.с.) 1656 г. и адресованная Алексею Михайловичу. Переведенный в стенах Посольского приказа документ ныне

⁵⁴ Там же. Стб. 900–902.

⁵⁵ Там же. Стб. 918–925; Карданова Н.Б. Грамота царя Алексея Михайловича... С. 857–865. Оригиналы грамот и перевода хранятся в Archivio di Stato si Venezia (ASV). Collegio. Lettere principi. Filza 12.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 37–38. Текст документа приведен в Приложении 2.

⁵⁷ Rosa S. Op. cit. P. 45–46, 118–119.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 169–173. Текст документа приведен в Приложении 9.

⁵⁹ Там же. Оп. 2. Д. 2 (1657). Л. 1.

хранится в РГАДА в составе тосканской коллекции⁶⁰. Ее публикация по списку из Флорентийского центрального архива была также осуществлена М.Д. Бутурлиным в рамках его сборника и снабжена переводом на «современный» русский язык⁶¹. Грамоты отличаются формализованной структурой и языком, принятыми в европейской дипломатии середины XVII в., однако их содержание безусловно важно для понимания хода дипломатического диалога и тех акцентов, которые расставляли его участники.

Для исследования дипломатических отношений в эпоху, когда постоянные представительства еще не существовали или только начинали появляться, огромную ценность представляет такой тип источников, как посольские книги. Как отмечал крупнейший знаток русской дипломатической документации Н.М. Рогожин, посольская книга функционировала как локальный архив, к которому служащие Посольского приказа могли обратиться для поиска необходимой информации⁶². Она могла быть самой разной: экономическое положение государств, их политический строй, новости о начавшихся войнах или установленных перемириях и т. д.⁶³ Сбор актуальной информации представлял собой важную задачу отправлявшихся за рубеж послов, однако зачастую она была отрывочной или искаженной, т. к. дипломатия еще не оформилась в профессиональную сферу, а послами назначали людей, чьи познания о стране были скудны или опирались на книжные представления.

Сохранившаяся в составе РГАДА книга о посольстве И. Чемоданова и А. Посникова включает в себя четыре документа, из которых ключевым является статейный список. Строго говоря, статейные списки также можно классифицировать как делопроизводственную документацию Посольского приказа, т. к. они представляют собой официальные развернутые отчеты

⁶⁰ РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6 (1656 г.). Л. 1–2.

⁶¹ Бумаги Флорентинского архива. С. 37, 202.

⁶² Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 70.

⁶³ Алтатов М.А. Указ. соч. С. 323–364.

дипломатов о ходе выполнения определенных в царском наказе поручений, написанные в определенной стилистике и с использованием устойчивых формул. В советской историографии статейные списки рассматривались и как памятники литературы⁶⁴, в частности литературы путешествий⁶⁵. Этот тип документации в полной мере отражает все своеобразие российской дипломатии XVII в. Его отличительными чертами являются скрупулезное протоколирование дипломатических переговоров и официальных встреч, строгая хронологическая последовательность описываемых событий и пройденного маршрута, особый акцент на оказанной послам чести и тех ситуациях, когда уже послам приходилось отстаивать «государеву честь» на аудиенциях. Церемониальные конфликты и их преодоление составляли неотъемлемую часть дипломатии Раннего Нового времени, и русские посланники не отличались от своих европейских коллег⁶⁶. Их щепетильность и твердость на грани упрямства в данном вопросе могла удивлять принимающую сторону, однако для находившихся на «государевой службе» послов такое поведение было единственным правильным в ситуациях, когда на кону стоял престиж и доброе имя самодержавного монарха. Все вышеперечисленные особенности справедливы и для статейного списка Чемоданова и Посникова.

Две особенности этой посольской книги обращают на себя внимание. Во-первых, отсутствие параллелей между ее содержанием и содержанием столбцовых документов, проанализированных выше. Вероятной причиной этого могло быть то, что после копирования записей в книгу из черновых столбцов последние были уничтожены. Во-вторых, наличие в тексте многочисленных хронологических лакун, когда в течение нескольких дней как будто не происходило событий, хотя иностранные документы нередко доказывают обратное. Более того, эти лакуны могли быть оставлены намеренно самими авторами документа. Проницательный автор сочинения о

⁶⁴ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 319–347.

⁶⁵ Казакова Н.А. Статейные списки... С. 268–288.

⁶⁶ Алпатов М.А. Указ. соч. С. 324.

России в царствование Алексея Михайловича, дьяк Григорий Котошихин отмечал: «Пишут в статейных списках своих против того как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб достать у царя себе честь и жалованье болшое, и не срамляются того творить, понеже царю о том кто на них может о том деле объявить?»⁶⁷. Котошихин поставил вопрос о точности и достоверности представленных в посольских отчетах описаний аудиенций и собственных действий послов при иноземных дворах. Все это дает повод утверждать, что статейные списки носят в себе куда больше субъективного начала, чем кажется на первый взгляд. В рамках этой логики М.А. Бойцов говорит о статейных списках как о сложных интеллектуальных конструктах, которые не в последнюю очередь должны были представить их составителей как верных исполнителей царской воли и ревностных охранителей государевой чести⁶⁸. Разумеется, эти наблюдения не должны ставить под сомнение ценность статейных списков как источника по истории российской дипломатии изучаемого периода, однако их необходимо учитывать и по возможности использовать для сравнения другие документы, в том числе иностранного происхождения.

Другой источник, который содержит посольская книга – это т. н. «Роспись дороге»⁶⁹. По своей структуре и стилистике он очень сильно напоминает статейный список: та же строгая хронологическая последовательность и скрупулезность в деталях. Однако в нем куда больше информации о маршруте следования послов, увиденных ими городах, их достопримечательностях и удивительных вещах, представленной зачастую в обрывочной и бессистемной форме. Документ охватывает весь путь следования посольства и не ограничивается городами и землями Италии.

⁶⁷ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 58.

⁶⁸ Бойцов М.А. Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1574 г. // Средневековая Европа: Восток и Запад / Отв. ред. М. А. Бойцов. М., 2015. С. 349. На эту тему см. другую статью того же автора: Бойцов М.А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2012. С. 162–193.

⁶⁹ ПДС. Т. X. Стб. 1151–1176.

Считается, что он мог вестись параллельно со статейным списком и носил более неофициальный характер⁷⁰. «Роспись дороге» является ценным источником для анализа личных впечатлений, интерпретации и восприятия итальянской действительности русскими послами – в общем, той самой «встречи культур», которая вынесена в заглавие работы. Субъективное начало, которое здесь присутствует, для такой задачи едва ли не важнее объективных фактов. Анализ информации, которая вошла или не вошла в этот документ, даст возможность прояснить культурный кругозор Чемоданова, его личные предпочтения и взгляд на итальянскую действительность.

Два других источника, «Расход казне ефимкам» и «Расход казне соболем»⁷¹, представляют собой отчеты послов о потраченных в ходе посольства средствах и розданных в качестве даров соболиных мехах. Наряду с архивными документами они позволяют реконструировать финансовое положение Чемоданова и Посникова во время их пребывания в Италии и проанализировать их оперативные затраты.

В исследовании также привлекаются дипломатические письма и донесения должностных лиц. В эту категорию включены несколько групп документов. Во-первых, это донесения Альберто Вимины из России. В 1986 г. Д. Каккамо осуществил публикацию одиннадцати документов, хранящихся в Государственном архиве Венеции и связанных с дипломатическими миссиями венецианского посланника в Речи Посполитой и России⁷². Особый интерес для исследования представляют те из них, которые касаются посольства в Россию – это семь документов, одна записка и шесть писем. В записке, отправленной сенату Светлейшей республики, А. Вимина аргументирует необходимость заключения союза с «Московитом», т. е. российским царем, рассуждает, какими качествами должен обладать предполагаемый посланник и какие дары желательно

⁷⁰ Казакова Н.А. Статейные списки... С. 270.

⁷¹ ПДС. Т. X. Стб. 1177–1188.

⁷² Cassato D. Alberto Vimina... P. 265–283.

преподнести русскому царю⁷³. Шесть других писем были отправлены на имя венецианского резидента в Вене Баттисты Нани, который был «куратором» его миссии: два из Пскова⁷⁴ и Новгорода⁷⁵ летом 1655 г., четыре других, датированных 24 января 1656 г. – из Риги⁷⁶. В них венецианский посланник описывает свое прибытие в Россию и условия содержания, взаимодействие с местными воеводами и дьяками, ход переговоров и некоторые наблюдения о быте и нравах «москвитов». Характерно стремление автора к документальной точности излагаемых сведений: слова собеседников нередко даны в форме прямой речи, дабы придать им еще больше достоверности. Однако даже в таких случаях очевидны следы авторской интерпретации услышанного. Н.Б. Карданова приводит характерный пример, когда официальный переводчик Алексея Михайловича в беседе с Виминой называет царя «великим князем», а Российское государство – «Московией»⁷⁷. Сравнение информации из этих писем со сведениями из вышеописанных документов Посольского приказа позволит более полно проанализировать его дипломатическую миссию А. Вимины и его взгляды на Россию и ее жителей.

Во-вторых, сюда относятся донесения итальянских должностных лиц, взаимодействовавших с русскими посланниками в Италии. Центральное место здесь занимают донесения губернатора города Ливорно Антонио Серристоры. Ему выпала честь первым принять русскую делегацию, поэтому со дня ее прибытия и вплоть до отъезда он докладывал в столицу о своих гостях и их действиях в городе⁷⁸. К письмам он прилагал анонимные донесения (*avvisi*), которые, вероятно, публиковались в местных газетках⁷⁹. Помимо практической информации вроде целей посольства и состава

⁷³ Scrittura di A. Vimina al Senato, 16 novembre 1654 // Ibid. P. 271–272.

⁷⁴ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Pskov, 27 giugno 1655, n. 25 // Ibid. P. 274–276.

⁷⁵ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Novgorod, 17 luglio 1655, n. 27 // Ibid. P. 276–277.

⁷⁶ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 32–35 // Ibid. P. 277–278 (n. 32), 278–281 (n. 33), 281–282 (n. 34), 282–283 (n. 35).

⁷⁷ Карданова Н.Б. О некоторых особенностях... С. 146.

⁷⁸ Villani S. Ambasciatori russi... P. 39.

⁷⁹ Ibid. P. 40.

посольской свиты, в документах много информации о поведении посланников, их взаимоотношениях друг с другом, деталях их проживания, контактах с местными купцами и должностными лицами, досуге. В целом облик «москвитов» в этих документах получается не слишком приятным и не соответствующим их высокой миссии. Серристоры и авторы анонимных *avvisi* уделяют мало внимания их профессиональным качествам, которые должны отличать их как дипломатов. Нельзя сказать с уверенностью, насколько это было осознанным «конструированием» образа, но определенная закономерность в текстах прослеживается. Донесения Серристоры были также опубликованы и переведены М.Д. Бутурлиным⁸⁰. Стоит упомянуть, что сборник не раз подвергался справедливой критике за небрежность в определении дат, неточности в передаче итальянских текстов, их переводе на русский язык и комментировании⁸¹. Тем не менее, содержащиеся в нем документы чрезвычайно важны для анализа пребывания Чемоданова и Посникова в землях Тосканского герцогства. Всего в нем представлено двадцать семь документов об этом посольстве. Помимо документов Серристоры это отдельные донесения других лиц, например, немецкого переводчика Иоанна Сакса или флорентийского купца Паоло дель Сера, благодарственное послание Чемоданова и Посникова флорентийскому герцогу за гостеприимство и некоторые другие. Анализ этих источников позволит составить более полное представление о том, как русские дипломаты осваивались в незнакомой для себя стране и как на их приезд реагировали местные жители. Также использованы донесения и их отдельные фрагменты других итальянских торговцев, резидентов, нунциев и легатов, извлеченные из архивов и содержащиеся в исследовательских статьях⁸².

⁸⁰ Бумаги Флорентинского архива. С. 3–43.

⁸¹ Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 3; *Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov...* P. 100, n. 11.

⁸² Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 17–25; *Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov...* P. 100–109.

Наконец, в исследовании привлечены иностранные свидетельства о «Московии» и «московитах». В эту группу источников объединены «Донесение о Московии» (итал. *Relazione della Moscovia*) Альберто Вимины, анонимные тексты «Любопытнейшие обычаи господ послов московских, которые ныне находятся в Ливорно проездом посольства в Венецию» (итал. *Curiosissimi costumi de' signori ambasciatori Moscoviti che ora si trovano in Livorno per passare all'Ambasciata di Venezia*, далее – *Curiosissimi costumi*) и «Правдивое донесение об образе жизни послов московских, прибывших в Венецию в год 1656 в день 21 января» (итал. *Relazione vera del modo di viver dell'ambasciatori Moscoviti venuti in Venezia l'anno 1656 li 21 genaro*, далее – *Relazione vera*), а также краткое свидетельство известного хорватского богослова, приверженца идеи единства славянских народов и унии христианских церквей Юрия Крижанича (1618–1683). Рассмотрим их в указанном порядке.

Первые наброски своего донесения по итогам посольства были сделаны А. Виминой еще в России, а к началу 1657 г. текст был закончен⁸³. Его публикация была осуществлена в 1671 г. в составе корпуса его произведений⁸⁴, куда также вошли донесения о польских делах и посольстве в Швецию в 1653–1654 гг. Отдельным изданием оно вышло в 1861 г. в Милане под редакцией Г. Берше, который взял за основу список XVII в. из Библиотеки Музея Коррер⁸⁵. Издание Берше в целом аналогично тексту 1671 г. и имеет лишь незначительные отличия в отдельных словах и оборотах. Русский перевод «Донесения» вышел даже раньше издания 1861 г.: сделанный по списку, обнаруженным неким русским путешественником «в

⁸³ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 35 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 282.

⁸⁴ *Historia delle Guerre civili di Polonia, Divisa in cinque libri. Progressi dell'Armi muscovite contro Polacchi. Relatione della Moscovia e Svetia e loro Governi. Di Don Alberto Vimina, Bellunese. Venetia: appresso Giovan Pietro Pinelli, 1671.* Текст *Relazione della Moscovia* – P. 285–324. В исследовании использовано именно это издание. Оригинал *Relazione della Moscovia* хранится в ASV, Collegio, Relazioni, busta 25.

⁸⁵ *Relazione della Moscovia di Alberto Vimina, 1657, edita per cura del dottor Guglielmo Berchet. Milano: Stabilimento Giuseppe Civelli, 1861.* P. 9–33. Оригинал – Biblioteca del Museo Correr, ms. Cicogna, 2133.

Риме, в славной Барбериниевской Библиотеке», он публиковался частями в четырех номерах журнала «Отечественные записки» за 1829 г.⁸⁶ На данный момент он остается единственным переводом текста на русский язык и не снабжен каким-либо комментарием. Его беглый анализ показал, что римский список *Relazione* представляет собой несколько сокращенную версию списка, легшего в основу издания 1671 г.; присутствуют и ошибки в переводе, которые, возможно, являются отражением огрехов переписчика. Более глубокий анализ списков *Relazione* требует обращения к их оригиналам, что на данный момент не является исследовательской задачей.

Жанровая принадлежность источника определяется его названием. Венецианское *relazione* представляло собой официальное донесение вернувшегося с дипломатической службы посла, которое он предоставлял Сенату – прежде всего в устной, а затем в письменной форме для последующего хранения в архиве Республики⁸⁷. Сам жанр с его особыми структурными требованиями и спецификой содержания сложился к концу XV в.⁸⁸ Он предполагал не только и не столько отчет о выполнении данных послу конкретных поручений, сколько общее описание посещенной страны по многочисленным критериям: география, население, форма правления, религиозные обычаи, экономическая и военная мощь, дипломатические отношения с другими странами и т. д.⁸⁹ По этой причине в XVI–XVII вв. *relazioni* стали распространяться по Европе как источник знаний о дальних странах, а их копии – оседать в книжных собраниях⁹⁰. Кроме того, *relazione* демонстрировало риторические навыки венецианского дипломата, его

⁸⁶ Известия о Московии, писанныя Албертом Вимена да Ченедя, в 1657 году // Отечественные записки Павла Свиньина. Часть XXXVII, №105, январь 1829. С. 13–32; №106, февраль 1829. С. 224–253; №107, март 1829. С. 421–441; №108, апрель 1829. С. 79–94.

⁸⁷ *De Vivo F.* How to Read Venetian “Relazioni” // *Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme*. 2011. Vol. 34. № 1/2. P. 32.

⁸⁸ *Ibid.* P. 26.

⁸⁹ *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia: Bilancio storico-bibliografico di un millennio. Padova, 1958. P. 102–103.

⁹⁰ *De Vivo F.* *Op. cit.* P. 35.

ученость, а также некоторые стереотипы восприятия им и другими образованными венецианцами соседних народов.

Текст *Relazione della Moscovia* начинается с краткого вступления, в которой «Московия» обозначена как малоизвестная земля, чьи описания имеют многочисленные ошибки (какие именно, автор не конкретизирует). С целью исправления такого положения дел Вимина и приступает к своему труду⁹¹. Дальнейший текст можно разделить на несколько тематических блоков в соответствии с законами жанра: 1) анализ географии и климата, их влияния на сельское хозяйство и промыслы; 2) народ «Московии», его происхождение и сословная структура, сопровождаемые любопытными рассуждениями о склонности «москвитов» к рабству; 3) поместная система, комплектование войска, оборонительные сооружения, размышления о достоинствах и недостатках русских солдат; 4) ремесла, торговля и налоговые поступления в казну, на основании которых Вимина делает вывод о богатстве «великого князя»; 5) государев двор: его внешний блеск, функционирование, ключевые должности; 6) личные качества царя Алексея Михайловича, состав его семьи.

Преимуществом своего труда по сравнению с другими записками о «Московии» Вимина называет опору на личное наблюдение, что должно было придавать ему труду больший вес и достоверность. Он побывал в нескольких русских городах (в т. ч. Пскове, Новгороде и Смоленске), а в поездках между ними мог наблюдать сельскую местность. Вимина также общался с представителями бюрократического аппарата, но общение с местными жителями для него как иностранца традиционно было затруднено. С царем же он так и не смог встретиться лично по причине серьезной болезни. Поэтому наряду с личным наблюдением он должен был почерпнуть сведения о России из других источников. В тексте *Relazione della Moscovia* встречаются упоминания Сигизмунда Герберштейна и Антонио Поссевино,

⁹¹ *Relazione della Moscovia*. P. 284–285.

двух наиболее влиятельных авторов сказаний о «Московии» XVI в.⁹² Размышления венецианского посла о рабстве «москвитов», их стойкой приверженности православию и склонности к обожествлению царской особы дают понять, что Вимина был знаком с их произведениями. Д. Каккамо также добавляет к списку возможных источников два популярных в Италии того времени труда: *Relazioni universali* («Универсальные реляции») крупного итальянского иезуита и философа Джованни Ботеро (1544–1617), наиболее авторитетное для своей эпохи описание «провинций» Старого и Нового Света, напечатанное на многих европейских языках⁹³, и *Nuova aggiunta al compendio istorico universale* венецианского ученого и хрониста Джованни Николо Дольони (1548–1629), замечательный образец гуманистической историографии конца XVI в. Оба этих произведения, в свою очередь, также впитали в себя заложенные Герберштейном и Поссевино негативные стереотипы о России и ее жителях⁹⁴. Вполне вероятно, что на взгляды Вимины могло повлиять и пребывание в Речи Посполитой в 1650 г. и распространенное в польских правящих кругах мнение о русских людях, которое он изложил в одном из своих писем⁹⁵.

Несмотря на это, образ «Московии» в труде Вимины не выглядит сугубо негативным. Автор восхищается природными богатствами, простотой и неприхотливостью людей, способностью государя собрать несметное количество войска и др. Для исследования русско-венецианских отношений середины XVII в. этот источник представляет особую ценность, т. к. в этот период А. Вимина был для венецианцев едва ли не главным экспертом по «Московии», и представленный им образ повлиял как на патрициат, так и на просто образованных жителей Республики.

⁹² Ibid. P. 317.

⁹³ Firpo L. BOTERO, Giovanni [Электронный ресурс] // Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 04.10.2022).

⁹⁴ Caccamo D. Alberto Vimina... P. 261.

⁹⁵ Lettera di A. Vimina a N. Sagredo, Varsavia, 26 marzo 1650 // Ibid. P. 269.

Curiosissimi costumi – это небольшая заметка о пребывании русского посольства в Ливорно (24 ноября – 23 декабря 1656 г. по ст. ст.), которая была составлена незадолго до их отъезда во Флоренцию. По своему содержанию она напоминает те анонимные «записки о москвитях», которые губернатор Серристоры отправлял вместе со своими донесениями в столицу Тосканского герцогства. В ней также основное внимание уделено колоритному поведению русских послов, их обычаям и непристойным нравам, которые так удивляли и забавляли итальянскую «публику». Отмечается их скупость (по причине малого количества средств), пышность и одновременно нелепость нарядов (допускаются даже сравнения с «шутами», *zanni*), пристрастие к выпивке (причем без особого разбора в напитках), жестокое отношение со слугами, внимание к незнакомым дамам на улице, любовь к праздникам и увеселениям и др. По жанру ее можно отнести к литературной новелле, чье назначение было эмоционально воздействовать на читателя – отсюда и внимание автора к тем чертам «москвитов», которые могут вызвать изумление или насмешку. Поэтому, подобно Серристоры, автор заметки ничего не говорит о собственно дипломатических качествах посланников. С.А. Аннинский, который опубликовал текст и перевод заметки на русский язык с кратким предисловием⁹⁶, не считал *Curiosissimi costumi* компиляцией отдельных мест из донесений губернатора Ливорно: по его мнению, она обладает собственной стилистикой, а трактовка описанных ситуаций нередко отличается от оной у Серристоры, текстам которого свойственна

⁹⁶ *Curiosissimi costumi de' signori ambasciatori Moscoviti che ora si trovano in Livorno per passare all'ambasceria di Venezia* // Аннинский С.А. Пребывание в Ливорно царского посольства... С. 201–211. История публикаций *Curiosissimi costumi* довольно интересна. Помимо вышеуказанной, в разные годы были сделаны еще две, по разным спискам: *Spicilegio vaticano*. Roma, 1890. Vol. 1. P. 377–378 (по кодексу из Ватиканского архива); *Cronache d'altri tempi*. 1961. Vol. VIII. no. 82 (по рукописи из библиотеки Корсини). Свою публикацию Аннинский подготовил по рукописи XVIII века «*Storie Diverse*» из собрания Института книги, документа и письма АН СССР. В 2014 году Т.А. Матасова обнаружила ранее неизвестный список в Национальной центральной библиотеке Рима. Тем самым подтверждается исключительная популярность как самого текста, так и представленного в нем образа русских послов.

высокомерная и даже презрительная тональность⁹⁷. По общей направленности внимания на поведение русских послов, а не на их профессиональные качества как дипломатов, можно делать определенные выводы об их восприятии рядовыми представителями итальянского социума. Использование этого текста наряду с опубликованными Бутурлиным донесениями позволит достаточно полно проанализировать повседневность «тосканского» этапа посольства Чемоданова и Посникова, а также сформировавшиеся в умах итальянцев доминанты их образа.

Третий источник, *Relazione vera*, схож лишь по названию с произведением А. Вимины, но не по своей жанровой природе. Он ближе по содержанию и структуре к *Curiosissimi costumi* и представляет собой небольшую новеллу, основанную как на реальных событиях, так и на сплетнях. Текст написан на венецианском диалекте середины XVII в., его публикацию по списку из Университетской библиотеки Падуи (*Biblioteca Universitaria di Padova*) осуществила М. Ди Сальво⁹⁸. Дата 21 января 1656 г., вынесенная в заглавие, отсылает ко дню въезда посланников в Венецию⁹⁹. Автор произведения неизвестен, но по мнению той же Ди Сальво, он мог входить в делегацию во главе с сенатором А. Коррером (1605–1678), которая оказывала торжественный прием русскому посольству¹⁰⁰. Содержательно рассказ состоит из зарисовок колоритных ситуаций, которые демонстрируют животную природу «москвитов», не обремененных интеллектом или манерами. Автор в подробностях описывает их сексуальные предпочтения, поведение за столом, склонность к пьянству и обжорству, пристрастие к дурным выражениям и грубым развлечениям вроде кулачных боев, несдержанность в общении с людьми и т. д. Подобно коллекционеру, он

⁹⁷ Аннинский С.А. Пребывание в Ливорно царского посольства... С. 205–206.

⁹⁸ *Relazione vera del modo di viver dell'ambasciatori Moscoviti venuti in Venezia l'anno 1656 li 21 genaro // Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov...* P. 110–116. Рукописный оригинал из Университетской библиотеки Падуи – Ms. 2230.2. *Miscellanea di relazioni della Repubblica di Venezia colla Francia, con Savoja, ecc.*, cc. 1-9v.

⁹⁹ В статейном списке въездов датируется 11 января; разница между русским и венецианским календарем составляла тогда 10 дней.

¹⁰⁰ *Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov...* P. 108.

показывает свои «диговинки» читателям, дабы вызвать у них изумление или откровенный смех. Причем этот смех не всегда добрый, а порой приправлен чувством культурного превосходства над героями рассказа, которых, к примеру, автор не раз сравнивает со свиньями из-за их манеры спать или принимать пищу¹⁰¹. Встречаются в тексте и откровенно недостоверные пассажи, обусловленные, как кажется, скудными познаниями о посланниках и России или же недостоверной передачей тех слухов, которые также легли в основу повествования. По сравнению с автором *Curiosissimi costumi* он создает куда более «варварский» образ русских послов, чье поведение не столько забавно, сколько отвратительно. Несмотря на очевидную узость культурного кругозора автора, которую отметила Ди Сальво¹⁰², в тексте встречаются и некоторые положительные черты в описании послов: искренность, любовь к пению и игре на инструментах, стремление узнать как можно больше о Венеции и ее интересных местах. *Relazione vera* содержит и некоторые подробности пребывания посланников в Венеции, о которых не упоминает тот же статейный список.

Краткие, но интересные сведения о пребывании Чемоданова и Посникова в Венеции приведены в «Политике» Юрия Крижанича. В момент прибытия в город русского посольства он также находился там, что позволило ему наблюдать поведение посланников и отношение к ним со стороны венецианцев, а также сформировать собственные впечатления¹⁰³. Не исключено, что Крижанич, который к тому моменту уже изучил русский язык, мог лично общаться с Чемодановым, хотя точных данных об этом нет¹⁰⁴. Крижанич в своей оценке опирался и на некоторые письменные свидетельства: как предположил С.А. Белокуров, он был знаком с содержанием анонимных *avvisi*, составленных в «тосканский» этап

¹⁰¹ *Relazione vera*. P. 115.

¹⁰² *Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov...* P. 109.

¹⁰³ *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. М., 1902. Вып. 1. С. 155.

¹⁰⁴ *Черникова Т.В.* Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // *Славяне и Россия*. 2018. №1. С. 10, 23.

посольства¹⁰⁵. Поэтому его свидетельства укладываются в общую канву итальянских текстов: внимание бытовому поведению послов, которое вызывало удивление и смех у местных жителей. Сам Крижанич при этом испытывал стыд за славянских «соотечественников». Помимо описания курьезных ситуаций с участием Чемоданова и Посникова и реакции итальянцев, небольшое свидетельство содержит конкретные и интересные детали о повседневности послов в Венеции и их деятельности между дипломатическими аудиенциями. В исследовании использован текст, приведенный П.А. Бессоновым в своей работе о хорватском деятеле¹⁰⁶.

Таким образом, привлекаемый массив источников позволяет проанализировать русско-венецианские отношения середины XVII в. с точек зрения обеих вовлеченных сторон. Для посольства А. Вимины имеются источники как русского, так и итальянского происхождения, что дает возможность более полного анализа с опорой на сравнение известий этих источников. Для посольства И. Чемоданова и А. Посникова привлечены архивные документы столбцового делопроизводства, опубликованные статейный список и связанные с ним источники, иностранные нарративы, где помимо эмоционального впечатления итальянцев имеются конкретные сведения о деятельности посланников в итальянских землях, которые дополняют сведения русских документов. Представляется, что сочетание разных типов источников, имеющих различное происхождение, позволит успешно решить поставленные задачи и с достаточной полнотой представить картину дипломатического диалога России и Венеции с опорой на указанные выше методологические принципы и подходы.

Научная новизна определяется комплексным анализом свидетельств о посольствах Альберто Вимины и Ивана Чемоданова и Алексея Посникова как сложного процесса дипломатического и межкультурного взаимодействия и привлечением ранее неопубликованных и малоизвестных источников.

¹⁰⁵ Белокуров С.А. Юрий Крижанич... С. 155–156, прим. 53.

¹⁰⁶ Бессонов П.А. Указ. соч. С. 2–5.

Теоретическая значимость исследования обусловлена целостностью анализа русско-венецианских отношений середины XVII в. и опорой на актуальные научные методы. Предложенные подходы и полученные результаты могут быть использованы в историко-сравнительных исследованиях межгосударственных и межкультурных взаимодействий в эпоху Раннего Нового времени.

Практическая значимость исследования обусловлена вводом в научный оборот документов столбцового делопроизводства по посольству Ивана Чемоданова и Алексея Посникова из вышеуказанного фонда № 41 «Сношения России с Венецией» РГАДА. В ходе исследования была начата работа по публикации этих документов в соответствии со стандартами и правилами современной археографии. Они представлены в приложениях к диссертации. Результаты исследования могут быть также использованы при подготовке учебно-методических пособий, общих и специальных учебных курсов по истории России в эпоху Раннего Нового времени, исследований о дипломатии и культуре Российского государства XVII в.

Достоверность проведенного исследования определяется широтой и разнообразием источниковой базы, включающей в себя архивные и опубликованные документы Посольского приказа, дипломатические послания и донесения, произведения европейской «россики» и сопутствующие русские и иностранные источники.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные результаты диссертационного исследования изложены в 6 публикациях общим объемом 3.85 п.л., из которых 4 статьи общим объемом 3.2 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6. – Исторические науки.

Структура диссертации организована по проблемно-хронологическому принципу. Диссертация состоит из введения, шести глав, разделенных на параграфы, заключения, списков использованных источников, литературы, справочных изданий и электронных ресурсов, приложений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социокультурная основа дипломатических отношений России и Венеции выстраивалась главным образом на письменных нарративах, что было обусловлено нерегулярностью, а с конца XVI в. – фактическим прекращением обмена посольствами между государствами.

2. Главными особенностями дипломатического диалога России и Венеции можно назвать постоянный процесс сбора и накопления сведений, практически полезных для переговоров и отсутствовавших в письменных нарративах; поиск компромиссов, несмотря на различия в политической идеологии, языковой барьер и церемониальные конфликты; определяющая роль посредников в сборе информации и решении оперативных и технических вопросов, связанных с переговорами. Нередко посредники с обеих сторон действовали сообща, что демонстрирует способность представителей разных культур сотрудничать для достижения общей цели.

3. Ядром дипломатической стратегии венецианского правительства во время посольства Ивана Чемоданова и Алексея Посникова следует признать древнюю идею «византийского наследия». Стратегия сочетала в себе контакты посланников с греческой общиной Венеции, во время которых транслировалась идея освобождения «Царьграда» от турок, и инициированный венецианцами осмотр восточнохристианских святынь города, который должен был проиллюстрировать русским посланникам близость России и Венеции на основе духовно-политической преемственности павшей Византийской империи. Обращение к этой концепции иллюстрирует связь с ранним этапом дипломатических отношений двух государств в эпоху Ивана III и Василия III.

4. Произведение Альберто Вимины *Relazione della Moscovia* содержит концептуальную картину социального уклада России с опорой на идеи «позитивного варварства», «блаженного неведения свободы», «золотого века» человеческой истории и актуальной политической философии середины XVII в. Жители «Московии» в произведении венецианского автора напоминают как античных гиперборейцев, так и американских индейцев благодаря своему состоянию счастья, простоте и близости к природе. Восприняв многие положения из популярного труда Сигизмунда Герберштейна, Альберто Вимины все же представил куда менее негативный образ «Московии», и в этом отношении он куда ближе к авторам первой четверти XVI в.: Иоганну Фабри, Альберту Кампенскому и Павлу Йовию.

5. В ходе посольства Ивана Чемоданова и Алексея Посникова русские и итальянцы воспринимали друг друга через призму ранее сформировавшихся образов. В русских источниках о посольстве Италия представлена как земля святынь, театральных и музыкальных представлений, многочисленных диковин – эти грани наблюдаются и в ранних источниках, начиная с XV в. Мнение итальянцев о русских посланниках, в особенности о Чемоданове, также опиралось на сформированные в XV–XVI вв. представления, причем речь как о положительных, так и о негативных качествах. Любознательность и уважительный интерес Чемоданова к различным вещам и традициям трактовались итальянцами с позиций культурного превосходства над «северными варварами», а его приверженность собственным культурным традициям воспринималась с иронией или непониманием. В источниках акцентировались негативные черты посланника, такие как похотливость, жестокость, бесцеремонность и склонность к пьянству. Такой набор качеств считался естественным для жителей холодного и «варварского» Севера. И все же русские и итальянцы находили взаимопонимание не в последнюю очередь благодаря театральному и музыкальному искусству, которым русские посланники искреннее восхищались. Их любовь к музыке и пению, которую итальянцы заметили и

приняли во внимание, стала своеобразным «мостиком» между представителями двух культур.

Глава 1. Русско-венецианские дипломатические связи XV – середины XVII вв. и этапы складывания взаимных представлений

§1. Образ Венеции в русской культуре и дипломатии XV – середины XVII вв.¹⁰⁷

История контактов русских и венецианцев и соприкосновения двух культур ведет начало со второй трети XV в. Так, формирование первых непосредственных впечатлений о Венеции относится ко времени Ферраро-Флорентийского собора (1437–1439). Сведения о Венеции содержатся в «Хождении на Флорентийский собор» Неизвестного суздальца, который в емкой и сжатой форме создает «эскиз» этого города на основе личных впечатлений. Сперва он обращает внимание, что Венеция «стоит на мори, а суха пути к нему нетъ» и люди передвигаются на «барках»¹⁰⁸. Второе впечатление – это размеры города и его богато украшенные каменные «полаты»¹⁰⁹. Это удивление повторяется при описании других итальянских городов эпохи Ренессанса, в частности Флоренции¹¹⁰. Третье впечатление связано с торговой деятельностью Венеции, которая охватывает огромные территории «от Иерусалима и от Царяграда, и от Азова, и ис Турьские земли, и ис Срачин, и из Немец»¹¹¹. Как видно, венецианцы, преследуя свои коммерческие интересы, не слишком ориентировались на конфессиональные различия¹¹². По словам русского автора, в городе «товару всякого полно», и

¹⁰⁷ При написании параграфа были использованы материалы одноименной авторской статьи: Шаинов Т.К. Образ Венеции... С. 54–61.

¹⁰⁸ Хождение на Флорентийский собор // Казакова Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1970. Т. 25. С. 69. Слово *barca* на венецианском диалекте является синонимом к более привычному сегодня слову *гондола* (Boerio G. Dizionario del dialetto veneziano. Venezia, 1829. P. 39). Отметим, что данное слово впервые появляется именно в этом источнике (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1 (А–Б). С. 74). Русские были незнакомы с таким типом лодок, поэтому использовали кальку с итальянского слова.

¹⁰⁹ Хождение на Флорентийский собор. С. 69.

¹¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹¹ Там же. С. 69.

¹¹² Сами они выражали свой прагматичный подход выражением «Prima veneziani e poi cristiani» («Сперва венецианцы, а затем христиане»).

это создавало образ Венеции как богатого государства, живущего в изобилии благодаря торговому могуществу.

Значительную часть текста занимает описание святынь, в особенности знаменитой базилики Сан-Марко, украшенной мозаиками («мусиею») и разноцветным мрамором. Автор указывает на изобилие в базилике реликвий, но при этом замечает, что «иманы они из Царяграда»¹¹³. Это отсылает к Четвертому крестовому походу, когда произошло разграбление Константинополя крестоносцами во главе с венецианским дожем Энрико Дандоло – событию, глубоко потрясшему русских людей и ставшему «точкой невозврата» в отношениях с католическим миром¹¹⁴. Однако для самих венецианцев оно имело значительные выгоды как коммерческого, так и религиозного характера. После 1204 г. именно венецианцы получили право избирать латинского патриарха Константинополя и контролировали церкви и монастыри города, что создавало прекрасные возможности для вывоза святынь¹¹⁵. Таким образом, в сознании русского книжника Венеция предстает средоточием общехристианских реликвий, вывезенных, однако, не самым благочестивым образом с православного Востока.

Первые собственно дипломатические контакты России и Венецианской республики пришлось на эпоху Ивана III (1462–1505). Основным инициатором выступала именно русская сторона: по подсчетам Ф. Лонгуорта, среди русско-итальянских посольств этого периода лишь четыре были посланы итальянскими государствами – Венеции среди них нет¹¹⁶. Особенности отношения венецианского правительства к «Московии» можно раскрыть на одном конкретном случае, известном в историографии как «дело Ивана Тривизана». В 1472 г. в Россию прибыл секретарь

¹¹³ Хождение на Флорентийский собор. С. 69.

¹¹⁴ Черная Л.А. Европа как «Запад» в русском средневековом восприятии // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 9.

¹¹⁵ Ястребов А.О. Святыни Венеции: православный историко-художественный путеводитель по базилике св. Марка и церквям Венеции: [маршруты паломничества]. М., 2019. С. 32–33, 45.

¹¹⁶ Longworth P. Op. cit. P. 382.

венецианского Сената Джован-Баттиста Тривизан. Он направлялся в Большую Орду к хану Ахмату, чтобы склонить его к войне с турками. Согласно прямому указанию правительства, он не должен был раскрыть своих замыслов великому князю, въехать в его владения как частное лицо и связаться с Иваном Фрязиным (Джан-Баттистой делла Вольпе), служившим Ивану III в качестве «денежника», т. е. хозяина монетного дела. Фрязин был известен тем, что принимал непосредственное участие в организации женитьбы великого князя на Софье Палеолог и разрабатывал хитроумные дипломатические схемы, направленные на разгром турок-османов и возвращение Венеции ее могущества в Средиземноморье. Поездка в Большую Орду также была его идеей. Стремление сокрыть истинное положение дел привело к заточению Тривизана в темнице, и Сенат был вынужден срочно послать великому князю объяснительное письмо с оправданиями. В летописях главным виновником случившегося назван именно Иван Фрязин, который спланировал т.н. «скифское предприятие» и пошел на прямой обман патрона, которому служил. Тривизан в итоге был отпущен и даже снабжен деньгами для поездки в Большую Орду, а вот действия его «злого гения» были справедливо расценены как личное предательство и стали веским поводом для опалы¹¹⁷. «Дело Ивана Тривизана» ясно показывает своего рода политическое высокомерие венецианцев и их стремление соблюсти свои интересы, о которых правителю «Московии» не следовало знать.

Вышеописанный инцидент, однако, не стал препятствием для дипломатических контактов. Уже в 1474 г. в Венецию отправился первый русский посол – Семен Толбузин¹¹⁸. Целью посольства было уведомить

¹¹⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., Л., 1949. С. 292, 299, 301–302; *Скржинская Е. Ч.* Московская Русь и Венеция времен Ивана III (по русским летописям и венецианским источникам) // *Скржинская Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 211–220; *Матасова Т. А.* Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV – первой трети XVI в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 138–142.

¹¹⁸ До этого посольские миссии возлагались на плечи иноземцев, в основном греков.

Республику о разрешении конфликта с Тривизаном и нанять мастера для строительства Успенского собора¹¹⁹. Сведения о посольстве имеются в т.н. Летописном своде Родиона Кожуха, вошедшем в состав Софийской Второй летописи¹²⁰. Он содержит описания местных святынь, пересказ неких местных легенд и, что наиболее примечательно – уникальное для русской средневековой книжности описание выборов венецианского дожа. Согласно Толбузину, «а того [дожа – *Т.Ш.*] деи поставили ни княжа роду, ни царьска, но избравша всеми людьми, умных и храбрых людей пять или шесть или десять, да велят зерна наметив вкинуть в судно, аки въ ступку, а зерна деи белы, да выняти деи малому дитяти. Его же деи до дваищи вымет зерно, того поставили»¹²¹. Описание выглядит довольно противоречивым и предельно упрощает сложную и многоступенчатую процедуру, которая сложилась к середине XIII в. и сохранялась вплоть до падения Республики в 1797 г.¹²² Однако оно обладает рядом интересных особенностей. Во-первых, особо подчеркивается незнатное происхождение избранного дожа. Незнатен он был с точки зрения русских взглядов на верховную власть, согласно которым легитимным мог быть только наследный представитель правящей династии. Однако это уже могло серьезно понизить статус правителя Венеции в глазах русских людей. Несмотря на то, что в русских летописях дожа чаще всего называли «князем» или «дюкой» (от итал. *duca* – герцог), природа его власти как «князя» отличалась от власти того же князя московского, и это отличие русские люди четко осознавали¹²³. Другой момент – это избрание дожа «всеми людьми», т. е. «политическим народом» республики. Ко времени посольства Толбузина народное собрание Венецианской коммуны, *contio*, было фактически ликвидировано, а единственной его функцией стало

¹¹⁹ Им стал Аристотель Фиораванти (ПСРЛ. Т. 25. С. 303).

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Софийская Вторая летопись. М., 2001. Стб. 218–220.

¹²¹ Там же.

¹²² Впервые по такой многоступенчатой системе был избран дож Лоренцо Тьеполо в 1268 году (*Норвич Дж.* История Венецианской республики. М., 2010. С. 225).

¹²³ *Матасова Т.А.* Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV – начала XVI в. // *Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие.* М., 2013. С. 83.

одобрение избрания путем церемониальной аккламации, не предполагавшей, впрочем, какого-то иного исхода¹²⁴. Церемония происходила в соборе Сан-Марко, и это неслучайно: в венецианской политической культуре существовала особая связь между институтом дожа и культом святого апостола, которая способствовала развитию теократического взгляда на власть¹²⁵. Есть все основания предполагать, что Толбузин побывал в Сан-Марко именно в день этой церемонии, и внешне она действительно могла выглядеть так, будто народ выбрал себе правителя. Упоминание «умных и храбрых мужей» отсылает, очевидно, к членам Большого совета, которые фактически избирали дожа и представляли его народу. Как уже было сказано, система выборов была предельно сложна, и, судя по описанию, Толбузин акцентировал внимание на каких-то интересных лично для него деталях – например, жеребьевке с участием «малого дитяти», в результате которой, по его мнению, и «поставили» дожа¹²⁶. Однако примечателен уже сам факт подобного познавательного интереса русского посланника к политической культуре другого государства, который на данном этапе становления дипломатических отношений еще не заходит дальше внешних проявлений и любопытных деталей.

Ко времени Ивана III относится приезд еще одного дипломатического представителя Венеции, оказавшегося в России волею обстоятельств. Им стал представитель знатнейшего венецианского рода Амброджо Контарини (1429–1499). Его основной задачей было направиться в Персию и убедить шаха Узун Хасана оказать военную поддержку Венеции в борьбе с османами, однако на обратном пути он был вынужден изменить маршрут и ехать через земли Московского княжества. Во владениях Ивана III он пробыл с сентября

¹²⁴ Лукин П.В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. С. 159–161.

¹²⁵ Ястребов А.О. Святыни Венеции. С. 42–43.

¹²⁶ В Венеции его звали *ballotino*: в день выборов самый молодой член Большого совета приводил первого встречного мальчика с улицы во Дворец дожей, где тот принимал участие в выборе выборщиков дожа посредством жребия. Самого дожа он, конечно же, не избирал – этими полномочиями обладали лишь члены Большого совета. См. подробно: Норвич Дж. Указ соч. С. 223–225.

1476 по январь 1477 гг. и даже удостоивался аудиенций у великого князя¹²⁷. Он же стал автором первой в Европе значительной печатной заметки о Московской Руси, вошедшей в его произведение «Путешествие в Персию» (итал. *Viaggio in Persia*)¹²⁸.

В конце XV – начале XVI вв. посланники великого князя московского продолжали регулярно появляться на берегах Лагуны: в 1485–1487 гг. там побывал Юрий Траханиот, а в 1488 г. – Дмитрий и Мануил Ралевы. Последние сообщили дожу и сенаторам о победе Ивана III над Казанским ханством и преподнесли им в дар шкурки соболей¹²⁹. В 1493–1494 гг. в Венеции и Милане побывали Мануил Ангелов и Данила Мамырев, которым надлежало нанять на службу в России специалистов разного рода. Эта же цель была и у посольства 1498–1504 гг., возглавленного тем же Дмитрием Ралевым и Митрофаном Карачаровым. Любопытные детали этой поездки есть в «Дневниках» венецианского сенатора Марино Сануто. На него они произвели впечатление очень богатых людей, что демонстрировало не только их одеяние, но и княжеские дары. Они преподнесли в дар сенаторам большое количество соболей, а также диковинную «рыбью кость», т. е. моржовый клык. Посланники также привезли с собой на продажу множество драгоценных мехов и ножей из «рыбьего зуба»¹³⁰. Как пишет Р. Орси Ландини, меха стали для России аналогом американского золота для Испанской монархии, а Венеция, в свою очередь, являлась одним из итальянских центров их продажи¹³¹. Можно сказать, соболи стали своего рода *a trademark* Российского государства и способствовали формированию

¹²⁷ Алпатов М.А. Указ. соч. С. 220.

¹²⁸ Кудрявцев О.Ф. Визит поневоле: Россия Ивана III глазами венецианского посла Амброджо Контарини // Средние века. 2014. № 1-2 (75). С. 143. Итальянский текст с русским переводом представлен в работе: Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 188–210 (итальянский текст); 210–235 (перевод).

¹²⁹ Скржинская Е.Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV веке) // Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия... С. 154.

¹³⁰ Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 66–67.

¹³¹ Orsi Landini R. Zibellini e drappi d'oro... P. 72, 74.

ее образа как богатой северной державы, на который накладывались традиционные книжные представления о Севере как о мрачном царстве вечной зимы¹³². Но интерес итальянцев к Русскому Северу на фоне начавшейся эпохи Великих географических открытий лишь усиливался и подпитывался стремлением найти новый морской путь на Восток¹³³. Случился во время посольства и дипломатический скандал: Митрофанова и Карачарова не допустили до участия в придворной церемонии, т. к. они не согласились идти позади представителей французского короля, которых считали ниже себя рангом. Т.А. Матасова утверждает, что на такое отношение повлияло проанализированное выше сообщение Толбузина о выборной природе власти дожа, которая по этой причине стояла явно ниже власти великого князя московского¹³⁴. Как уже было сказано, отстаивать государеву честь было для русских посланников важнейшей дипломатической задачей.

Уже со второй половины XV в. Венеция пыталась склонить великих князей московских к антитурецкому союзу, апеллируя к их «византийскому наследству». Эти попытки были бесплодными и, согласно хрестоматийному мнению русского исследователя Ф.И. Успенского, венецианцы «всегда вычитывали больше из писем великих князей, чем в них содержалось»¹³⁵. Характерна запись от 1474 г., сделанная сенатором Доменико Малипьери в своих «Венецианских анналах» по следам того же посольства Толбузина: «Предполагается, что этот король [Иван III – Т.Ш.] в скором времени (!) направится на борьбу с турками, потому что он – зять деспота Фомы Палеолога, умершего в Риме...»¹³⁶. Русские князья пользовались этой верой для своих политических целей, формируя положительный образ

¹³² Матасова Т.А. Европейский Север и Северо-Восток в представлениях русских и итальянцев в XIV – начале XVI в. // Средневековая Русь. 2012. Т. 10. С. 340.

¹³³ Она же. Русские посланники в Венеции... С. 67.

¹³⁴ Там же. С. 66.

¹³⁵ Успенский Ф.И. Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. № 11. С. 685.

¹³⁶ Цит. по: Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия... С. 281 (перевод). Итальянский текст – Там же. С. 259.

Московского государства как ценного партнера и потенциального союзника Венеции¹³⁷. В то же время нельзя сказать, что турецкая тема вовсе не интересовала русское общество. К 1520-м гг. относится появление «Сказания брани венециан противу турецкого царя», одного из наиболее ранних произведений на эту тему в русской книжности. Это переводная и сокращенная версия памятника, возникшего в Венеции и попавшего в Россию через польское посредничество¹³⁸. Содержание отражает интерес русского автора к турецкой теме и имплицитную идею вступления России в антитурецкую лигу¹³⁹. Данный вопрос был одним из ключевых в русско-европейской дипломатии того времени и заботил многие европейские державы, включая Венецию¹⁴⁰. Так в русской книжности формируется новая грань образа Светлейшей республики как одного из противников грозной Османской империи. В указанный период тема турецко-венецианского противостояния не являлась доминирующей, о чем говорит и отсутствие в переводной версии сведений о собственно «брани», т. е. конкретном военном столкновении. Однако можно вновь отметить наличие познавательного интереса, на основании которого «турецкая тема» будет развиваться уже во второй половине XVI – XVII вв.

К 1530-м гг. в России подошло к концу «столетие итальянских влияний», главным итогом которого, по словам Дж. Биллингтона, стала возросшая подозрительность по отношению к Западу¹⁴¹. Общего мнения касательно причин этого до сих пор нет¹⁴², но важен прежде всего факт

¹³⁷ *Матасова Т.А.* Итальянские политические реалии... С. 85.

¹³⁸ *Казакова Н.А.* Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 66.

¹³⁹ Там же. С. 68.

¹⁴⁰ *Кудрявцев О.Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., авт. ввводн. стат., прим., указ. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 26.

¹⁴¹ *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 127.

¹⁴² Не так давно было высказано предположение о решающем влиянии на прекращение контактов поездки русских посланников Еремея Трусова и Шарапа Лодыгина в 1527–1528 гг. к римскому папе, чей город незадолго до этого пережил настоящую катастрофу под

свертывания прямых дипломатических связей с итальянскими государствами, в том числе с Венецией. Известны планы венецианцев привлечь Россию к антитурецкой Священной лиге во время Кипрской войны 1570–1573 гг. и отправить посольство к царю Ивану IV (1533–1584). Планы, впрочем, так и не воплотились в конкретные действия¹⁴³, а венецианские послания с призывами встать за общехристианское дело против турок русский царь оставил без ответа¹⁴⁴. Сколько-нибудь значимым исключением можно считать последние годы правления Ивана IV Грозного (1533–1584), когда в течение 1581–1582 гг. в Республике побывали сначала гонец Истома Шевригин¹⁴⁵, а затем посланники Яков Молвянинов и Тишина (Тишка) Васильев¹⁴⁶. Эти поездки были связаны с мирными переговорами царя и польского короля Стефана Батория на заключительном этапе Ливонской войны. Венеция не была главным пунктом назначения русских посланников: они направлялись к немецкому императору Рудольфу II (1576–1612) и в Рим. В этой связи собственно Венеции в сохранившихся статейных списках посвящено не так много, но и имеющиеся сведения представляют интерес.

Шевригин отмечает, что «венецейской князь, и венецеяне сами себе властуют, никому не голдуют, ни Цесарю, ни Папе»¹⁴⁷. Очевидно, что в данном описании Венеция предстает сильным и, что важнее, независимым государством. Однако далее следует пассаж, что «венецеяне Турскому [султану] дают с году на год *великие дары за выходу место*»¹⁴⁸, т. е.

названием *il Sacco di Roma*. Об этом см. подробно: *Матасова Т.А.* Русские посланники при папском дворе в Орвието зимой 1528 г., или почему в России закончилось «столетие итальянских влияний»? // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. Сб. науч. стат. СПб., 2020. С. 252–263.

¹⁴³ *Дубровский И.В.* Венеция, греки и Московское царство в начале Кипрской войны // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2015. С. 21–73.

¹⁴⁴ Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы / Отв. ред. С.В. Полехов, В.В. Рыбаков, А.В. Толстиков, С.Г. Яковенко. СПб., 2023. С. 443–445, 452–454.

¹⁴⁵ ПДС. Т. X. Стб. 31.

¹⁴⁶ ПДС. СПб., 1851. Т. I. Стб. 875–879.

¹⁴⁷ ПДС. Т. X. Стб. 26.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 27.

фактически платят дань в форме даров. В этом же контексте следует описание победы в знаменитой битве при Лепанто 1571 г.: «да венецеяне ж побии турских людей лета 7070 восмом году с шпанскими людьми вместе [...] а взяли двести катарг и караблей, а людей убили сто тысяч»¹⁴⁹. Наблюдается более конкретное, нежели несколькими десятилетиями ранее, развитие «турецкой темы». На это могли повлиять изменения, которые претерпели отношения России с Османской империей за это время: относительно миролюбивый период сменился военным столкновением в 1568–1570 гг. и противостоянием во время выборов польского короля в 1576 г.¹⁵⁰

Описание Якова Молвянинова сосредоточено не на политических аспектах, а на внешнем облике Венеции. Он замечает, что «Венеция стоит не на море, на заливе морском, на мели, на островах в розных местех, а до большого моря от города Венеции до берегу версты с две»¹⁵¹. Посол как будто полемизирует с описанием, данным за полтора столетия до него Неизвестным суздальцем и утверждавшим, что город «стоит на мори, а суха пути к нему неть»¹⁵². Упоминает Молвянинов и регулярные приливы и отливы: «а взливается под город морская вода и отливается назад в море, в день и ночь по шти часов»¹⁵³. Нечто подобное описывал и Семен Толбузин: «град тьи трижды море поймает на день, коли взиграется...»¹⁵⁴. Кроме того, в Венеции «винограды и сады всякие по монастырем и по городу во многих местех»¹⁵⁵. Конкретно это место вызывает удивление, так как сады – не то, с чем ассоциируется Венеция даже у современного человека, не говоря уже о

¹⁴⁹ Там же. О победе венецианские сенаторы также сообщали Ивану IV в послании, датированном январем-февралем 1572 г. См. Дипломатическая переписка Ивана Грозного... С. 452–454.

¹⁵⁰ *Мухутдинов А.Р.* Специфика турецко-российских отношений в эпоху султана Сулеймана Кануни // *Уральское востоковедение: международный альманах.* 2018. Вып. 8. С. 47.

¹⁵¹ ПДС. Т. I. Стб. 876.

¹⁵² Хождение на Флорентийский собор. С. 69.

¹⁵³ ПДС. Т. I. Стб. 876.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 220.

¹⁵⁵ ПДС. Т. I. Стб. 876.

посланнике московского царя, побывавшего там проездом. Вполне возможно, что эти слова Молвянинова иллюстрируют одну из форм его досуга во время вынужденного простоя: как сообщает тот же статейный список, Яков с Тишкой задержались в городе на тринадцать дней¹⁵⁶. Посольство было полезным и для налаживания торговых отношений: Молвянинов с Васильевым передали Сенату царские грамоты с дозволением венецианским купцам торговать в России и свободно проезжать в Персию¹⁵⁷. Сенат, в свою очередь, также постановил обеспечить русским подданным наиболее благоприятные условия для торговых и иных дел¹⁵⁸. К концу века с Россией напрямую торговали венецианцы Корнелио делла Венда, Франческо Уринс и Джакомо Валеманс¹⁵⁹.

Последующие десятилетия Смуты и долгого восстановления государственности и экономики еще сильнее оторвали Россию от активной внешней политики, которая до середины XVII в. была сосредоточена на отношениях с ближайшими соседями. Правление Алексея Михайловича стало тем временем, когда страна вновь начала вступать в дипломатические отношения с европейскими странами и в целом демонстрировать бóльшую заинтересованность в информации о происходящем за рубежом. Одним из основных средств получения политических, военных, социально-экономических сведений о странах были т.н. куранты – обзоры иностранной прессы для царя и членов Боярской думы¹⁶⁰. В частности, российское правительство через куранты следило за Кандийской войной между Турцией и Венецией. Новости о ней доходили до России нерегулярно и с опозданием

¹⁵⁶ Там же. Стб. 878. Кроме того, уже в Риме они также посещали сады кардиналов (*Дубровский И.В.* Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // *Русский сборник: Исследования по истории России.* Том XIV. М., 2013. С. 49).

¹⁵⁷ Дипломатическая переписка Ивана Грозного... С.605–610, 610–612. Аналогичное разрешение получили и купцы Папского государства.

¹⁵⁸ Там же. С. 621–622.

¹⁵⁹ *Шаркова И.С.* Россия и Италия... С. 34.

¹⁶⁰ *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., СПб., 2011. С. 3.

в несколько месяцев¹⁶¹, однако все равно позволяли проследить основные события и общий ход войны. Так, в России было известно о захвате турками важнейшего критского порта Канея (совр. Ханья) и попытках венецианцев ее отбить в первые годы войны¹⁶²; об осаде столицы Крита Кандии и героизме ее защитников¹⁶³; о морской блокаде венецианцами пролива Дарданеллы с целью воспрепятствовать туркам поставлять продовольствие и подкрепление на Крит¹⁶⁴; о попытках мирных переговоров в 1649 и 1652 гг.¹⁶⁵; о помощи европейских держав, среди которых были Франция, Испания и Папское государство¹⁶⁶. Часть сообщений содержит описания внутренних смут в Османской империи во время малолетства султана Мехмеда IV, преемника умершего в 1648 г. султана Ибрагима I (1640–1648)¹⁶⁷. Большинство сообщений посвящено отдельным столкновениям: по ним заметно, что у венецианцев долгое время было преимущество на море, и это обосновывает уже сформированный ранее образ Венеции как сильной морской державы. Можно сказать, что эти краткие «сводки с фронта» развивали образ Венеции и как одного из главных противников Османской империи, который закладывался в источниках XVI в.

Итак, перед нами – многогранный, но довольно фрагментарный образ Венеции, который к середине XVII в. сложился в русской культуре и отразился в источниках. Его главными чертами являются: тесная связь города с морем, наличие в нем общехристианских святынь, вывезенных с Востока, обеспеченное торговой деятельностью благосостояние и ключевая роль военного противостояния с Османской империей. Венецианцы – это предприимчивые торговцы, готовые торговать даже с «неверными», и

¹⁶¹ *Он же*. Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения – 6. Сборник статей / Отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2008. С. 78.

¹⁶² Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. М., 1980. С. 58, 76, 124, 131 (Далее – В-К III).

¹⁶³ Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М., 1983. С. 64, 69, 76 (Далее – В-К IV). Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996. С. 61, 65–66 (Далее – В-К V).

¹⁶⁴ В-К III. С. 120; В-К IV. С. 99; В-К V. С. 44

¹⁶⁵ В-К IV. С. 97. В-К V. С. 52, 55, 73.

¹⁶⁶ В-К III. С. 129, 152; В-К IV. С. 136.

¹⁶⁷ В-К IV. С. 75, 128, 132, 167. В-К V. С. 100, 114.

грозные моряки, побеждающие на море своего заклятого врага в лице турок-османов. Российское правительство было в курсе актуальных внешнеполитических событий середины XVII в., связанных с военным противостоянием Венеции и Османской империи за о. Крит. Однако о политическом устройстве венецианского государства сведений было куда меньше. Центральное место в этих представлениях занимала фигура «князя», т. е. дожа. Особенности его власти, в частности выборность, содержатся в наиболее ранних источниках второй половины XV в., однако в дальнейшем эти сведения не были качественно развиты и углублены. Это было связано с отсутствием не только постоянных дипломатических отношений между государствами, но и потребности в глубоком осмыслении республиканского строя в русской политической и книжной культуре допетровской эпохи¹⁶⁸.

§2. Сведения о «Московии» в венецианской и европейской интеллектуальной традиции XV–XVI вв.

Из проведенного выше анализа можно сделать вывод, что для Венецианской республики дипломатия не стала главным источником сведений о России. Однако европейская интеллектуальная мысль XV–XVII вв. породила феномен т.н. «россики»: огромного корпуса произведений о «Московии»¹⁶⁹. На формирование этого корпуса оказывали влияние многие факторы: Великие географические открытия с их интересом к исследованию человеческого мира и удивительных обычаев населяющих его народов; рецепция трудов античных историков и географов (Геродота, Плиния Старшего, Тацита, Птолемея, Страбона, Помпония Мелы и др.), предоставившая авторам необходимые формы, методы и фактологическую базу для описания этих народов; наконец, гуманизм с его идеями и

¹⁶⁸ Ерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: дискурсы общего дела в Московской Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. М., 2021. С. 161–162.

¹⁶⁹ Наиболее полный их перечень представлен в работе М. По: *Poe M.T. Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*. Columbus, Ohio, 1995 и др. издания.

представлениями о человеке как носителе образованности и цивилизационных начал¹⁷⁰. Все эти факторы сошлись в XVI в., который стал определяющим для развития представлений Европы о России и самой себе. Именно тогда были написаны и опубликованы наиболее влиятельные космографические и этнографические сочинения, посвященные русскому миру в его географическом, социально-политическом и культурно-религиозном измерении, и именно тогда Европа искала свою историко-культурную идентичность через столкновение с «другими» мирами. Одним из таких миров была и Россия, чье восприятие европейцами прошло драматичный путь от воодушевления и надежды до разочарования и неприятия¹⁷¹. На протяжении XVI в. аристотелевская по своей природе дихотомия цивилизации и варварства, «своих» и «чужих» использовалась европейцами для военной пропаганды, оправдания колонизации Нового Света и впоследствии – обоснования враждебности России Европе.

Венецианские авторы занимали отнюдь не последнее место в формировании корпуса «россики». Достаточно сказать, что одни из наиболее ранних письменных нарративов о «Московии» были написаны венецианцами: два из них принадлежат купцам и дипломатам Амброджо Контарини¹⁷² и Иосафату Барбаро¹⁷³, а еще одно – историографу

¹⁷⁰ *Idem*. “A People Born to Slavery”: Russia in early modern European ethnography, 1476 – 1748. Ithaca, New York, London, 2000. P. 14–15.

¹⁷¹ Об истории этого процесса см. например: *Филлюшкин А.И.* Как Россия стала для Европы Азией? // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве.* 2004. № 1. С. 191–228.

¹⁷² Как уже упоминалось, сведения о России представлены на страницах его труда «Путешествие в Персию». Основные черты русской действительности, которые можно найти в его описании – это изобилие и дешевизна пищи, внешняя красота людей, но вместе с тем их грубость, непомерное религиозное самомнение, склонность к пьянству и низкие способности к военному искусству, что компенсируется большой численностью самих войск. Особым достоинством текста можно считать, по словам О.Ф. Кудрявцева, «наглядный, психологически по-разному нюансированный портрет московского государя Ивана III». Сочинение Контарини оказало незначительное влияние на развитие европейской «россики» из-за языка оригинала (было впервые опубликовано в 1487 г. на венецианском диалекте итальянского языка, переиздавалось в 1524 и 1543 гг.) и ограниченного тиража издания (*Кудрявцев О.Ф.* Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М., 2020. С. 117; *Он же.* О некоторых

Маркантонио Коччио по прозвищу Сабеллико (1436–1506)¹⁷⁴. В 1519 г. венецианский посланник на императорской службе Франческо да Колло написал сочинение «Доношение о Московии» (итал. *Relatione sulla Moscovia*)¹⁷⁵, а к середине XVI в. относятся еще два сочинения о России, написанные венецианцами: «Донесение о Московии», ошибочно приписанное венецианскому послу Марко Фоскарини (итал. *Discorso della Moscovia di Marco Foscarino, almeno attributo a lui, 1557*)¹⁷⁶ и «Рассуждение о

стереотипах восприятия России и русских в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4(74). С. 54).

¹⁷³ И. Барбаро включил сведения о России в состав своего сочинения «Путешествие в Тану». Написанное ок. 1488 или 1489 г., оно было впервые опубликовано только в 1543 г. в сборнике *Viaggi fatti da Vinetia*. Информация о русских землях в значительной мере совпадает с приведенной у А. Контарини, что говорит об использовании одним текстов другого (Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини... С. 100–104; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 225; Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI вв.: Историко-библиографический очерк. М., 1995. С. 34). Итальянский текст с переводом на русский язык представлен в: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини... С. 113–136 (итальянский текст), 136–161 (перевод).

¹⁷⁴ Сабеллико является автором космографического труда «Исторические рапсподии», в котором описана история от Сотворения мира до 1503 года. Русские, или «рутены», как автор называет их на античный манер, отнесены им к скифским народам, а их быт и одежды сравниваются с восточными, в частности турецкими. Подробнее об этом сочинении см. Кудрявцев О. Ф. Русские земли... С. 14–30.

¹⁷⁵ Сочинение было впервые опубликовано лишь в 1603 году (Д'Амато Дж. Указ. соч. С. 59–64). Отличительными особенностями его содержания являются утверждение автора о существовании в России Рифейских и Гиперборейских гор, что на тот момент уже было отвергнуто М. Меховским, и описание власти московского государя как тиранической. Текст и перевод памятника на русский опубликован в: Да Колло Ф. Доношение о Московии / Подг. текста, пер. на русс. яз., вступит. стат. и комм. О. Симчич. М., 1996.

¹⁷⁶ Ф. Аделунг в своем «Критико-литературном обозрении» отмечал существование туманных сведений о посольстве венецианца Марко Фоскарини в Москву в 1537 году, о котором, как признал сам исследователь, нет никаких данных в русских источниках. В своем утверждении он ссылаясь на *Discorso della Moscovia*, которое он считал описанием путешествия посланника (Аделунг Ф. П. Указ. соч. С. 122). Известно, что А. И. Тургенев, издавая в 1841 году латинский текст данного сочинения в *Historica Russiae Monumenta*, также приписал его венецианскому посланнику. Однако уже к началу XX в. стало ясно, что и Аделунг, и Тургенев допустили ошибку: Фоскарини не был в России и не являлся автором *Discorso*, о чем написал в предисловии к его русскому переводу В. И. Огородников (Донесение о Московии второй половины XVI века / Пер. с итал., с предисл., примеч. и прил. В. И. Огородникова М., 1913. С. IV, XII). На данный момент автор сочинения неизвестен, но можно утверждать с определенной уверенностью, что он был венецианцем (Д'Амато Дж. Указ. соч. С. 86).

делах Московии» Франческо Тьеполо (итал. *Discorso della Moscovia*, 1560)¹⁷⁷. В области картографии восточноевропейских земель Венеция также была в авангарде тогдашней науки¹⁷⁸. Достаточно назвать карты Баттисты Аньезе (1500–1564) и Якопо Гастальди (руб. XV–XVI вв. – 1566), которые были произведены в Венеции во второй четверти – середине XVI в. и отразили передовые данные о физической географии региона, в частности развенчание мифа о Рифейских и Гиперборейских горах на территории земель Московского княжества¹⁷⁹.

Венецианцы могли опереться и на сочинения других авторов, писавших о России. Венеция XV – начала XVII вв. носила статус одного из крупнейших книгопечатных центров Европы¹⁸⁰, поэтому здесь публиковались все сколько-нибудь значимые произведения со сведениями о «Московии». Это, в частности, «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского (четыре издания с 1542 по 1584 гг.)¹⁸¹, «Письмо о делах Московии блаженнейшему папе Клименту VII» Альберта Кампенского (семь изданий с 1543 по 1613 гг.)¹⁸², «Книга о посольстве Дмитрия Герасимова к папе Клименту VII» епископа Павла Йовия (четыре издания с 1545 по 1583 гг.)¹⁸³, «Универсальные реляции» Джованни Ботеро (пятнадцать изданий с 1596 по 1659 гг.)¹⁸⁴. Труд последнего, по словам Дж. Д'Амато, оказывал огромное влияние на итальянских авторов в XVII в.¹⁸⁵ Особое место в

¹⁷⁷ Сочинение было переведено на русский язык С.А. Аннинским и снабжено им вступительной статьей и комментарием. См. *Аннинский С.А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. М.-Л., 1940. Вып. 3. С. 305–388.

¹⁷⁸ *Cronia A.* Op. cit. P. 113.

¹⁷⁹ Об этих картах и их авторах см. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Серия 1. Вып. 1. С. 3–4, 7, 9; *Багров Л.С.* История русской картографии. М., 2005. С. 126–134; *Кудрявцев О.Ф.* Русские земли... С. 187–200, 305–327. О ренессансной картографии «Московии» см. например: *Licini P.* La Moscovia rappresentata. L'immagine «capovolta» della Russia nella cartografia rinascimentale europea. Milano, 1988.

¹⁸⁰ *King M. L.* The Venetian intellectual world // A companion to Venetian History, 1400–1797 / edit. by E. R. Dursteler. Leiden, Boston, 2013. P. 592.

¹⁸¹ *Кудрявцев О.Ф.* Русские земли... С. 119–120.

¹⁸² Альберт Кампенский: введение // Россия в первой половине XVI века... С. 69.

¹⁸³ Там же. С. 220; *Cronia A.* Op. cit. P. 132–134.

¹⁸⁴ *Д'Амато Дж.* Указ. соч. С. 128.

¹⁸⁵ Там же. С. 127, 130–131.

истории венецианского книгоиздания занимает трехтомный компендиум чиновника и путешественника Джованни Баттисты Рамузио (1485–1557) под названием «Плавания и путешествия» (итал. *Delle Navigazioni et Viaggi*)¹⁸⁶. Его справедливо можно назвать отцом истории географической науки¹⁸⁷. В нем были собраны географические трактаты об Азии, Африке, Америке, а во втором томе, вышедшем посмертно в 1559 г., были опубликованы сочинения и о России¹⁸⁸. Этот том был посвящен Азии, что иллюстрирует восприятие венецианцами русских земель как «восточных»¹⁸⁹.

Разумеется, нельзя не сказать о сочинении немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» (лат. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*), которое как минимум до середины XVII в. было *must read* для большинства позднейших авторов и всех, кто вообще интересовался Россией¹⁹⁰. В период с 1549 по 1611 гг. вышло 22 издания «Записок» в восьми крупных европейских городах; в Венеции оно было впервые опубликовано в 1550 г., т. е. всего годом позднее выхода оригинального венского издания¹⁹¹. На страницах своего труда Герберштейн создал цельную картину «Московии», опираясь как на собственный опыт во время посольств 1517 и 1526 гг., так и на русские источники благодаря знанию славянского языка¹⁹². Герберштейн, по сути, обесценил многие предыдущие труды о России и своим трактатом обеспечил преобладание в европейской интеллектуальной традиции ее куда более негативного образа в

¹⁸⁶ King M. L. Op. cit. P. 595.

¹⁸⁷ Cronia A. Op. cit. P. 114.

¹⁸⁸ Д'Амато Дж. Указ. соч. С. 16–17. В частности, туда вошли сочинения И. Барбаро, А. Контарини, А. Кампенского, П. Йовия и др.

¹⁸⁹ Cronia A. Op. cit. P. 117.

¹⁹⁰ Д'Амато Дж. Указ. соч. С. 57. О влиянии сочинения Герберштейна на позднейшую «россику» см. например: Leitsch W. Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the 16th and 17th Centuries – Some Observations on the Technique of Borrowing // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 24. Wiesbaden, 1978. S. 163–177; Baron S.H. Herberstein's Image of Russia and its Transmission through Later Writers // Siegmund Herberstein. Kaiserliche Gesandter und Begründer der Russlandkunde und die europäische Diplomatie / Hg. von G. Pferschy. Graz, 1989. S. 245–273.

¹⁹¹ Пое М.Т. “A People Born to Slavery”... P. 135; Д'Амато Дж. Указ. соч. С. 55.

¹⁹² Алтамов М.А. Указ. соч. С. 248; Пое М.Т. “A People Born to Slavery”... P. 118.

духе польско-литовской пропаганды¹⁹³. Однако не он изобрел этот образ, господствовавший в умах образованных европейцев многие десятилетия и даже столетия после публикации «Записок»: Герберштейн опирался на выработанную «долгими столетиями и даже тысячелетиями» традицию восприятия русских земель со всеми ее стереотипами, которым «он дал новую жизнь, очень выразительно иллюстрируя их умело подобранными или сочиненными картинами русской действительности»¹⁹⁴. Многие из них встречаются и у ранних, и у позднейших авторов. Ключевым выступает восприятие России как северной страны, которое осмысливалось как с точки зрения климата, так и с точки зрения астрологии. Согласно античным представлениям, перекочевавшим в средневековые и ренессансные космографии, северные народы находятся под негативным воздействием планеты Сатурн и «холодных» знаков Водолея и Козерога, что вкупе с холодным климатом делает их жестокими, необузданными и чуждыми представлениям о цивилизованности. Все это накладывает на них печать варварства, которое обусловлено самим устройством мироздания и поэтому не может быть преодолено¹⁹⁵. Наиболее справедливо это для жителей т.н. «Азиатской Скифии», о которой писал Меховский, но и русские ввиду соседства с ними переняли многие «скифские» и татарские элементы¹⁹⁶. В частности, их можно было наблюдать в политическом устройстве «Московии», а именно в абсолютном характере власти ее государя¹⁹⁷. И если,

¹⁹³ Кудрявцев О.Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 215; Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 220.

¹⁹⁴ Кудрявцев О.Ф. О некоторых стереотипах... С. 60.

¹⁹⁵ Он же. «Другой мир»: Характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: Из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сб. стат. в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 535.

¹⁹⁶ Он же. Русские земли... С. 140–142; Д'Амато Дж. Указ. соч. С. 124.

¹⁹⁷ Подробнейший разбор происхождения и развития идеи русского деспотизма на страницах более девяноста сочинений иностранцев см. в работе Поэ М. Т. "A People Born to Slavery"...

например, у Фабри это представлено скорее как достоинство¹⁹⁸, то у Герберштейна неограниченная власть «Московита» обретала черты однозначной тирании – худшей формы правления. По словам М. По, немецкий дипломат свел общественное устройство России к четырем основным характеристикам: абсолютизм (власть правителя над всеми институтами в государстве), деспотизм (полный контроль правителем всей собственности в стране), рабское положение подданных (правитель может перемещать огромные массы населения по стране и распоряжаться ими по своему усмотрению) и обожествление особы монарха¹⁹⁹. Еще одной характерной чертой русских была приверженность «греческой вере» и упрямое нежелание признавать авторитет папы римского. Наиболее красноречиво это выразил тот же Контарини: «У них есть свой папа, как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы [католики – *Т.Ш.*] вовсе погибшие люди»²⁰⁰. Ему вторил и Герберштейн: «Московиты похваляются, что они одни только истинные христиане, а нас осуждают как отступников от первоначальной церкви и древних уставов»²⁰¹. Нередко такая приверженность становилась объяснением присущей «московитам» нравственной ущербности, как это представлено в «Истории северных народов» Олауса Магнуса (Гота), одной из популярных космографий середины XVI в., также знакомой Герберштейну²⁰². Эта ущербность выражалась в необразованности, слабохарактерности,

¹⁹⁸ «...величайшим проступком и бесчестьем считается у них [русских – *Т.Ш.*], если кто-то по своей воле не услужит во всем [своему] герцогу... Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия» – *Фабри И.* Религия московитов // Россия в первой половине XVI века... С. 177–178.

¹⁹⁹ *По М. Т.* “A People Born to Slavery”... P. 139–140.

²⁰⁰ «Hanno un papa fatto per il suo signore allor modo, et del nostro fanno poca stima; et dicono noi siamo persi del tutto» (*Ambrogio Contarini.* Viaggio in Persia // *Скрябинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини... С. 204, 228).

²⁰¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I: Лат. и нем. тексты, русск. переводы с лат. А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненем. А.В. Назаренко / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. С. 217.

²⁰² *Кудрявцев О. Ф.* Русские земли... С. 376–377. Об Олаусе Магнусе см. подробнее: *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

сексуальных извращениях, склонности к низменным неограниченным удовольствиям и добровольному самозакабалению. Как писал немецкий дипломат в своем сочинении, «этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»²⁰³. Такое клеймо душевного порока явно противоречило мнениям того же И. Фабри, А. Кампенского или П. Йовия, до Герберштейна представивших русских как носителей истинно христианских добродетелей, о которых европейцы попросту забыли²⁰⁴. Несомненными достоинствами России были ее богатства и природные ресурсы, в частности пушнина, мед, воск и «рыбий зуб», а также наличие у «Московита» огромного войска – по оценкам разных авторов, насчитывавшее несколько сотен тысяч всадников²⁰⁵. Хотя качества этих воинов тот же Герберштейн оценивал крайне низко: возлагая надежду на численность, «москвиты» пренебрегают тактическим искусством, потому терпят неудачи в штурмах городов, не умеют пользоваться артиллерией и не считаются с потерями²⁰⁶.

Итак, благодаря наличию значительного корпуса сочинений венецианцы, вероятно, знали больше о России, нежели русские о Венеции. Разнообразные сведения о физической и экономической географии, политическом и социальном устройстве, религии и армии позволяли создать цельный образ «Московии», в отличие от довольно фрагментарного образа Светлейшей республики в русских источниках. Однако могла ли вся эта богатая информация быть полезной для дипломатической практики? Если и да, то со многими оговорками. Как и русские, венецианцы не могли полностью компенсировать десятилетия отсутствия дипломатических отношений фактами, почерпнутыми из книг. Кроме того, представленный в них образ «Московии» вобрал в себя множество негативных стереотипов и в целом был достаточно неприглядным: природное богатство земли сочеталось

²⁰³ Герберштейн С. Указ. соч. С. 239.

²⁰⁴ Кудрявцев О.Ф. Двойкий образ России... С. 196.

²⁰⁵ Матасова Т.А. Европейский Север... С. 359–360; Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя... С. 10.

²⁰⁶ Герберштейн С. Указ. соч. С. 87–89.

с тиранией правителя, рабством и необразованностью ее жителей и низким по европейским меркам уровнем культуры. Интерес же к лежавшей на окраине Европы огромной державе оставался по большей части ограниченным и утилитарным²⁰⁷. Европейцы могли рассматривать Россию то как полезного союзника, то как страшного врага у своих ворот, и в определенные моменты истории преобладал то первый, то второй аспект. Актуализация положительных черт часто была связана с наличием другой угрозы, как это было например в 1520-е гг. на фоне Реформации и наступления турок в Европе²⁰⁸. Последнее особенно остро переживалось в Венеции, которая уже с конца XV в. призывала московских князей и царей присоединиться к ее борьбе с Османской империей, а в середине XVII в. вела очередную тяжелую войну в Средиземноморье. Заметно, что в русских источниках нет пристального внимания к общественно-политическому устройству Венеции, в то время как аналогичный уклад «Московии» вызывал большой интерес у европейцев и венецианцев в частности. Религиозные вопросы также затрагивались с разных позиций: для русских людей ключевым был факт наличия в Венеции святынь Востока, перемещенных туда не всегда праведным способом, в то время как европейцев интересовала религиозная исключительность «москвитов», их приверженность восточному христианству и подозрительное, даже неприязненное отношение к супрематии папы римского. Однако были во взаимных представлениях и черты сходства. И Россия, и Венеция считали друг друга богатыми государствами: в русских источниках особо подчеркивалось торговое могущество Республики, а в европейской «россике» – огромное количество природных ресурсов, которыми располагает русский правитель. Это сходство могло стать необходимой «точкой соприкосновения» в дипломатических отношениях. Еще одно сходство связано с неоднократно упоминавшейся «турецкой темой»: в русских источниках присутствуют грани образа

²⁰⁷ Cronia A. Op. cit. P. 245–246.

²⁰⁸ Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя... С. 9–11.

Венеции как главного противника Османской империи, а сами венецианцы на протяжении многих десятилетий видели в России потенциального союзника в своих конфликтах с турками. Именно это представление, как уже упоминалось выше, сподвигло венецианское правительство к отправке посольства в далекую «Московию», и потенциально оно также могло стать фактором политического сближения двух государств.

Глава 2. Посольство Альберто Вимины в Россию

§1. Биография Альберто Вимины и организация посольства в Россию

Начало турецко-венецианской войны в 1645 г. подвело черту под десятилетиями мира, продолжавшимися после османского завоевания Кипра в 1573 г. Теперь под угрозой оказалось последнее значимое заморское владение Республики – остров Крит, по которому война и получила свое название²⁰⁹. Как и в предыдущие противостояния с «Великим Турком», венецианцы нуждались в объединении сил христианских держав для отражения угрозы, однако на момент начала борьбы за Крит в Европе все еще бушевала Тридцатилетняя война. Для Венеции, не участвовавшей в этом конфликте, было крайне важно поспособствовать заключению мира между державами, дабы вернуть их к решению турецкого вопроса, и содействовать открытию «второго фронта» на Черном море²¹⁰. Последнее было тесно связано с военной стратегией венецианцев. Не питая иллюзий относительно намерений османов, венецианский байюл (резидент) в Константинополе Альвизе Контарини (1597–1651) уже в конце 1630-х гг. предлагал в случае войны осуществить морскую блокаду столицы империи с Эгейского и Черного морей, что позволило бы внести смуту в снабжение большого города продовольствием и ресурсами для ведения военных действий. И если блокада с Эгейского моря должна была быть осуществлена силами венецианского флота (в чем превосходстве над османским Контарини не сомневался), то с Черного моря это должны были сделать казаки²¹¹. В эпицентре этих событий и дипломатических схем оказался и венецианский деятель Альберто Вимины,

²⁰⁹ Об этой войне см. например: *Mason N. D. The War of Candia, 1645–1669. LSU Historical Dissertations and Theses. Louisiana, 1972*; *Setton K.M. Venice, Austria, and the Turks in the Seventeenth Century. Philadelphia, 1991. P. 104–243*; *Mugnai B. The Cretan War, 1645–1670: The Venetian-Ottoman Struggle in the Mediterranean. Warwick, 2018*; *Норвич Дж. Указ. соч. С. 718–743.*

²¹⁰ *Caccamo D. L'Ucraina nelle fonti veneziane: jacquerie e formazione dello Stato // Caccamo D. Roma, Venezia e l'Europa... P. 235.*

²¹¹ *Idem. Il teatro del Mar Nero... P. 264, 266.*

которому было суждено сыграть определяющую роль в возобновлении русско-венецианских дипломатических отношений. О нем также стоит сказать несколько слов.

Микеле Бьянки – таково его настоящее имя – родился в городе Беллуно в 1603 г. Он получил церковное образование, а в 1638 г. был рукоположен в сан священника в Больцано. Поворотным в его жизни стал 1645 г., когда он, совершив некую «ошибку», был вынужден сменить имя и отправиться сначала в Рим, Неаполь, а затем и за пределы Италии – в Вену и Варшаву. Сущность ошибки, которая вынудила его так резко изменить привычный ход жизни, неизвестна, однако речь шла об угрозе его жизни²¹². В Варшаве он обрел покровителя в лице папского нунция Джованни Торреса, который предоставил ему должность в своей нунциатуре. Благодаря этому он имел доступ в высшие круги польской знати и даже смог завести дружбу с великим коронным канцлером Ежи (Юрием) Оссолинским (1595–1650)²¹³. В 1650 г. был свидетелем посольства боярина Гаврилы Пушкина, окольного Степана Пушкина и дьяка Гаврилы Леонтьева к польскому королю Яну Казимиру (1648–1668), что стало для него знакомством с русской дипломатией. В одном из своих писем венецианскому послу в Вене Николо Сагрето он отметил, что русские грубы, малодушны и раболепны, не слишком заботятся о риторических приемах в своих речах, не ставят честность выше выгоды и, по мнению поляков, склонны к предательству. Как человек, тесно связанный с католической церковью, Вимина особо подчеркнул принадлежность послов к «раскольнической секте». В переговорах они осмотрительны, т. к. боятся быть обманутыми, а имя своего царя сопровождают очень длинным рядом титулов²¹⁴. Как видно, русские

²¹² *Idem.* Alberto Vimina... P. 235.

²¹³ *Ibid.* P. 236; *Пурлинг П.* Указ. соч. С. 58.

²¹⁴ «Sono uomini rozi, ma non goffi. Il sospetto li fa cauti, la diffidenza prudenti. Si lasciano difficilmente circonvenire nel negozio, perch' il timore d'essere ingannati li rende maturi nel discorso e nelle deliberazioni considerati. Esprimono il loro proposito senza ornamento di concetti e non fanno servirsi di circoscrizioni. [...] Ogni volta ch'hanno mestiero di proferire il nome del loro czar, che s'interpreta Cesare, s'accompagnano con una serie molto lunga de titoli.

послы произвели не самое приятное впечатление на Вими́ну ввиду своих моральных качеств и манеры вести переговоры. Заметны в его описании и многие негативные черты, которые стали общим местом в восприятии русских европейцами: грубость, вероломство, слабохарактерность и т. д.

Вскоре последовало и его первое дипломатическое назначение. Заключение Зборовского мира 1649 г. между Речью Посполитой и Запорожской Сечью позволило венецианскому правительству сосредоточить усилия на реализации идеи привлечь запорожских казаков к своей войне с турками. Для исполнения задуманного нужен был человек, который бы взял на себя переговоры с гетманом Богданом Хмельницким (1595–1657). Резидент Сагрето обратился с этой просьбой к Торресу, и тот порекомендовал в качестве посланника своего протеже. Весной 1650 г. Вими́на отправился в Чигирин и в июне того же года удостоился трех аудиенций у гетмана²¹⁵. Последний доброжелательно принял и выслушал венецианского посланника и не отверг его предложение, однако предупредил, что предполагаемая морская экспедиция должна быть с организована при поддержке крымских татар и с дозволения польского короля²¹⁶. По итогам переговоров Вими́на обрел уверенность в положительном исходе предприятия и начал ходатайствовать о новом посольстве, уже к крымскому хану²¹⁷. Однако угроза очередного польско-казацкого раздора и вскрывшиеся факты переговоров Хмельницкого с турецким султаном заставили Венецию приостановить подготовительные мероприятия. Вими́на же отправился в Вену к Сагрето, а затем вернулся в Италию, где в 1652 г. получил бенефиций в городке Альпаго²¹⁸.

Sono d'animo non basso solamente, ma servile, e poco prezzano quel onesto che sia dall'utile disgiunto. I Polacchi li predicano facili alla perfidia e di loro non si fidano che per necessità. Sono di setta schismatica, e oltre di questo pieni d'eresie, rozzi et ineruditi...» (Lettera di A. Vimina a N. Sagredo, Varsavia, 26 marzo 1650 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 269).

²¹⁵ Пирлинг П. Указ. соч. С. 59; *Caccamo D. Etnologia secentesca...* P. 472.

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ Пирлинг П. Указ. соч. С. 62–63.

²¹⁸ *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 243.

К 1653–1654 гг. относится его неофициальная дипломатическая поездка к шведской королеве Кристине (1632–1654), о чем Вимина также оставил литературное описание. Помимо политических и социальных аспектов в нем присутствуют и различные факты из частной жизни, в том числе скандальные²¹⁹. В том же 1654 г. произошло принятие запорожских казаков Алексеем Михайловичем под «высокую царскую руку» в результате Переяславского договора. Это событие вновь обратило внимание правительства Республики к «казацкому предприятию», несмотря на некоторый скептицизм отдельных сенаторов²²⁰. Выбор человека для этой миссии был нетрудным – Альберто Вимина не только обладал опытом ведения дел в Восточной Европе, но и в письме Сенату от 16 ноября 1654 г. сам изъявил желание вновь послужить Венеции на дипломатическом поприще. В нем же он предоставил свое обоснование необходимости посольства к «Московиту». Его успех, пишет Вимина, мог бы обеспечить значительное облегчение в войне с турками, а неудача не принесла бы значительных расходов для венецианской казны. В случае положительного исхода затраты на поход возьмет на себя сам русский царь, повелевающий «казаками Танаиса» и обладающий несметными богатствами. Каким образом можно этого добиться? Вимина предлагает следующую возможную аргументацию. Так как османы и их вассалы крымские татары являются злейшими врагами России, то только оружием можно их усмирить. И именно сейчас, пишет он, самый подходящий для этого момент: Османская империя связана войной с Венецией, в которой уже потеряла цвет своей армии. Удар по Константинополю с моря нарушит поставки снабжения и ресурсов по Черному морю, от которых сильно зависит благосостояние столицы, и даже заставит османов усмирить крымские нападения на русские территории. Здесь Вимина использует те же аргументы об эффективности морской

²¹⁹ Ibid. P. 244; *Idem*. *La etnologia secentesca...* P. 473. Произведение вошло в корпус его сочинений, изданный в 1671 году.

²²⁰ *Nicolai G.M.* *Il grande orso bianco: Viaggiatori italiani in Russia*. Roma, 2000. P. 139–140; *Caccamo D.* *La etnologia secentesca...* P. 473.

блокады, высказанные Альвизе Контарини в конце 1630-х гг., но вот насчет умирения крымских нападений он не очень уверен: турки и татары могут и объединить свои усилия против России. Наконец, длительное путешествие и расстояние между землями Венеции и России заставят «великого князя» милостиво принять и выслушать посланника, даже если он не будет обладать высоким положением и пышным титулом. Для гарантии этого следует озаботиться дарами. Вимина приводит в пример посольство Антонио Поссевино, которого папа Григорий XIII снабдил подарками для Ивана Грозного, и предлагает использовать «те же самые дары» («*quei medesimi regali*»), которые предназначались для крымских татар и Богдана Хмельницкого. Очевидно, речь идет о второй, так и не состоявшейся миссии венецианского дипломата²²¹.

Аргументация Вимины позволяет сделать несколько интересных наблюдений о восприятии России как венецианским правительством, так и им самим. Во-первых, обозначение турок-османов злейшими врагами России апеллирует ко все той же древней идее «византийского наследства» русского царя. Однако здесь она представлена скорее имплицитно, а на первый план выходят «рациональные» политические аргументы. Во-вторых, венецианец пишет о богатстве русского царя, благодаря которому венецианцам не придется тратить средства на снаряжение казацкой экспедиции. Это представление могло основываться как на уже сформированном образе России (см. предыдущую главу), так и на личных впечатлениях дипломата от русского посольства в Варшаве. Помимо их величественного внешнего вида и роскошного одеяния он наверняка обратил внимание и на количество драгоценных царских даров, которые они привезли с собой. Среди них традиционно выделялись все те же соболиные меха, о которых в Италии знали и писали с XV в.

²²¹ Scrittura di A. Vimina al Senato, 16 novembre 1654 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 271–272.

Сенат принял решение в декабре 1654 г. Несмотря на протест епископа Беллуно, вновь угрожавшего лишить венецианца сана из-за оставления прихода²²², венецианское правительство наделило Вимино статусом «посланника» (фр. *envoyé*, лат. *ablegatus*). Посланник принадлежал ко второму дипломатическому рангу, т. е. был ниже «посла» (фр. *ambassadeur*, лат. *legatus*) и не представлял своего суверена напрямую²²³. Статус посланника наиболее подходил и социальному положению Вимины: он был из мещанского сословия, но при этом уже имел немалый дипломатический опыт. Вимине было также организовано ежемесячное снабжение в 200 дукатов на первые полгода и вручены верительные грамоты: «великому герцогу Московии», шведскому королю, через территории которого венецианцу предполагалось достичь пределов России, и гетману Хмельницкому (с отсылкой на переговоры, прерванные четыре года назад). Наличие грамот к гетману могло свидетельствовать, что Венеция еще не до конца отказалась от своего «запорожского предприятия», однако теперь его успех во многом зависел от успеха в переговорах с новым сюзереном казаков в лице царя Алексея Михайловича. Куратором посланника стал Баттиста Нани, венецианский резидент в Вене: ему Вимино должен был сообщать о том, как продвигается его миссия²²⁴.

Путь Вимины до России занял около четырех месяцев. Маршрут пролегал через земли Священной Римской империи и Балтийское море. Отправившись из Вены 10 февраля (н. с.) 1655 г., он проехал через Прагу и к концу месяца достиг Дрездена. Оттуда он направился в Гамбург, куда прибыл уже к середине марта, но из-за задержки «обменного письма» (*una lettera di cambio*), необходимого для получения следующей части денежной субсидии, он был вынужден пробыть в городе до начала мая. Уже

²²² Впервые с угрозой лишения сана Вимино столкнулся во время поездки в Швецию в 1653–1654 гг. Однако венецианское правительство в обоих случаях встало на защиту дипломата (*Caccamo D. Alberto Vimina... P. 244, 248, n. 77*).

²²³ *Hennings J. Op. cit. P. 97.*

²²⁴ *Caccamo D. Alberto Vimina... P. 247.*

отчаявшись получить ее, Вимины отправился в Любек с оставшимися средствами, однако затем вернулся обратно в Гамбург, когда получил известие о долгожданном прибытии денег и письма²²⁵. По ходу он изменил первоначальный маршрут: вместо того чтобы достигнуть Ревеля через Стокгольм, он решил плыть до него вдоль южного берега Балтийского моря мимо прусских земель, Курляндии и Лифляндии. Из Ревеля он морем отправился в Нарву и с четырьмя спутниками вступил в пределы России в начале июня 1655 г.

§2. Прибытие Альберто Вимины в Россию: дорога до царской ставки и условия содержания

В России о венецианском посланнике и его намерении вести переговоры с царем узнали незадолго до его прибытия благодаря локальной сети информирования. 31 мая (ст. с.) 1655 г. переводчик шведского и немецкого языков Ефим Фентуров²²⁶ передал псковскому воеводе Ивану Андреевичу Хилкову сведения, которые он, в свою очередь, услышал на местном торговом дворе от купца «Ондрюшки Шлютера», а тот – от немецкого купца в Ревеле по имени «Оксенко Пен». Предполагаемой целью переговоров было названо мирное урегулирование между Алексеем Михайловичем и Яном Казимиром²²⁷. Неизвестно, кто первым из вовлеченных в передачу информации лиц высказал такое предположение: возможно, это было как-то связано с тем, что посольство шло через земли австрийского императора, который уже на начальном этапе русско-польской войны изъявлял желание выступить посредником в достижении мира между странами²²⁸.

²²⁵ Ibid. P. 247–248.

²²⁶ О нем см. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / Науч. ред. А. А. Романова. М., 2021. С. 207–209.

²²⁷ ПДС. Т. X. Стб. 809.

²²⁸ *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Россия в середине XVII века. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 38.

Неожиданный приезд Вимины стал для русской бюрократии своего рода стресс-тестом, в ходе которого была проверена на прочность ее способность к адаптации и быстрым решениям. Организация приема посольства и обмен информацией между представителями местной власти и правительственными учреждениями осложнялись военно-политическими обстоятельствами. 11 марта 1655 г. Алексей Михайлович объявил о втором «государевом походе» на Речь Посполитую²²⁹. Его ставка изначально находилась в крепости Шклов, а после успешного взятия Минска 3 июля того же года переместилась в Борисов (терр. совр. Беларуси)²³⁰. В Москве остался его сын, царевич Алексей Алексеевич, который официально считался временным правителем, но из-за его малолетства (ему на тот момент было менее полутора лет) фактически всем управлял боярин Григорий Семенович Куракин. Поэтому воевода Хилков отправлял две отписки с запросом инструкций: одну в Шклов, вторую в Москву²³¹. Впоследствии необходимость такого дублирования сопровождала весь прием посольства Вимины.

Скорость доставки и получения официальных документов непосредственным образом влияла на действия (и бездействие) местных властей. Тот же Хилков отправил свои отписки 31 мая, а ответ царя с инструкциями, как нужно принять посольство, был отправлен из ставки 15 июня²³². Но уже 12 июня с четырьмя спутниками в Псков прибыл сам Вимины, так что воеводе пришлось действовать по большей части самостоятельно, послав навстречу пристава с переводчиком и предоставив посольский двор для проживания²³³. Очевидно, с ожиданием инструкций связано и отсутствие активных действий со стороны Хилкова, несмотря на осведомленность о скором прибытии посольства. Вимины в одном из

²²⁹ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 86.

²³⁰ Там же. С. 90–91.

²³¹ ПДС. Т. X. Стб. 810, 812.

²³² Там же. Стб. 812–816.

²³³ Там же. Стб. 821–822.

донесений Б. Нани отмечал, что он со своими спутниками пересек шведско-русскую границу и проехал почти 12 лиг (ок. 60 км), не встречая русских должностных лиц – с ними он столкнулся только у небольшого городка Гдов к северу от Пскова, в котором пробыл несколько дней²³⁴. Скорость доставки документов влияла и на актуальность содержащихся в них сведений: они нередко устаревали и уже не отвечали тем решениям, которые принимались царем. Наиболее характерно это видно на примере путаницы, куда отправить венецианского посланника – в столицу или в царскую ставку. Изначально Вимина должен был направиться в Москву через Новгород, о чем царь написал Хилкову и Куракину в указных грамотах от 15 июня²³⁵. Через несколько дней, 24 июня в ставку пришла новая отписка псковского воеводы, где тот сообщил о приеме посольства и что его цели не связаны с мирным урегулированием между Россией и Речью Посполитой; аналогичную отписку он послал и в столицу²³⁶. После этого Алексей Михайлович принял решение принять венецианского дипломата в своей ставке и отправил соответствующие грамоты в Москву²³⁷, Псков²³⁸ и другие города по маршруту до Смоленска²³⁹. Однако к моменту, когда документ доставили тому же Хилкову (12 июля), он уже отпустил Вимины и его спутников в Новгород (30 июня), т. к. действовал по старому указу²⁴⁰. Сразу же после получения грамоты они отправили гонца в Новгород, но местный воевода Иван Андреевич Голицын, принявший посольство 5 июля, получил распоряжение отправить его в Смоленск 8 июля²⁴¹. Поэтому когда псковский гонец прибыл в город, Вимина и его товарищи уже были в пути. Итогом этой бюрократической и логистической чехарды стало то, что Вимина прибыл в

²³⁴ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Pskov, 27 giugno 1655 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 274; ПДС. Т. X. Стб. 821.

²³⁵ Там же. Стб. 815–816.

²³⁶ Там же. Стб. 820–826.

²³⁷ Там же. Стб. 827–831.

²³⁸ Там же. Стб. 831–835.

²³⁹ Там же. Стб. 835–839.

²⁴⁰ Там же. Стб. 855–856.

²⁴¹ Там же. Стб. 857–858.

Смоленск только 29 июля, сделав при этом значительный «крюк»²⁴². Но и этим дело не ограничилось: пробыв в Смоленске до 11 сентября, он отправился по направлению к царской ставке, однако уже 18 сентября воевода Шклова Василий Иванович Яковлев получил царское распоряжение вернуть посланника обратно в Смоленск²⁴³. В город Вими́на прибыл 1 октября²⁴⁴ и стал ждать приезда царя из похода.

Насущным вопросом был прием и содержание посланника и его людей в русских городах и в дороге между ними. Здесь свою роль играли имеющиеся прецеденты, а также статус дипломатического представителя. Традиционно любое иноземное посольство содержалось за счет российского правительства. Местные власти были обязаны предоставить проживание, пропитание и денежное довольствие, что на время как бы превращало иноземных дипломатов в подданных московского царя²⁴⁵. В своих письменных донесениях Вими́на подробно описал особенности своего пребывания и столкновения с порой удушающей заботой Алексея Михайловича через своих служащих в уездных городах. Однозначно положительным впечатлением для него стала «московитская щедрость» («*moscovitica liberalità*»). Уже в Гдове, небольшом городке на окраине России, Вими́на получил целую телегу разнообразной еды: мяса, хлеба, пирогов, напитков, а также сумму денег, которую он оценил в 420 венецианских сольдо, или 140 серебряных копеек²⁴⁶. Впоследствии в других городах его содержание было еще более изобильным. Во время второго пребывания в Смоленске, в частности, одному только Вимине (без учета слуг) предлагалось «по хлебу да по колачу двуденежных, по гусю, по двое куров, по части говядины или боранины, по части свинины или ветчины, по

²⁴² Там же. Стб. 863.

²⁴³ Там же. Стб. 892.

²⁴⁴ Там же. Стб. 898.

²⁴⁵ Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 108.

²⁴⁶ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Pskov, 27 giugno 1655, n. 25 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 274; Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 35 // *Ibid.* P. 283.

20 яиц, по 2 гривенки масла коровья, да питья по 4 чарки вина двойного, про крушке романей, по две крушки меду паточного, по две кружки меду цеженого, по ведру пива доброго, на день»²⁴⁷.

Куда меньший восторг вызывали у Вимины предоставляемые ему покои. После прибытия в Гдов он был перемещен в окрестную деревню, где содержался в одной из деревянных хижин под надзором восьми стрельцов, которые, тем не менее, позволяли ему иногда выходить на улицу²⁴⁸. Более скверные условия содержания были в Смоленске. Город еще переживал последствия его взятия русскими войсками в сентябре 1654 г. в ходе первого польского похода²⁴⁹. За прошедший год он не успел полностью восстановиться: в городе было мало людей, а цены на продовольствие были выше, нежели в других городах²⁵⁰. Чтобы не уронить государеву честь, воевода Иван Никитич Хованский размещал венецианца на дворе у Днепровских ворот, где людей было больше, чем в других городских кварталах²⁵¹. И если в первый приезд покои, по словам Вимины, были просто тесные и неудобные, то во второй они представляли собой «землянку, покрытую грязью» («stanza terrena, cinto da fanghi»). Венецианец в красках описал тяготы своего пребывания в одном из писем: заключенный в узкие стены без возможности выйти наружу, вынужденный проводить дни в праздности в ожидании царя, ослабленный нездоровым воздухом и туманами над «Борисфеном» (Днепром), он тяжело заболел лихорадкой и находился на

²⁴⁷ ПДС. Т. X. Стб. 899.

²⁴⁸ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Pskov, 27 giugno 1655, n. 25 // *Caccamo D. Alberto* Vimina... P. 275.

²⁴⁹ Мальцев А.Н. Указ. соч. С. 44.

²⁵⁰ По этой причине воевода И.Н. Хованский был вынужден обеспечить Вимине увеличенное по сравнению с псковским и новгородским денежное содержание. Он обосновал царю свое решение тем, что «у нас, холопей твоих, харчь дорогой» (ПДС. Т. X. Стб. 864). Однако, как видно, это не мешало снабжать венецианца большим количеством еды.

²⁵¹ ПДС. Т. X. Стб. 863.

границ жизни и смерти²⁵². Все это непосредственным образом повлияло на переговоры, о которых пойдет речь ниже.

§3. Ход и особенности переговорного процесса

Алексей Михайлович вернулся в Смоленск из похода 11 ноября. Спустя пять месяцев Вимина наконец получил возможность исполнить свое дипломатическое поручение, но теперь этому препятствовала его болезнь. Из-за продолжавшей мучить его лихорадки он оставался прикованным к постели и потому не мог предстать пред светлы очи государя²⁵³. Это предопределило форму дальнейших переговоров, которую можно назвать «бесконтактной» – в том смысле, что Вимина так и не смог увидеть царя лично. Весь переговорный процесс, который длился с 12 по 24 ноября, происходил через приказных служащих, приставов и переводчиков.

В первые два дня, 12 и 13 ноября, с Виминой общался пристав, сотник московских стрельцов Борис Бобаев²⁵⁴. Через него Вимина передал привезенные с собой грамоты, а также «челобитную», в которой просил принять и выслушать его, учинить ответ и перевести царскую грамоту на итальянский или латинский язык, «потому что в Виницее ныне переводчика нет, кто б руской язык умел перевести»²⁵⁵. Кроме того, он преподнес небольшой дар в виде золотного аксамита, который пришелся царю по душе²⁵⁶. 14 ноября к посланнику пришел Томило Перфирьев (Перфильев) в сопровождении двух подьячих и сообщил, что царь уполномочил его

²⁵² «...serrato in quelle anguste pareti, donde non permettono che si esca neanche per un picciolo passeggio, oppresso dall'ozio nemicissimo della mia natura, in quell'aria quasi morbosa, sulle rive del Boristene ch'allora sempre era nebioso, m'infermai, essendo stato vicino agli ultimi periodi della vita» (Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 32 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 277).

²⁵³ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 278.

²⁵⁴ Он был назначен после второго приезда Вимины в Смоленск (ПДС. Т. X. Стб. 899).

²⁵⁵ Там же. Стб. 907–908.

²⁵⁶ В письме он отмечает, что ткань так понравилась царю, что он в тот же вечер послал его «великой герцогине» (Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 278).

провести переговоры с ним²⁵⁷. Перфирьев возглавлял созданный в 1654 г. Приказ тайных дел и сопровождал царя в походе на Польшу. Выбор такого человека для проведения переговоров исходил из функций самого учреждения: это было не только ведомство, следившее за деятельностью других приказов, Боярской думы и воевод, но и царская канцелярия, подконтрольная только Алексею Михайловичу²⁵⁸. В своих донесениях Вимина использует термин «вице-канцлер», *vicecancelliero*. Данный термин отсылает к такому институту Венецианской республики, как дожеская канцелярия, или *cancelleria ducale*. Она была подчинена Совету Десяти, который отвечал за государственную безопасность и политический надзор. Таким образом, Вимине удалось довольно точно понять, кем является Перфирьев, и воспользоваться политической терминологией своего государства для обозначения должности и полномочий дьяка²⁵⁹.

Переговорам предшествовал сбор необходимых для их проведения сведений как о самом посланнике, так и о государстве, которое его направило в Россию. Одним из традиционных способов подготовки к приему иностранного посольства было использование прецедентов прошлых лет: из книг, хранившихся в архивах Посольского приказа, делались докладные выписки, где перечислялись необходимые детали: выданное продовольствие, количество сопровождающих приставов и охраны, дары и т. д. Однако в данном случае именно венецианских дел архивах не нашлось, поэтому в качестве образцов были выписаны три голландских посольства (1617, 1625 и

²⁵⁷ Здесь присутствует некоторое противоречие в датах. В своем письме Вимина утверждает, что царь приехал в Смоленск 21 (т. е. 11 по ст.ст.) ноября, на следующий день пришел пристав, и только после этого (т. е. 13 ноября) к нему уже пришел Перфирьев (Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 278). В документах ПДС сказано, что дьяк пришел к Вимине 12 ноября, т. е. на следующий день после приезда царя; пристав при этом не упоминается (ПДС. Т. X. Стб. 902). Письма Вимины в целом дают куда более подробное изложение переговоров, нежели официальные документы Посольского приказа, поэтому сведения венецианца кажутся нам в этом случае более приближенными к реальности.

²⁵⁸ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 95.

²⁵⁹ *Карданова Н.Б.* О некоторых особенностях... С. 141.

1652 г.) и одно английское (1655 г.)²⁶⁰. С Венецией их объединяло политическое устройство: что Голландия, что Англия образца середины XVII в. были республиками, а в целом опыт приема именно голландских представителей стал основным ориентиром для русских воевод и приставов. Характерно, что уже в первой царской инструкции воеводе Хилкову от 15 июня содержалось указание «виницейских послов принять на рубеже, и пристава к ним, и корм, и подводы послать из Пскова против галанских послов»²⁶¹. То есть российская власть в лице Алексея Михайловича четко осознавала схожесть Голландии и Венеции как торговых республик и готова была использовать положительный опыт взаимодействия с первой для налаживания контактов со второй.

Русское правительство не могло положиться исключительно на голландские прецеденты. Выше отмечалось, что десятилетия отсутствия прямых дипломатических контактов между Россией и Венецией обусловили недостаток практической информации, полезной для дипломатических взаимодействий. В этих обстоятельствах на представителей власти на местах накладывалась задача выведать как можно больше подобной информации в ходе прямого общения с венецианским посланником. Последний не раз в своих донесениях в Вену описывал факты довольно подробных расспросов со стороны воевод и приставов, и они действительно происходили регулярно. Первый из них состоялся в Гдове, где Вимина впервые имел удовольствие столкнуться с российской бюрократией. Воевода Степан Елагин потребовал рассказать, кто он и откуда пришел, есть ли у него верительные грамоты к царю, с какими государствами граничит Венецианская республика и как далеко она расположена от Швеции и Польши, как зовут ее правителя, является ли он суверенным и находится ли в дружеских отношениях с императором²⁶². Целью этих расспросов было определение места Венеции

²⁶⁰ ПДС. Т. X. Стб. 868–877.

²⁶¹ Там же. Стб. 813.

²⁶² Lettera di A. Vimina a B. Nani, Pskov, 27 giugno 1655 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 274.

среди остальных государств Европы и статуса дожа в иерархии ее правителей. В то же время они характеризуют кругозор воеводы маленького приграничного города: он, вполне вероятно, никогда до этого не слышал о Венеции и попытался понять, как далеко она находится от знакомых ему близлежащих государств. Интересен также вопрос языкового барьера: очевидно, что в окружении Вимины не было человека, знавшего русский, как и в Гдове не было никого, кто понимал бы венецианский диалект итальянского. Думается, что ключом к пониманию был шведский или один из нижненемецких языков, на которых разговаривали купцы из Гамбурга, Любека и других городов, связанных торговыми отношениями с русскими городами: Псковом, Новгородом и т. д. Также важным было понять цель приезда и дипломатический статус Вимины, ведь изначально в делопроизводственной переписке он и его спутники именовались «винецкие послы». Именно от Елагина псковский воевода Хилков узнал, что Вимины являются «посланником», а целью его приезда не была организация переговоров о мире между Россией и Польшей²⁶³. После этого, как было указано выше, Алексей Михайлович распорядился отправить посланника к нему в ставку.

Уже по прибытии посольства в Смоленск стрелецкому сотнику Алексею Лужину, назначенному приставом, было приказано выведать дополнительные сведения. В царской указной грамоте смоленскому воеводе было подчеркнуто, что разговор с Виминой должен иметь форму заинтересованной беседы, а не допроса: «а покаместа посланник в Смоленске у вас будет, и вы бы велели ево роспросить приставу Алексею Лужину, бутто от себя в розговоре, а не от вас...»²⁶⁴. Этот «розговор» состоялся 3 сентября, и в нем Лужин постарался узнать о правителе Венеции, его отношениях с европейскими монархами (с кем из них он «в братстве и в любви пребывает») и том, как он себя именуют в дипломатическом общении с другими

²⁶³ ПДС. Т. X. Стб. 821.

²⁶⁴ Там же. Стб. 865.

государями и как последние обращаются к нему самому²⁶⁵. Вопрос правильного оформления владетельных титулов был существенным в русской (и в европейской) дипломатии и отражал представления о престиже царской власти²⁶⁶. Однако здесь был важен и практический аспект соблюдения субординации и этикета в пространстве дипломатической репрезентации. Лужин также внимательно осмотрел верительную грамоту дожа к Алексею Михайловичу и пришел к выводу, что в ней содержится т.н. «малая титла», т. е. неполная титулатура²⁶⁷. Вимина признался, что в качестве образца была использована грамота Ивана Грозного конца XVI в., и пристав попросил переписать эту титулатуру на отдельный лист. Собранные сведения Лужин также переписал и отправил воеводе, а тот – в царскую ставку²⁶⁸.

Здесь впервые был поднят вопрос о титулатуре русского царя, которая выступала важнейшим способом утверждения его политического статуса среди остальных государей. Русские правители описывали свою власть в категориях императорской. Признание такой трактовки со стороны европейских правителей длилось с конца XV в., но остановилось в середине XVI в. не в последнюю очередь из-за Герберштейна²⁶⁹. В «Записках о Московии» он привел объяснение, что изначально на русском языке титул «царь» означал короля, однако русские послы и переводчики, слыша, как при дворах иноземных правителей титул их повелителя переводят как «император», переняли это и начали воспринимать своего правителя императором, т. к. это наиболее почетно²⁷⁰. Вимина, знакомый с текстами немецкого дипломата, не понаслышке знал о ревности «москвитов» к защите чести своего правителя, с которой он столкнулся еще в Польше (см. выше). В своих донесениях и литературных произведениях он

²⁶⁵ Там же. Стб. 889.

²⁶⁶ *Талина Г.В.* Государь, государство, государственная служба алексеевской России. М., 2022. С. 43–44.

²⁶⁷ ПДС. Т. X. Стб. 890–891.

²⁶⁸ Там же. Стб. 888.

²⁶⁹ Об этом см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко Второму путешествию Петра I. СПб., 2021.

²⁷⁰ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 95.

последовательно называет русского царя *Granduca*, т. е. «великий герцог», не признавая тем самым его претензии на императорский статус. Однако успешное выполнение возложенной на него миссии во многом зависело от способности принять требования другой стороны, поэтому венецианец обычно никак не оспаривал претензии русских должностных лиц касательно титулатуры, а оправдывался тем, что были использованы более старые образцы. Как опытный дипломат, он понимал, насколько щепетильны подобные «формальные» вопросы для Алексея Михайловича и его подданных, воспринимавших своего царя как земного бога, о чем еще пойдет речь ниже.

Процесс накопления информации путем расспросов посланника продолжался и во время самих переговоров, которые от имени царя проводил Перфирьев. Об этом свидетельствуют донесения Вимины. Вопросы дьяка были более подробными и детальными, однако нередко повторяли те, что были заданы ранее воеводой Гдова и смоленским приставом. Перфирьев уточнил, сколько лет Венеция воюет с Османской империей, ведет ли дож ее в одиночку или в союзе с другими правителями, а также о количестве венецианского войска. Вимины рассказал о двух сухопутных армиях в Далмации и на Крите и акцентировал внимание на силе и мощи венецианского флота, очень многочисленного и грозного для турок, которые не раз терпели поражения в морских сражениях²⁷¹. Другие вопросы касались политического устройства и отношений с другими государствами: является ли венецианский дож королем, суверенным или зависимым правителем, на какие земли распространяется его владычество, с какими государствами соседствует Республика, кого из европейских правителей он называет «другом» или «братом» и каковы его отношения с императором. Заметим, последний вопрос уже фигурировал в общении Вимины с русскими

²⁷¹ «Dimandò ancora quanti esserciti aveano i signori veneziani. Dissi tre, due terrestri, l'un in Candia l'altro in Dalmazia, e l'armata per mare numerosissima e formidabile a' Turchi, dalla quale tante volte sono stati battuti, dispendiosa e forte per due giusti esserciti» (Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 280).

воеводами и приставами, что подчеркивает, какое значение имела фигура правителя Священной Римской империи для определения статуса дожа в политической иерархии Европы. Венецианский посланник подтвердил, что Франческо Молин как суверенный правитель находится в дружеских отношениях с Фердинандом III (1637–1657), но королем не является. По его словам, имя короля ненавистно в Республике, однако дож владеет многими королевствами, в частности Далмацией и Кандией (Критом), а также другими самыми известными и богатыми островами Адриатического и Эгейского моря²⁷². Мифологема об исконно свободном венецианском народе составляла ключевую часть политической идентичности Республики еще со Средних вв.²⁷³ Она же определяла своеобразие положения Венеции в политической системе европейских государств. Уже упоминалось, что Европа Раннего Нового времени представляла собой «сообщество князей», т. е. суверенных единоличных правителей, поэтому ее политическая культура была именно монархической. Венецианские дипломаты, являясь носителями уникальной республиканской идентичности, также должны были учитывать вышеназванные особенности, находить нужный баланс, правильно расставлять риторические акценты для достижения поставленных дипломатических задач. Упоминание о «королевствах», которые подвластны Венецианской республике, должны были добавить позиции Вимины больше политического веса в общении с представителем государства, в котором республиканское устройство традиционно рассматривалось как ущербная форма правления²⁷⁴.

²⁷² «Dissi questo nome di re essere odioso nella repubblica, e che non era patito. Ma che la serenissima repubblica possedeva regni, quello di Candia antichissimo e l'altro de' Dalmati [...] Cercò ancora se il dominio veneto occupava gran spazio di paese. Dissi grandissimo, per terra e per mare, padroni dell'Adriatico, padroni dell'Egeo, dove tengono l'isole principali della Grecia, le più note, le più ricche.» (Ibid. P. 279–280).

²⁷³ Лукин П.В. Указ. соч. С. 204.

²⁷⁴ Знаменитый русский дипломат и глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин считал, что европейским монархам нужно объединиться и уничтожить все республики, которые суть «ничто иное, как места заблуждения» (Цит. по: История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 247). Впрочем, данный взгляд не мешал России одновременно поддерживать взаимовыгодные отношения республиками, как например с

Что же касается самих переговоров, то фактически они состояли из одного раунда: 14 ноября Вимина изложил цели посольства, 18 ноября Перфирьев передал ему царский ответ. Наиболее подробно содержание переговоров передают донесения венецианского посла. Он обращает внимание, что в самом начале Перфирьев начал упрекать его в неправильном написании царских титулов. Вимине пришлось вновь оправдываться неведением, которое стало следствием долгого отсутствия дипломатических связей. Он заверил дьяка, что Светлейшая республика всегда с почтением относилась к русским государям, как прежним, так и нынешнему, чьи военные успехи приносят дожу огромную радость²⁷⁵. Похвала русскому оружию стала прологом к изложению главной цели переговоров: организации казацкого похода на Константинополь. В своей аргументации Вимина приводил различные и многочисленные выгоды, которые Русское государство и лично Алексей Михайлович смогут получить. Во-первых, поход и последующее освобождение христиан Османской империи от мусульманского владычества принесет ему одобрение европейских государств, разделяющих христианские ценности. Во-вторых, именно сейчас, когда империя ослабла и находится в упадке, стоит нанести удар: на троне сидит малолетний султан Мехмед IV (1648–1687), всеми государственными делами заправляют женщины²⁷⁶, а венецианские войска сдерживают османские силы, которые не смогут защитить другие части империи в случае

той же Республикой Соединенных провинций (Голландией). О республиканском дискурсе в допетровской России в целом см. *Ерусалимский К.Ю.* Указ. соч. С. 153–265.

²⁷⁵ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 278–279.

²⁷⁶ Когда Мехмед IV вззошел на престол в 1648 г., ему не было и семи лет. Его мать, Турхан Хатидже-султан, должна была стать регентом, однако ее место заняла более опытная и могущественная тогда Кесем-султан, мать прежнего правителя Ибрагима I. Лишь в 1651 г. Турхан смогла устранить свою конкурентку, после чего приняла официальный титул валиде, стала регентом при сыне-султани и фактически сосредоточила всю полноту власти в империи. Она сохраняла влияние до 1656 г., когда великим визирем был назначен визирем Кёпрюлю Мехмед-паша. Турхан стала последней в ряду могущественных женщин, оказывавших серьезное влияние на политику Османской империи с середины XVI в. В историю этот период вошел под названием Султаната женщин.

нападения. Вимина припомнил и то, как османы подстрекали крымских татар совершать набеги на русские земли, в частности во время Ливонской войны. Наконец, сам факт установления добрых отношений между Россией и Венецией, по словам посланника, уже станет весомым сдерживающим фактором для османов: они не рискнут атаковать венецианцев, зная, что за их спиной стоят сотни тысяч царских воинов, но и поостерегутся нападать на Московию, если на ее стороне будет славный венецианский флот²⁷⁷. Таким образом, в изображении Вимины предполагаемая черноморская операция была бы политически выгодной для России: русскому царю она принесла бы славу среди «сообщества князей», его народу – удовлетворение после десятилетий крымских набегов, а венецианцам – облегчение в ее противостоянии с Османской империей. После этого Вимина упомянул и о торговых выгодах: в частности, завоевание царем литовских земель позволит наладить движение венецианских товаров через Западную Двину и Днепр, что сделает Смоленск значительным торговым центром; русские товары можно отправлять также по Днепру или через Архангельск²⁷⁸. Связывая торговлю с актуальными внешнеполитическими успехами Алексея Михайловича, Вимина демонстрирует как хорошую осведомленность в политических делах на востоке Европы, так и готовность Республики выстроить взаимовыгодное движение товаров через Балтику.

18 ноября Перфирьев пришел к венецианскому посланнику с царским ответом. Дьяк вновь начал с претензий по поводу титулов, от имени царя поблагодарил посланника и Республику за добрые слова и пожелания в ее войне с польским королем, однако об организации казацкого похода не сказал ничего определенного: царь должен сначала посоветоваться с боярами и после этого отправит в Венецию своего посланника для дальнейшего обсуждения. Вимина, посвятивший львиную долю своей речи обоснованию конкретных выгод похода, остался в недоумении от туманного ответа. Он

²⁷⁷ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 279–280.

²⁷⁸ *Ibid.* P. 280.

даже поинтересовался, почему царь отказывается от похода, когда для него есть все условия, но Перфирьев ничего больше не сказал – «как будто онемел»²⁷⁹. Изложенный дьяком ответ лег в основу грамоты Алексея Михайловича к дожу Франческо Молину, датируемой 23 ноября 1655 г.²⁸⁰ Структурно ее можно разделить на несколько тематических блоков. За вступлением, где представлена полная титулатура, следует краткое изложение приема венецианского посланника, особенностей переговоров (болезнь Вимины, посредничество Перфирьева) и содержания венецианской грамоты. Далее идет собственно царский ответ, в котором царь приветствует желание дожа быть с ним «в доброй дружбе и ссылке» и милостиво позволяет купцам его государства приезжать и торговать всякими товарами. Тема казацкого похода не упоминается напрямую: в грамоте вскользь указано, что «о тех и о иных делах, которые нам, великому государю, нашему царскому величеству, и вашему княжеству належат, пошлем к тебе [дожу – *Т.Ш.*] нашего царского величества посланника и о всем с ним прикажем»²⁸¹. Далее следует довольно пространный часть, посвященная причинам и успехам войны царя с польским королем Яном Казимиром с перечислением всех взятых городов. Наконец, в самом конце царь упоминает об ошибках в написании его титулов, но принимает во внимание неведение дожа и посланника и ограничивается наказом «впредь писати против того, как в сей нашей царского величества грамоте выше сего писано»²⁸².

Итак, Алексей Михайлович четко расставил приоритеты: втягиваться в противостояние с Турцией было не в его интересах и планах. На тот момент его главным внешнеполитическим предприятием была война с Речью Посполитой. Обосновать ее было для царя важнее, нежели объяснить

²⁷⁹ «La risposta non sodisfece appieno alla mia curiosità, parendomi ristretta in conclusione troppo generale, ond'io, vedendolo a tacere, lo pregai a dirmi che riflessione fosse stata fatta da sua maestà sopra l'opportunità presente d'attaccare il Turco mentre si trovava così debole et impegnato, che cosa avea risposto circa la missione de' suoi Cosacchi al corso. Ma non volse aprir più bocca, come se si fosse ammutolito» (Ibid. P. 281).

²⁸⁰ Карданова Н.Б. Грамота царя Алексея Михайловича... С. 858–861.

²⁸¹ Там же. С. 859.

²⁸² Там же. С. 861.

причины отказа от венецианского воззвания отправить казаков в черноморский поход. Однако те предложения, которые не были связаны с войной – о дружбе и торговле с Венецией – Алексей Михайлович принял сразу, т. к. они ни к чему его не обязывали, но могли способствовать укреплению его престижа и сулили материальные выгоды.

Грамота была предоставлена Вимине 24 ноября в двух экземплярах: оригинальном и переводном. На какой именно язык она была переведена, не до конца ясно. По словам Вимины, это был итальянский, а в документах ПДС указано, что он был выполнен на «цесарском языке»²⁸³. Автором перевода указан «Иван Фан-Делдин» (Иван Адамов), который исполнял функции переводчика при Перфирьеве²⁸⁴. Его настоящее имя – Иоганн Беккер фон Дельден; он был родом из Копенгагена и к тому моменту состоял на русской службе уже почти двадцать лет. О нем отдельно упоминает в своем «Путешествии в Московию» Адам Олеарий: «Он получил хорошее университетское образование, совершил замечательные путешествия и знает много языков. В Москве подобного человека еще не было. У его царского величества он служит генерал-переводчиком и посылается обыкновенно с его посланниками при самых важных поручениях»²⁸⁵. В числе таких поручений можно назвать поездку в составе посольства дворянина Ивана Баклановского и дьяка Ивана Михайлова в Священную Римскую империю в 1654 г., а также участие в посольских съездах в Валиесаре в 1656 г. и Кардесе в 1661 г. В числе языков, которыми он точно владел, были латинский, немецкий, датский и шведский²⁸⁶. Предполагается, что он также мог владеть и итальянским языком, и на это действительно указывают некоторые сведения источников. Во-первых, для того, чтобы посольство вообще состоялось, требовалось понять содержание грамоты дожа, которая была написана на

²⁸³ Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 35 // *Saccamo D. Alberto Vimina...* P. 282; ПДС. Т. X. Стб. 925.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 261.

²⁸⁶ *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Указ. соч. С. 34–35.

итальянском. Перевод грамоты присутствует в составе документов о приезде Вимины в Россию²⁸⁷. Кроме того, «челобитная» посланника, в которой он просил предоставить ему перевод царской грамоты дожу на итальянском или латыни, также была им составлена на родном языке и впоследствии переведена на русский²⁸⁸. Соответственно, в окружении царя был человек, понимавший итальянский язык и выполнивший переводы документов. К сожалению, в этих переводах нет указаний, кто именно их выполнил, как нет и четких сведений, кто был устным переводчиком во время переговоров Вимины и Перфирьева. Вполне вероятно, как предполагает Н.Б. Карданова, что обе функции – переводчика и толмача – мог выполнять Адамов, потому как в составе документов о посольстве Вимины нет данных об участии других переводчиков²⁸⁹. Кроме того, Адамов лично общался с венецианцем, и допустимо предполагать, что они также велись на родном для Вимины итальянском языке. В ходе этих разговоров переводчик, в частности, объяснял, почему царь не может сейчас послать казаков в поход на турок, несмотря на то, что «нет ничего более желанного для Московии, более одобряемого вельможами и народом, чем экспедиция против Татар, от которых они терпят столько невзгод...»²⁹⁰. Кроме того, через переводчика венецианец узнал некоторые сведения о содержании переговоров царя со шведским посланником, также находившегося в тот период в Смоленске²⁹¹. Речь об Иоганне Розелинде, который официально сообщил Алексею Михайловичу о начале войны Швеции с Речью Посполитой и о скором прибытии шведских «великих послов» в Москву для обсуждения польского вопроса²⁹². Учитывая связи Вимины с двором и представителями элиты Речи

²⁸⁷ ПДС. Т. X. Стб. 900–902.

²⁸⁸ Там же. Стб. 907–908.

²⁸⁹ Карданова Н.Б. О некоторых особенностях... С. 143. Адамов был назначен переводчиком в начале июля 1655 года (ПДС. Т. X. Стб. 846–847).

²⁹⁰ «Però che non è cosa più desiderata dalla Moscovia, più acclamata dai nobili e dalla plebe, della spedizione contra i Tartari, dai quali così spesso vengono maltrattati...» (Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 34 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 281).

²⁹¹ Ibid. P. 282.

²⁹² Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М., 2010. С. 34.

Посполитой (см. выше), его интерес к шведскому посольству объясним. Вероятно, Адамов исполнял функции переводчика и во время переговоров царя со шведским посланником. Предоставление подобной конфиденциальной информации свидетельствует о сложившихся доверительных отношениях между ним и Виминой, который, судя по всему, сознательно шел на сближение с этим человеком для получения полезной информации. Роль Адамова становится в таком случае едва ли не центральной в реализации дипломатического диалога между венецианским посланником и русским царем (в лице его дьяка). Между тем сомнительно, что Адамов перевел царскую грамоту на итальянский язык: наиболее вероятно, что это все-таки была латынь, с которой впоследствии венецианские переводчики сделали свой перевод²⁹³. Однако это не исключает того, что именно Адамов перевел итальянские грамоты и общался с венецианским дипломатом на его родном языке.

Посольство Альберто Вимины в Россию – яркий пример того, как действовала русская дипломатия середины XVII в. в условиях сложной военно-политической обстановки, меняющихся решений, постоянного недостатка информации и форс-мажоров. Представители российской бюрократии порой буквально на ходу реагировали на различные обстоятельства, связанные с логистикой и скоростью доставки информации. Воеводы и приставы пользовались любым удобным моментом, чтобы узнать необходимые подробности о посланнике и месте его государства в европейской политической иерархии, что было критически важно при отсутствии прецедентов в архивах Посольского приказа. Это подтверждает ранее высказанный тезис, что ранее сформированный «образ Венеции» в русской культуре не мог стать надежным фундаментом для дипломатической практики: фактически приходилось действовать «с чистого листа». Как Вимины, так и русские служилые люди являли в процессе взаимодействия характерные особенности политической культуры своих государств:

²⁹³ *Rosa S. Op. cit. P. 113.*

республиканской Венеции, где было «ненавистно имя короля», и дорожившей государевой честью и титулом самодержавной России. Однако и та, и другая сторона не выстраивали непроницаемых стен и старались адаптироваться друг к другу: Вимина рассказывал о «королевствах», которыми владел венецианский дож, а русский царь с пониманием отнесся к неполноте его титулов в присланной ему грамоте. Еще одной особенностью посольства стало отсутствие личного контакта посланника с царем и постоянное наличие всевозможных посредников в лице приставов, переводчиков и приказного дьяка Перфирьева. Не в последнюю очередь это было связано с болезнью самого Вимины, однако и в данном обе стороны сделали все, чтобы дипломатический диалог все-таки состоялся. Его результаты, конечно, нельзя назвать успешными для венецианского дипломата, который преодолел столько испытаний, несколько месяцев провел в дороге между русскими городами и был на пороге смерти. Но русский царь не стал резко отвергать его предложения об участии в войне с Османской империей. Это можно связать с тем, что, несмотря на наличие более актуальных внешнеполитических задач, Алексею Михайловичу была отнюдь не чужда идея избавления христиан от иноземного ига. Русский самодержец обладал чувством «миссии», которая ему виделась в утверждении православного царства на территории России и объединении православных верующих под своей защитой и покровительством²⁹⁴. Претворение этого высокого идеала в жизнь неизбежно привело бы к столкновению России с Османской империей. Внешнеполитические условия середины 1650-х гг. не позволяли русскому царю всерьез рассматривать этот расклад, однако и наотрез отказываться от него он не хотел, ведь это могло повредить его престижу в рамках «сообщества князей». Алексей Михайлович, уклончиво ответив венецианскому посланнику на его призыв, поступил как его предшественники Иван III и Василий III, которые «поддерживали иллюзию готовности» России воевать с османами для

²⁹⁴ Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. М., 2018. С. 62.

достижения собственных дипломатических целей на европейском направлении²⁹⁵. Это связывает эпоху середины XVII в. с более ранним этапом развития русско-венецианских отношений. Венеции предстояло найти более подходящую форму аргументации, чтобы через будущее русское посольство все же склонить царя принять их предложение.

§4. Концепция русского социального уклада в *Relazione della Moscovia* Альберто Вимины

Полугодовое пребывание Вимины в России дало ему возможность лицом к лицу столкнуться со многими характерными чертами ее политической, экономической и общественной организации. Этому он посвятил свое сочинение *Relazione della Moscovia*. На его страницах венецианец представляет читателю целостную картину социального устройства «Московии» и раскрывает как свои собственные взгляды на современную ему цивилизацию, так и популярные концепции европейской мысли своего времени.

Ранее было отмечено, что одним из основных критериев оценки русского общества европейскими авторами являлся тезис о «рабстве москвитов» – и Вимина здесь не стал исключением. Венецианский дипломат принимал неоспоримость этого положения, почерпнутое им из произведений более ранних авторов: Герберштейна, Поссевино, Ботеро и др.²⁹⁶ Анализ рабского состояния русских в настоящем предваряется кратким историческим экскурсом. Вимина пишет о первых русских правителях (Рюрик, Игорь, Святослав) и их потомках, которые с течением времени расширяли пределы своих владений. Процесс формирования территории представляется автору абсолютно диким, ведь ему сопутствовали изгнания, обман, предательство, братоубийства и прочие «варварские жестокости» («ogn'altra barbara crudeltà»), посредством которых князья стремились

²⁹⁵ Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя... С. 10.

²⁹⁶ Cassato D. Etnologia secentesca... P. 479.

получить и укрепить власть²⁹⁷. Уже тогда, во времена Рюрика и Святослава, народ Руси жил в угнетенном состоянии, и с тех пор ничего не изменилось. Все это, по мнению Вимины, привело к тому, что «московиты» попросту не имеют представления о свободе, а ее «сладость» недоступна им по причине отсутствия опыта свободной жизни на протяжении всей своей истории²⁹⁸.

На первый взгляд, Вимины связывает нынешнее рабское состояние народа с конкретными историческими причинами и не списывает его на положение небесных тел или географическую детерминированность. Но подчеркивая, что «московиты» уже с древнейших времен живут в «нынешнем состоянии рабства», он как раз и показывает глубокое усвоение предшествующей интеллектуальной традиции. Историческое развитие Московского государства выступает яркой иллюстрацией и подтверждением того, что «варварство» обусловлено факторами, на которые нельзя повлиять. И это было давно известно образованным европейцам. Другой интересный момент – разрушение границы между древнейшей историей народа и его настоящим. Русские как будто «застыли» в своем рабском положении и пребывают в нем веками. Нет никакой разницы между русскими крестьянами IX и XVII вв.: поменяйся они временами, они бы обнаружили себя ровно в том же самом положении, в котором были. Точно так же застыл и политический уклад: «московиты», по словам Вимины, не привыкли отступать от обычаев старины, и несмотря на смену стольких правителей, в их государстве не было ни реформ, ни каких-либо изменений в гражданском управлении²⁹⁹. Этот прием «хронологического смещения», как его называл Л. Вульф, можно встретить в трудах путешественников и историков-просветителей XVIII в., в частности у Эдуарда Гиббона в «Истории упадка и падения Римской империи». Изображая картину славянских походов на Константинополь в IX–X вв., он писал: «образ их морских походов вновь

²⁹⁷ *Relazione della Moscovia*. P. 291.

²⁹⁸ «...si che dall'habito continuato di tanti Secoli, succede, che non distinguono la liberta, della cui dolcezza non è fra le memorie loro che alcuna trascorsa età n'habbia fatto saggio» (Ibid).

²⁹⁹ Ibid. P. 301.

ожил в прошлом [XVII – Т.Ш.] веке, когда эскадры казаков отправлялись из Борисфена в плавание по тем же морям и с теми же целями»³⁰⁰. И как видно, данный прием можно наблюдать и в более ранних произведениях, которые предвосхитили тенденции «ориентализации» государств, в будущем объединенных под названием Восточной Европы.

Взгляд Вимины на угнетенность русского народа имеет и свои уникальные характеристики, связанные с обнаружением положительных моментов в рабском положении «москвитов». Центральным понятием в его интеллектуальном конструкте занимает понятие «счастливого неведения» («felice ignoranza»). Вимины утверждает, что среди северных народов «москвиты» живут в наиболее блаженном состоянии, не будучи знакомыми с другим жизненным укладом и с самим понятием свободы. Благодаря этому они лишены пороков зависти, соперничества и довольны своим положением: земледельцы располагают всем необходимым для жизни и не стремятся к вершине общественной иерархии, торговцы честно сбывают товары и не гонятся за роскошью, а бояре, получая землю от щедрот своего правителя, не обременяют своих крестьян жестокой работой и пользуются заслуженным уважением всего населения³⁰¹. Особую симпатию у автора вызывают крестьяне, которые предстают носителями простой и ясной добродетели. Им неизвестны мягкие перины: вместо них они пользуются войлоком или шкурами. Когда тепло, они спят на траве или голой земле, а когда холодно – на печках или скамьях, и редко кто пользуется для этого даже соломенной подстилкой. Благодаря этому, а также здоровому климату «москвиты» обладают крепким телосложением и доживают до глубокой старости, не прибегая к лекарствам и услугам врачей³⁰². «Спартанские» условия жизни, неприхотливость в еде и сне иллюстрируют положительные аспекты существования в согласии с природой. Ведь последняя, как утверждает венецианец, не была мачехой для людей и снабдила их всем необходимым

³⁰⁰ Цит. по: Вульф Л. Указ. соч. С. 446.

³⁰¹ *Relazione della Moscovia*. P. 291–292.

³⁰² *Ibid.* P. 290, 294–295.

для здоровой жизни, а роскошь порождает расслабляющие, а не укрепляющие тело удобства³⁰³. В этой связи маркером выступают и моральные качества: крестьяне менее испорчены нравственно, нежели горожане и в особенности представители благородного сословия, которым свойственны корыстолюбие, недоброжелательность и ложная напыщенность³⁰⁴.

Простота существования «москвитов» предопределяет и отсутствие необходимости в том, что считается «атрибутами» цивилизации. Науки в «Московии» не в чести, нет здесь и писаного закона: все споры решаются посредством природного рассудка, который, по словам венецианского дипломата, в состоянии отличить справедливость от несправедливости без использования правовых кодексов³⁰⁵. В этом плане позицию Вимины можно соотнести с позицией Павла Йовия, высказанной в его «Книге о посольстве...» за 130 лет до этого: «Законы во всем царстве у них [русских – *T.Ш.*] просты и имеют основанием величайшую справедливость государей и наиболее честных людей, а потому весьма благотворны для народа, так как их нельзя перетолковать и извратить никаким крючкотворством стряпчих»³⁰⁶. И в том, и в другом случае присутствует довольно сильная степень идеализации правового устройства «Московии», которая основана на ренессансных общественно-политических представлениях о справедливом правосудии. Простота и немногочисленность законов не позволяют отдельным лицам паразитировать на них для своей выгоды и тем самым служат во благо всему народу³⁰⁷. В то же время бросается в глаза, что Вимины явно не учел (вполне возможно, сознательно) существование в России правового кодекса – Соборного Уложения, принятого в 1649 г.

³⁰³ Ibid. P. 294.

³⁰⁴ «Se ben da vero nei Contadini non ho potuto osservare il genio tanto alieno dall'umanità, nè costumi tanto licentiosi, come nella Città, & appresso i Nobili specialmente interessati, poco amorevoli e pieni di fasto assai sussiegato» (Ibid. P. 296).

³⁰⁵ Ibid. P. 295, 301.

³⁰⁶ *Йовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI века... С. 283.

³⁰⁷ *Кудрявцев О.Ф.* Двойкий образ России... С. 204.

Личности и власти государя «Московии» Вимина также уделяет внимание на страницах *Relazione*, т. к. его воля проникает во все сферы жизни: судопроизводство, работу государственных учреждений, церковные дела, комплектование армии³⁰⁸. В своем правлении он руководствуется не столько политической теорией, сколько чутьем и природным умом³⁰⁹. Отношение к нему местных сравнимо с отношением к божеству. Вимина соглашается с Герберштейном и Поссевино, что подавляющее большинство «москвитов» считают своего государя всезнающим, всемогущим обладателем всех вещей в государстве. Они говорят о нем с почтением, однако делают это, по словам венецианца, не столько в надежде получить награду, сколько из страха наказания³¹⁰. Последнее замечание несколько умаляет предшествующие рассуждения о гармоничном социальном устройстве «Московии» и придает ему оттенок тирании, что неудивительно, учитывая прямые упоминания влиятельных авторов XVI в. Несмотря на это, Алексей Михайлович в изображении Вимины предстает довольно образцовым государем и не похож на тирана. Он благоразумен, набожен, воздержан в еде и сне, сторонится чувственных наслаждений, радуется богатству государства и о прославлении собственного имени путем пышных титулов и военных завоеваний (которые, как с долей иронии замечает Вимина, совершаются скорее по надуманным, нежели по оправданным предлогам)³¹¹. Однако в нем порой проявляются поистине «варварские» жестокость и нетерпимость. Венецианец приводит в пример случаи с двумя иностранцами. Так, он приказал четвертовать сына переводчика шведского языка Вольфганга Якоби (Wolfango Giacobi), чья вина была неясна, а

³⁰⁸ *Relazione della Moscovia*. P. 300, 305.

³⁰⁹ *Ibid.* P. 303.

³¹⁰ «E appunto mi par di vedere, non altrimenti di quello, che lasciò scritto l'Herberstemio, e doppo lui il Possevino, dell'opinione, che tengono questi rozi popoli del suo Prencipe, avvezzi a proferire fin da fanciulli encomij di lui quasi Divini, che tutto sappia, che tutto possa, che di tutte le cose sia assoluto Signore» (*Ibid.* P. 317).

³¹¹ «Il fatto poi con che mantiene questo Prencipe il suo Sussiegato decoro, appare facilmente nella pretensione de' suoi titoli, e la disordinata ambizione di farsi di nome glorioso accrescendo l'Imperio, e movendo guerra per gl'aquisti sotto pretesti immaginati più tosto, che giustificati» (*Ibid.* P. 324).

немецкого офицера, который дерзнул отпроситься на родину, он сослал в Сибирь на вечное поселение³¹². Примечательно, что Вими́на не высказывает откровенного неприятия подобных методов сохранения лояльности подданных и даже считает их довольно действенными. Ведь память о прошлых благодеяниях не способна удержать народ в повиновении в случае непредвиденных обстоятельств в государстве, в то время как страх телесных наказаний удерживает его от открытого возмущения, пишет он³¹³. Здесь автор проводит опосредованное сравнение «Московии» с Речью Посполитой, внутренним смутам и военным неудачам которого он, как упоминалось выше, посвятил отдельное произведение. Для Вими́ны сохранение социального мира даже «варварскими» способами представляется лучшей альтернативой, нежели гражданские столкновения, восстания крестьян и предательства аристократии, которые могут привести к распаду государства. Эти взгляды венецианского дипломата иллюстрируют неприязнь любых смут, которая была характерна и для Венецианской республики, гордившейся своей неизменной на протяжении веков «политией». Но ведь и «Московия», по словам Вими́ны, славится своей приверженностью нравам старины и политическим установлениям предков, пусть и в форме самодержавного правления и отсутствия свободы! В этот контекст хорошо вписывается и отсутствие на страницах *Relazione* сведений о социальных потрясениях в России начала и середины XVII в., в частности о Смутном времени или Соляном бунте. Упомянуто лишь городское восстание в Пскове 1650 г., и то для демонстрации природного умения Алексея Михайловича разрешать политические кризисы³¹⁴. Как и в упомянутом выше случае с Соборным Уложением, трудно сказать однозначно, действительно ли Вими́на не знал о других крупных кризисах или умолчал о них осознанно. Важно, что благодаря этому описанная картина социально-политической стабильности «Московии» предстает еще более убедительной, и эта стабильность

³¹² Ibid. P. 322.

³¹³ Ibid. P. 322–323.

³¹⁴ Ibid. P. 303–304.

парадоксальным образом сближает Россию со Светлейшей республикой. Также можно указать на созвучность взглядов венецианского автора – несмотря на его принадлежность католической традиции – идеям некоторых протестантских авторов того времени. Можно упомянуть не только английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), опубликовавшего в 1651 г. знаменитый трактат «Левиафан», но и его младшего современника, французского писателя и литератора Самюэля Сорбьера (1615–1670). Последний негативно относился к вольности дворянства и землевладельцев, указывая на примеры французской Фронды и той же войны в Польше, и даже восхищался властью турецкого султана. По его словам, два мира – Новый Свет и «варварский» Восток – придерживаются естественных природных законов, в то время как европейский «цивилизованный» мир оказался испорчен³¹⁵. В этом смысле отсутствие свободы, которым характеризуется вся история Русского государства, означает и отсутствие «войны всех против всех», гражданских конфликтов и анархии.

Итак, представленная Виминой картина жизни населения «Московии» является дидактическим примером «позитивного варварства». Блаженность неведения свободы позволяет всем сословиям страны жить в согласии и солюдать установленный и освященный веками порядок. Гарантом и хранителем этого порядка выступает «великий князь», который вызывает у населения священный трепет и воспринимается как земной бог. Государь обладает абсолютной властью в этом пространстве социальной гармонии, а его власть имеет божественный характер и происхождение. Несмотря на очевидные заимствования из «Записок о Московии» С. Герберштейна, по своей идейной тональности *Relazione della Moscovia* оказывается ближе к произведениям конца первой четверти XVI в., написанным И. Фабри, А. Кампенским и П. Йовием. Образ Московии в них, как и в труде Вимины, достаточно идеализирован, подвержен влиянию колониального дискурса и служит дидактическим целям. Но как справедливо отметил О.Ф. Кудрявцев,

³¹⁵ *Cassato D. Etnologia secentesca...* P. 480.

такой подход не предполагал признания за Россией ее самобытности и самоценности³¹⁶. Помимо традиций «россики» XVI в., в *Relazione della Moscovia* отражены актуальные для европейской мысли Раннего Нового времени идеи и тенденции. Во-первых, это мечты о «золотом веке» человеческой истории: возвращении к простой и скромной жизни, далекой от политических забот, роскоши и пороков городской жизни³¹⁷. Во-вторых, это становление политической философии, в которой параллельно развивались концепции «божественной» и «контрактной» монархической власти³¹⁸. В-третьих, это некоторые интеллектуальные приемы, которые будут широко использоваться уже в последующем, XVIII в. для описания стран, составивших в ментальной карте европейцев т. н. Восточную Европу. Конструируемый Виминой образ русского социума отразил и его собственные взгляды на современную цивилизацию, к которой он, судя по всему, относился с изрядной долей скепсиса. Это роднит его с древнеримским историком Тацитом, чьи труды и идеи служили для венецианца источником вдохновения³¹⁹. Однако «московиты» были схожи не только (или не столько) с древними германцами. Не исключено, что сама концепция *felice ignoranza* была вдохновлена античным преданием о гиперборейцах – блаженных обитателях Севера, чья жизнь длится тысячу лет и лишена невзгод и страданий³²⁰. Под пером Вимины, несомненно знакомого

³¹⁶ Кудрявцев О.Ф. Двойкий образ России... С. 214.

³¹⁷ Saccato D. *Etnologia secentesca*... P. 481.

³¹⁸ Тарнопольская И.О. «Божественное право королей» и «контрактная теория»: монархическая идея на Западе и Востоке Европы в XVI–XVII веках // *Мировосприятие и самосознание русского общества*. Вып. 2: Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 49–58.

³¹⁹ Saccato D. *Etnologia secentesca*... P. 481.

³²⁰ Точной локализации мифической Гипербореи у древних греков не существовало: ее могли помещать как на крайнем севере, так и на вотоске или даже западе Евразии. У Северного океана их поместил Геродот (484–425 гг. до н.э.), который опирался на поэму «Аримаспея» путешественника VII в. до н.э. Аристея Проконесского (*Подосинов А.В.* Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015. С. 91–92). Географ Страбон (63 г. до н.э. – 21 г. н.э.) также писал о расположении Гипербореи на севере. Плиний Старший (23/24 – 79 гг. н.э.) в «Естественной истории» привел пять вариантов локализации гиперборейцев, в том числе северную, за т. н. Рифейскими горами (*Подосинов А.В.* Плиний Старший о локализации гипербореев //

с древнегреческой мифологией и трудами античных писателей, это предание могло сплестись со сведениями из европейской «россии» таким образом, что политическое и социальное устройство «Московии» обусловило блаженное состояние ее обитателей. Первобытное состояние близости к природе роднит «москвитов» и с американскими индейцами, которые стали для европейцев архетипом «дикаря» и нравоучительным напоминанием об их собственном добродетельном прошлом³²¹. Особенно характерны описания канадских индейцев французскими иезуитами первой половины XVII в.: так, Поль Ле Жен (1591–1664) отмечал гармоничное существование индейцев, отсутствие среди них конфликтов и споров, а также амбиций и жадности – пороков, поработивших многих европейцев и развративших их города³²². Конечно, Вимина не проводил прямых параллелей между «москвитами» и, например, гурунами Новой Франции, однако схожая риторика вполне угадывается. «Московия» воспринималась европейцами той эпохи как часть обширной периферии Старого Света, т. н. «Индий Европы» (*Le Indie d'Europa*)³²³. Слова Вимины, что «Московия» является наименее известным европейским государством и расположенной на краю света в окружении

Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. Т. 3. С. 241–251). К излету античности слова «гиперборейцы», «гиперборейский» приобрели, однако, негативный оттенок и стали ассоциироваться скорее с нашествиями «варварских» народов, в числе которых были и славяне. Патриарх Фотий (ок. 820–896) в своей знаменитой гомилии «На нашествие росов» говорил о «страшной грозе гиперборейской», которая обрушилась на Константинополь в 860 г. (Цит. по: Кузенков П.В. Свидетельства патриарха Фотия о нападении Руси на Константинополь в 860 г. и «первое крещение» Руси // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2000. № 1. С. 16).

³²¹ Федин А.В. Идея благородного дикаря в «Иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 65–66. О концепции «благородного дикаря» и ее месте в европейской истории см. например Fairchild H.N. *The Noble Savage: a Study in Romantic Naturalism*. New York, 1928; Todorov T. *On Human Diversity: Nationalism, Racism and Exoticism in French Thought*. Cambridge, London, 1993; Ellingson T. *The Myth of the Noble Savage*. Berkeley, 2001.

³²² Федин А.В. Указ. соч. С. 77–78, 83–84.

³²³ Термин впервые употребил в 1573 году польский иезуит Петр Скарга (1536–1612) в контексте религиозной политики своего ордена. Веком позднее, в 1658 году польский посол в Голландии Джироламо Пиноччи (1612–1676), предлагая голландцам заключить антишведский союз, использовал термин для описания экономических выгод, которые принесет замирение Балтийского региона, в частности беспрепятственное движение товаров из «европейских Индий». Подробно см. Caccato D. *Le “Indie d’Europa”...* P. 352–364; Voccolini A. *Op. cit.* P. 4, n. 19.

варварских народов землей³²⁴, ложатся в данную парадигму. Отчасти это был риторический прием, но он хорошо раскрывает грань восприятия образованными европейцами русских земель как сравнимых с заокеанскими территориями Американского континента. Таким образом, «открытие России Европой», начатое в конце XV в. параллельно с Великими географическими открытиями, продолжалось и в XVII в. и отражало идеи, циркулировавшие в европейском интеллектуальном пространстве той эпохи.

³²⁴ «Fra tutti gl'Imperj, e Provincie d'Europa par, che sia sempre stata di oscura notizia a tutti i Secoli la Moscovia, come quella, che sequestrata in un'angolo del Mondo attorniato da genti Barbare, non ha lasciato facile l'accesso a' curiosi di passare a prender lingua, e restarne informati» (Relazione della Moscovia. P. 285).

Глава 3. Организация посольства Ивана Чемоданова в Венецию

§1. Состав и задачи посольства

Подготовка к отправке ответного посольства в Венецию началась в мае 1656 г. 6 мая царь Алексей Михайлович указал стольнику Ивану Ивановичу Чемоданову и дьяку Алексею Посникову отправиться «на свою государеву службу в Немцы в Веницийскую землю ко Францышкусу князю Молину в посланниках»³²⁵. Возглавивший его стольник Иван Чемоданов до этого не имел опыта дипломатических миссий. Сын стряпчего с ключом (с 1614 г.) и ясельничего (с 1626 г.), он принадлежал к московским служилым чинам. Впервые упоминается в Дворцовых разрядах в 1624/25 гг. как стряпчий, в дальнейшем – в качестве стольника и рынды во время дипломатических церемоний при царском дворе. Скорее всего, эта служба и стала его главной дипломатической «школой». В 40-е и 50-е гг. XVII в. он служил воеводой в городах Усерд и Путивль, имея поместный оклад в 500 четей³²⁶. На время посольства он получил формальный титул «наместника Переславского», что было стандартной практикой в русской дипломатии XVII в. Дьяк Посников принадлежал к категории приказных служащих. До венецианского назначения он был подьячим приказа Большого дворца (1645 г.), Монастырского приказа (1652–1653 гг.) и Устюжской четверти. Повышение до дьяка он получил вскоре после назначения на венецианскую службу, 20 мая 1656 г.³²⁷ В Посольском приказе Посников не служил и соответственно не имел опыта работы с дипломатической документацией. Несмотря на очевидную разницу в положении, и Чемоданов, и Посников получили статус «посланников» и были «у руки были у Государя в Золотой полате»³²⁸. Личная аудиенция перед поездкой была важным элементом дипломатической практики Московской Руси: через физический контакт послы воспринимали

³²⁵ ПДС. Т. X. Стб. 931.

³²⁶ *Беляков А.В.* Посольство И.И. Чемоданова... С. 32–33.

³²⁷ Там же. С. 33.

³²⁸ ПДС. Т. X. Стб. 931.

частицу сущности государя, который воплощал в себе государство³²⁹. Очевидно, что степень дипломатического представительства у членов посольства была различной: Чемоданов как родовитый представитель московских чинов был первым по положению фактотумом Алексея Михайловича. Тем не менее, на случай непредвиденной смерти стольника по пути в Венецию дьяку Посникову пришлось бы возглавить посольство и вести переговоры от лица царя³³⁰.

Посольство насчитывало тридцать три человека³³¹. В свиту вошли, в частности, дворяне жильцы Иван Власов и Федор Костюрин, подьячий Стрелецкого приказа Фирс Байбаков, переводчик латинского и польского языков Тимофей Топоровский и толмач немецкого языка Лазарь Циммерманов³³². Первоначально переводчиком посольства должен был быть Иван Адамов, участвовавший в переговорах с Альберто Виминой. Его имя фигурирует в делопроизводственных документах – так, по памяти Посольского приказа Приказу Большого прихода от 23 июня 1656 г. для государевой службы в посольстве Адамову было велено выдать жалованье и подмогу по окладу на два года³³³. Учитывая его вполне вероятное владение итальянским языком, о чем говорилось выше, его назначение выглядело логичным. Однако вышеуказанный документ содержит и дьяческую помету следующего содержания: «Ивану Адамову в той посылке не быть, не велено [...] а в ево место велено быт[ь] переводчику Тимофею Топоровскому, и г[о]с[у]д[а]р[е]во жалован[ь]е и подмога ему дана ис Посолского приказу ис полоняничных д[е]н[е]г»³³⁴. Можно выдвинуть предположение, что такая замена Адамова на Топоровского была связана с внешнеполитическими событиями, а именно решением Алексея Михайловича объявить войну

³²⁹ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 49, 52.

³³⁰ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 84–85.

³³¹ Бумаги Флорентинского архива. С. 6.

³³² ПДС. Т. X. Стб. 932. О Топоровском и Циммерманове см. подробнее *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Указ. соч. С. 198–199, 214–215.

³³³ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 20.

³³⁴ Там же. Л. 20–20 об.

шведскому королю Карлу X Густаву (1654–1660) в мае того же года³³⁵. В таких условиях происхождение, знания и опыт Адамова сделали его присутствие в государевом походе на Ригу более предпочтительным, нежели в составе посольства Чемоданова и Посникова.

Двух членов посольства – целовальника к царской соболиной казне и второго подьячего – было велено нанять в Архангельске³³⁶. Ими стали Вторка (Вторышка) Леонтьев и Марк Тропинин (Тропин). Информации о них не так много. Леонтьев, по предположению А.В. Белякова, мог быть служащим Посольского приказа и архангельским переводчиком немецкого языка³³⁷. Тропинин же служил в Двинской таможенной избе, имел годовой оклад в пять рублей. Его судьба в составе посольства была незавидной, о чем он подробно писал в своей челобитной: на службу в Венецию его послали «силою, без выбору», в пути он потерял значительную часть запасов и увяз в долгах, а по возвращении в Россию обнаружил в долгах и свою жену с детьми. Тропинин приводит в пример целовальника Леонтьева, которому «с посаду» выдали подмоги на 200 рублей, в то время как его жалованье составило 20 рублей³³⁸. Сам Леонтьев также жаловался в своей челобитной на недодачу 51 рубля из положенных 200, а его семья за время его отсутствия была обременена долгами и дополнительным тяглом³³⁹. Заметно, что уже на этапе набора людей посольство столкнулось с очевидными сложностями: их приходилось нанимать в других ведомствах, а уровень их обеспечения был недостаточным для долгой государевой службы. «Кадровый голод» середины 1650-х гг. был связан с недавним моровым поветрием, которое сильно ударило по штату приказных служащих³⁴⁰. Традиционно остро стоял вопрос

³³⁵ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 86.

³³⁶ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 106.

³³⁷ *Беляков А.В.* Посольство И.И. Чемоданова... С. 36. Автор уточняет, что «немецкий язык» – понятие для того времени достаточно широкое, необязательно обозначающее язык земель Священной Римской империи.

³³⁸ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 213–213 об. Текст документа приведен в Приложении 14.

³³⁹ Там же. Л. 211. Текст документа приведен в Приложении 13.

³⁴⁰ *Беляков А.В.* Посольство И.И. Чемоданова... С. 37.

финансового обеспечения посольства, которое было явно недостаточным для большинства его членов. Даже возглавившие посольство Чемоданов и Посников, получившие жалованье в 620 и 480 рублей соответственно³⁴¹, впоследствии столкнутся с нехваткой средств.

У посольства было несколько целей, которые можно поделить на собственно дипломатические и торговые. Они сформулированы в обстоятельном царском наказе – ключевом документе для любого русского посольства XVII в.³⁴² Дипломатическими целями были: оказание ответной чести венецианскому «князю» (дожу), заверение в готовности к торговле через Архангельск, изложение причин войны с Речью Посполитой и Швецией и связанное с последним прошение «золотых и ефимков» на военные издержки. Объяснению конфликта Алексея Михайловича с польским и шведским королями отведено значительное место в наказе: из общего объема в сорок пять листов оно занимает около трети всего текста³⁴³. Это говорит о важности, которую русское правительство придавало изложению своей позиции в этих конфликтах, а также дает право рассматривать миссию Чемоданова и Посникова как продолжение масштабной внешнеполитической акции, осуществленной Посольским приказом в конце 1653 г., незадолго до вступления в войну с Речью Посполитой³⁴⁴. Т. к. благодаря информации из курантов царское правительство было в курсе хода войны Венеции с Турцией, в наказе была заложена вероятность отказа в денежном займе: «А буде о казне учнут отговариватца, что у них война ведетца с турским давно и многая казна на ратных людей вышла, а н[ы]не у них та война не унялас[ь] же, и им н[ы]не казны дать нечево, и посланником говорит[ь], буде им н[ы]не к ц[а]рскому величеству казны послат[ь] невозможно, и они б ц[а]рскому величеству дружбу свою и любов[ь] оказали в ыных мерах, в чом буде ц[а]рскому

³⁴¹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 11, 15.

³⁴² Там же. Л. 42–87. Текст документа приведен в Приложении 4.

³⁴³ Там же. 55–69.

³⁴⁴ Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 146.

величеству годно вперед»³⁴⁵. Вторым по значимости вопросом, судя по тексту наказа, было налаживание торговых связей. Русское правительство считало, что венецианцев могла смутить осуществленная в 1649 г. высылка английских торговцев, дальнейший запрет торговать в России где-либо помимо Архангельска и взимание дополнительной пошлины³⁴⁶. Посланникам предписывалось объяснить причины такого решения, которое было связано как с казнью короля Карла I (1625–1649) в ходе Английской революции, так и с различными торговыми ухищрениями англичан. Следовало и убедить венецианцев, что с них никаких дополнительных пошлин взимать не будут: «А с их виницейских купецких людей с товаров указал ц[а]рское величество свою г[о]с[у]д[а]р[е]ву пошлину имат[ь] во всем против своих г[о]с[у]д[а]р[е]вых торговых людей без прибавки, и оскорбленья им ни в чем отнюдь не будет, в том бы они на м[и]л[о]сть ц[а]рского величества были надежны»³⁴⁷. В то же время «турецкому вопросу», так волновавшему венецианское правительство, уделено совсем мало места. Чемоданов и Посников должны были заверить дожа и сенаторов в неизменной приверженности русского царя общехристианскому делу и в то же время указать на невозможность помощи Венеции по объективным причинам: «И великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, велел о том об[ъ]явить, что он, великий г[о]с[у]дарь, его ц[а]рское величество, всегда о том тщание имеет, чтоб православное хр[и]стиянство из бусурманских рук высвободит[ь], толко н[ы]не его ц[а]рскому величеству начати того дела нельзе, потому что н[ы]не его ц[а]рское величество пошол на неприятеля своего, а как за помощью Б[о]жиею с неприятелем своим управитца, и в то время его ц[а]рское величество о том деле, как на того общего хр[и]стиянского неприятеля и врага Кр[е]ста Хр[и]ст[о]ва стояти и

³⁴⁵ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 70.

³⁴⁶ Указ государя царя Алексея Михайловича английским купцам // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. С. 455–456.

³⁴⁷ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 83.

мучительство и кровь хр[и]стиянской мстити, со Францышкусом кн[я]зем ссылку и договор учинить велит»³⁴⁸. Торговыми целями были: закупка «узорочных товаров», под которыми имелись в виду дорогие итальянские сукна, и продажа «соболиной казны» и ста пудов ревеня по оптимальной цене 100–140 «ефимков» (50–70 рублей) за пуд³⁴⁹. Посланники имели на руках царский список с информацией, какие ткани и в каком количестве необходимо приобрести «про его государев обиход»: это двоёморшие бархаты, атласы, объяри, камки, байбереки и др. Деньги на покупку тканей предписывалось взять из средств от продажи ревеня и соболиных шкурок, которые были выданы из Сибирского приказа и оценивались в тысячу рублей³⁵⁰. Помимо соболиных мехов на продажу посланникам были выданы и меха на 600 рублей для раздачи в качестве даров правителям или вознаграждения за услуги прочим лицам³⁵¹.

§2. Путь посольства от Москвы до Италии

Чемоданову и Посникову предстояло добраться до места назначения по морю, т. к. сухопутный путь в Венецию был невозможен по причине продолжавшихся военных действий между Речью Посполитой, Швецией и Россией. Главным и единственным морским портом России середины XVII в. был Архангельск, в направлении которого посланники выдвинулись из Москвы 17 июля 1656 г. Их путь пролегал по маршруту Москва – Переславль – Ростов – Ярославль – Вологда – Тотьма – Устюг – Холмогоры – Архангельск. С собой у посланников имелась царская указная грамота, по которой предписывалось в каждом городе предоставлять посольству подводы, суды и гребцов, а также стрельцов для сопровождения и охраны царской казны³⁵². Статейный список представляет этот маршрут таким

³⁴⁸ Там же. Л. 72–73.

³⁴⁹ Там же. Л. 88–90.

³⁵⁰ Там же. Л. 17; ПДС. Т. X. Стб. 1177.

³⁵¹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 15.

³⁵² Там же. Л. 100. Текст документа приведен в Приложении 5.

образом, что Чемоданов, Посников и все остальные члены посольской свиты ехали вместе и не разделяясь – однако архивные документы вносят небольшие коррективы в эту картину. Судя по всему, до Ярославля Чемоданов и Посников шли вместе и прибыли туда 24 июля. Затем дьяк по какой-то причине остался в городе³⁵³, а стольник отправился дальше в Вологду, везя с собой царскую казну. До Вологды Чемоданов добрался 29 июля и ждал здесь Посникова несколько дней. Не дождавшись его, он отписал о ситуации в Москву и 3 августа на судах поехал без него до Архангельска³⁵⁴. Как впоследствии оказалось, они разминулись: дьяк Посников прибыл в тот же день в Вологду, а на следующий день, 4 августа отправился вслед за Чемодановым вместе с переводчиком Топоровским. Последний также приехал в Вологду отдельно от Чемоданова и остальной свиты 31 июля, но по каким-то причинам не поехал вместе со всеми 3 августа³⁵⁵. 17 августа Посников, Топоровский и другие члены посольства были уже в полном составе в Архангельске и доложили об этом в Посольский приказ³⁵⁶.

После прибытия перед посланниками встала задача найти корабль для плавания в Венецию. В царском наказе было предписано нанять «икрянной карабль», венецианский или голландский, о чем должен был позаботиться двинский воевода князь Петр Семенович Прозоровский³⁵⁷. Речь о кораблях, на которых из России вывозилась черная («армянская») икра. Торговля ей в 1650-е гг. была одним из наиболее прибыльных мероприятий для иноземных купцов-откупщиков, и за право ее вывоза и продажи конкурировали англичане, голландцы и итальянцы. В первой половине 1650-х гг. основным держателем икорного откупа был англичанин Иван (Джон) Гебдон, который

³⁵³ В одной из указных грамот содержится фраза, что Посников живет «в Ярославле, за Волгою, в поместье на горках» (РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 120). В таком случае он мог остаться на несколько дней, чтобы уладить какие-то дела перед отъездом в Венецию.

³⁵⁴ Там же. Л. 118.

³⁵⁵ Там же. Л. 123–125.

³⁵⁶ Там же. Л. 121–122; ПДС. Т. X. Стб. 933.

³⁵⁷ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 42–43, 96–97.

также выполнял различные царские поручения за границей – как правило, это были закупки «узорочных товаров» и вооружения, наем специалистов разного профиля и т. п.³⁵⁸ Получив царское указание о кораблях для посланников, воевода Прозоровский обратился к Гебдону, и тот договорился с корабельщиками «Корнилиусом Класом» и «Индриком Девилде»³⁵⁹. Пока не удалось установить их реальные имена и степень вовлеченности в экспортную торговлю, но разумно полагать, что они были голландскими компаньонами английского комиссионера и организовывали вывоз икры из России. Отплытия из Архангельска Чемоданову и Посникову пришлось ждать несколько недель (с 18 августа по 12 сентября), «покамест те их корабли нагрузятца товары»; кроме того, до Венеции иностранцы плыть не собирались и сообщили, что довезут посланников только до Ливорно, а до владений «виницейского князя» им придется идти сухим путем³⁶⁰. Таким образом, необходимость воспользоваться услугами голландских судовладельцев привела к изменению конечного пункта в маршруте посольства, а их торговые интересы отложили отплытие более чем на три недели.

12 сентября корабли вышли из Архангельска. В царском наказе не было четкого указания, как следует плыть до Италии, что во многом было связано с отсутствием прецедента подобного маршрута в обозримом прошлом. «Путь послов» пролегал вдоль Скандинавского полуострова и Британских островов, а затем через Бискайский залив и Гибралтар в Средиземное море³⁶¹. Можно сказать, Чемоданов и Посников стали своего рода «первопроходцами» и проложили для последующих дипломатов

³⁵⁸ *Торопицын И.В.* Роль голландцев в русско-итальянской торговле рыбными припасами во второй половине XVII века // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство. 2010. № 1. С. 55; *Гурлянд И.Я.* Иван Гебдон, комиссариус и резидент (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903. С. 7.

³⁵⁹ ПДС. Т. X. Стб. 934–935. В архивной отписке воеводы они названы «Корнила Миколай» и «Андрей Венденмор» (РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 244).

³⁶⁰ ПДС. Т. X. Стб. 936.

³⁶¹ Там же. Стб. 939–944.

морскую дорогу в южноевропейские государства: в 1659 г. этим же маршрутом во Флоренцию отправятся посланники В.Б. Лихачев и И. Фомин³⁶², а в 1667 г. в Испанию – П.И. Потемкин и С. Румянцев³⁶³. В то же время «скандинавская» часть пути уже была знакома и русским мореходам, которые уже в XII в. совершали плавания к берегам Норвегии, и русским дипломатам: в 1496 г. посланник Григорий Истома (Малой) совершил плавание в Данию вдоль северной оконечности Скандинавии. Рассказ Истомы о нем с первым в русской и европейской традиции описанием Северного Ледовитого океана был записан С. Герберштейном и опубликован в «Записках о Московии»³⁶⁴.

Плавание, занявшее почти два с половиной месяца (с 12 сентября по 24 ноября 1656 г.), было сопряжено с множеством опасностей. Главной из них были превратности погоды. Уже в самом начале плавания встречный ветер отнес корабли к суше, так что им пришлось простоять на якоре с 18 по 22 сентября³⁶⁵. Но наиболее ужасным испытанием оказались жестокие штормы. Корабли дважды оказывались во власти морской стихии, которая не щадила их и обрушивала свои удары. Статейный список содержит рассказы о «волнении безмерном», когда волны пробивали обшивку кораблей, затапливали трюмы водой по пояс. Среди членов посольства стоял «плач и вопль великой», и единственным средством было упование на Божью милость: «И столник и наместник Переславской Иван Иванович Чемоданов и все государевы люди учили молебное пение Богу воздавать, и милостию Божию волнение и буря утихло...»³⁶⁶. Отношение к морской стихии в древнерусской культуре традиционно было связано с перемещением в «иной» мир, а море было реальной «границей» между мирами. Путешествие

³⁶² Там же. Стб. 519–532.

³⁶³ Ведюшкин В.А., Рычаловский Е.Е., Флоря Б.Н. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // Посольство П. И. Потемкина... С. 31–32.

³⁶⁴ Герберштейн С. Указ. соч. С. 509–515; Шаскольский И.П. Об одном плавлении древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Г. Истомы) // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. М.; Л., 1965. С. 7–30.

³⁶⁵ ПДС. Т. X. Стб. 939.

³⁶⁶ Там же. Стб. 940–941.

по морю, таким образом, становилось чем-то вроде переживания опыта смерти – неудивительно, что посланники в статейном списке уделили такое внимание своему собственному подобному «опыту», который переплетался с выражением традиционной православной религиозности. Наверняка им на ум приходили и строки из Псалтири: «Силен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе. Ты владычествуеши державою морскою, возмущение же волн его Ты укрочаеши» (Пс. 88: 9-10).

Другой не менее серьезной опасностью были мусульманские пираты с «Варварийского берега» Северной Африки, которые с начала XVI в. держали в страхе все Средиземноморье³⁶⁷. XVII столетие ознаменовалось расцветом пиратства: корсары из Туниса, Алжира и Триполитании не только опустошали берега Апеннин и Пиренеев, но и доходили до Англии, Ирландии и даже Исландии³⁶⁸. Однако главным «полем» их промысла по-прежнему оставалось Западное Средиземноморье. Европейцы пытались бороться с разбоем – так, в статейном списке Чемоданов описывает систему сигнальных башен, расположенных по испанскому берегу на одинаковом расстоянии друг от друга в пять верст. В случае опасности зажигались огни, и в море быстро выходили патрульные корабли³⁶⁹. Однако пираты, по словам А.Г. Рагунштейна, прекрасно знали особенности береговой линии, что помогало им устраивать засады в укромных бухтах и нападать на торговые корабли европейцев на своих быстроходных судах³⁷⁰. Голландцы предприняли меры заранее: еще до прохода через Гибралтар они, «остерегаясь турецких воинских людей, учили людей росписывать и к бою наряд готовить», а у Лиссабона спрашивали об обстановке у проплывавших

³⁶⁷ О пиратах Туниса и Алжира в эпоху Раннего Нового времени см. например: *Wolf John B. The Barbary Coast: Algeria Under the Turks, 1500 to 1800. New York, 1979; Tinniswood A. Pirates of Barbary: Corsairs, Conquests and Captivity in the 17th-Century Mediterranean. London, 2011; Рагунштейн А.Г. Пираты под знаменем ислама: морской разбой на Средиземном море в XVI – начале XIX века. М., 2012.*

³⁶⁸ В частности, в 1627 году пираты совершили серию рейдов на Исландию, что вошло в историю как *Turkjaránið*, или «турецкие похищения» (*Рагунштейн А.Г. Указ. соч. С. 84-85*).

³⁶⁹ ПДС. Т. X. Стб. 1153.

³⁷⁰ *Рагунштейн А.Г. Указ. соч. С. 113.*

мимо торговцев³⁷¹. У берегов Андалусии, недалеко от города Мотриль («Мудрил» статейного списка) посланники все-таки попали в пиратскую засаду, однако нерешительность разбойников и своевременная подготовка голландских кораблей к бою дали возможность последним избежать столкновения и уплыть в сторону острова Корсика³⁷². Как и в ситуации со штормом, Чемоданов и члены посольства уповали на Божью милость и «Всемиловитому Спасу и Пречистой Его Матери молебное пение со слезами воздавали»³⁷³. Уже в Ливорно посланникам стало известно, что в море вот уже несколько месяцев ходят сорок пиратских кораблей, которые взяли на абордаж и потопили восемнадцать европейских торговых судов³⁷⁴. То, что им удалось дойти до Италии в целости, столкнувшись лицом к лицу с разбойниками, действительно напоминало чудо: немногим удавалось уйти от них невредимыми³⁷⁵. Тем не менее, последствия почти полуторамесячного плавания были ощутимы: во время шторма были попорчены часть ревеня и багажа членов посольства.

Помимо сообщений о морских опасностях описание пути до Италии содержит и одну примечательную деталь. Проплывая мимо испанского Кадиса недалеко от Гибралтара, Чемоданов отмечал: «и блиско того города стоит столп каменной велик, а сказывают про него, что тот столп поставил богатырь Гергулес, а пишет об нем в Трое»³⁷⁶. Сюжеты троянского эпоса были достаточно известны на Руси благодаря переводным памятникам: византийским хроникам (Иоанна Малалы и Константина Манассии) или средневековым романам на античные сюжеты. В данном случае под «Троей» имеется в виду роман «Троянская история», написанный в конце XIII в. итальянцем Гвидо де Колумна. На Руси он был переведен на рубеже XV–XVI вв. и обрел большую популярность: существует несколько его списков и

³⁷¹ ПДС. Т. X. Стб. 941.

³⁷² Там же. Стб. 942–943.

³⁷³ Там же. Стб. 943.

³⁷⁴ Там же. Стб. 946.

³⁷⁵ Рагуניתейн А.Г. Указ. соч. С. 113.

³⁷⁶ ПДС. Т. X. Стб. 1153.

редакций (в частности в XVII в. широкое распространение получила Краткая редакция), а его полный текст был включен в Лицевой летописный свод³⁷⁷. Исходя из этого можно предполагать знакомство Чемоданова с этим интереснейшим памятником древнерусской книжности и его античными образами.

³⁷⁷ *Творогов О.В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 33. С. 21–22. Текст Краткой редакции памятника опубликован в издании: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. Л., 1972. С. 14–69.

Глава 4. «Тосканско-римский» этап посольства Ивана Чемоданова

§1. Пребывание в Ливорно. Взаимодействие с тосканским купечеством и администрацией³⁷⁸

24 ноября 1656 г. Чемоданов и Посников наконец достигли владений «грандуки Флоренского» – портового города Ливорно. Период пребывания в Тосканском герцогстве (с 24 ноября 1656 г. по 1 января 1657 г.) является важным этапом посольства, ведь он заложил основы для дипломатических отношений между великим герцогом Фердинандо II Медичи (1621–1670) и русским царем Алексеем Михайловичем, а также стал первым впечатлением русских посланников об Италии и местом первого культурного соприкосновения итальянцев и «москвитов». В те годы Ливорно уже превратился в один из важнейших узлов средиземноморской торговли. Во многом этому поспособствовала дальновидная политика великого герцога Фердинандо I Медичи (1587–1609): в 1606 г. он даровал Ливорно статус и права города, проявлял веротерпимость к переселявшимся евреям и протестантам, так что спустя несколько десятилетий порт Ливорно стал местом притяжения для европейских и восточных купцов³⁷⁹.

Первое, с чем пришлось столкнуться посланникам – это карантин, в течение которого они продолжали находиться на корабле. До 27 ноября, когда их осмотрели местные доктора, все контакты с официальными лицами происходили на расстоянии³⁸⁰. Лишь после осмотра к ним на небольшом судне прибыл губернатор города Антонио Серристоры в сопровождении свиты, как указано в статейном списке, из тридцати человек. Характерно, что

³⁷⁸ При написании параграфа были использованы материалы авторской статьи: *Шаунов Т.К.* Посольство И. Чемоданова 1656–1657 гг. и иноземные торговцы... С. 85–87.

³⁷⁹ *Арх. Августин (Никитин)*. Ливорно [Электронный ресурс] // Нева. СПб., 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/19a.html> (дата обращения: 12.11.2022); *Risaliti R.* I rapporti commerciali fra la Russia e la Toscana (Livorno) // Archivio Storico Italiano. 1978. Vol. 136. No. 3/4 (497/498). P. 484. Об истории Ливорно в Раннее Новое время см. также: *Guarnieri G.G.* Il porto di Livorno e la sua funzione economica dalle origini ai tempi nostril. Pisa, 1931; *Matteoni D.* Livorno. Bari-Roma, 1988; *Livorno 1606–1806. Luogo di incontro tra popoli e culture / a cura di A. Prosperi.* Torino, 2009 и др.

³⁸⁰ ПДС. Т. X. Стб. 944–948.

число губернаторской свиты практически идентично количеству членов посольской свиты в тридцать три человека. С другой стороны, посланники могли и приукрасить действительность, дабы в статейном списке первая встреча выглядела более почетной. Губернатор расспросил их о здоровье государя, перипетиях путешествия и объявил, что великий герцог велел встретить их с честью и на следующий день предоставить барки для схода на берег и жилья³⁸¹. По словам флорентийского нунция Пиньятелли, Серристоры был немало удивлен устроенным ему приемом, во время которого ему пришлось выпить четыре больших кубка вина, меда и водки, любезно поданных Чемодановым³⁸². Так произошло его знакомство с практиками русского посольского обычая, когда лишь опьянение гостя могло продемонстрировать его уважение по отношению к хозяину³⁸³. Четыре кубка соответствовали четырем тостам: за царя, великого герцога, посланников и губернатора; во время первых двух палили из корабельных пушек³⁸⁴.

Вопросом жилья для посланников было велено заняться англичанину Карлу Лонгленду. Его взаимодействие с посольством во время его пребывания в Ливорно было наиболее тесным. Лонгленд был одним из богатейших торговцев города и официальным представителем английского Адмиралтейства (Адмиралтейского комитета, Board of Admiralty), следившим за безопасностью английских судов в Средиземноморье³⁸⁵. Он же был вовлечен в икрной откуп: в конце 1654 г. он с несколькими представителями местного купечества приобрел у Джона Гебдона пятилетний контракт на поставку икры. В числе компаньонов Лонгленда были голландец Исаак Ян Нийс и итальянцы Джованни Дзеффи и Джован Франческо Санминиателли³⁸⁶. Данное обстоятельство объясняет, почему

³⁸¹ Там же. Стб. 949.

³⁸² Шмурло Е. Ф. Посольство Чемоданова... С. 4.

³⁸³ Юзефович Л. А. Указ. соч. С. 223.

³⁸⁴ ПДС. Т. X. Стб. 950–951.

³⁸⁵ Villani S. A 'Republican Englishman' in Leghorn: Charles Longland // European context for English Republicanism / edit. by Gaby Mahlberg, Dirk Wiemann. Ashgate, 2013. P. 165.

³⁸⁶ Idem. Ambasciatori russi... P. 59.

«гость Карлус», как он назван в статейном списке, оказывал посланникам полезные услуги. Первой из них стало предоставление им проживания в его собственных апартаментах и питания за собственный счет³⁸⁷. Впоследствии по совету англичанина посланники наняли на службу австрийского военного Иоганна Сакса, который стал толмачом итальянского языка³⁸⁸. Лонгленд выполнял роль и политического осведомителя русских посланников: он сообщил им о жестоком поражении шведов от польских войск «под Королевцом» (Кенигсбергом, совр. Калининград), заключении Виленского перемирия (24 октября 1656 г.) между Россией и Речью Посполитой, а также о скором возобновлении боевых действий между Францией и Испанией³⁸⁹. Наконец, уже перед отъездом из Ливорно в конце декабря 1656 г. Чемоданов и Посников оставили Лонгленду бочки с ревенем с просьбой организовать его сбыт. Продать его своими силами за четыре недели пребывания в городе не удалось, хотя они и приводили местных купцов и показывали им только тот ремень, который не пострадал во время шторма. Купцы, по словам русских посланников, «говорили, ремень *де тот худ*, а которой *де* привозят к нам ис турок и лутче того ремень по вся годы караблями, и того *де* старого и нового привозу ременю залежало и у самих много, потому что за войнами и за моровым поветреем ни в которые г[o]с[y]д[а]рства *отходу* ему *нет*, весь у нас *залег*, мы *де* и сами рады *продат[ь]* по полтине фунт, да никто *де* у нас не *купит*»³⁹⁰. Т. е. косвенной причиной неудачи с продажей ревеня стал избыток аналогичного товара, привезенного в итальянские государства из Турции. Неудивительно, что даже такому опытному торговцу, как Карл Лонгленд, также не удалось справиться с этой задачей, о чем он

³⁸⁷ ПДС. Т. X. Стб. 955–957, 971. Бумаги Флорентинского архива. С. 15.

³⁸⁸ Там же. С. 7; ПДС. Т. X. Стб. 966. Как уже указывалось, в составе посольской свиты переводчика итальянского языка не было: Тимофей Топоровский знал латынь и польский, а Лазарь Циммерманов – немецкий.

³⁸⁹ ПДС. Т. X, Стб. 968. В последнем случае речь о франко-испанской войне 1635–1659 гг., закончившейся Пиренейским миром и победой Франции.

³⁹⁰ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 138. Текст документа приведен в Приложении 7.

впоследствии сообщил Чемоданову и Посникову. В конечном счете посланники велели обменять его на драгоценные ткани: тафты и камки³⁹¹.

В своих торговых операциях Чемоданов и Посников взаимодействовали не только с европейскими, но и с восточными купцами. Потенциальным покупателем соболиных шкурок стал представитель армянской торговой общины Ливорно Пьетро Авак, однако он не смог договориться с посланниками о сделке. Послы обосновывали свою неудачу с продажей соболей тем, что никто не предлагал достойной цены³⁹². Итальянские источники говорят о нелогичном поведении русских послов, которые изначально установили слишком высокую цену, а потом просто не позволили армянскому торговцу осмотреть меха перед их покупкой³⁹³. Также они завели знакомство с еврейским торговцем Моисеем Франко, у которого планировали купить ювелирные украшения и, вероятно, другие предметы роскоши. Покупка также шла тяжело: по донесениям губернатора Серристоры, послы долго не могли сойтись в цене с торговцем, так как предлагали едва ли не половину от их стоимости³⁹⁴. Сумев, наконец, сторговаться, послы взяли украшения и объявили Франко, чтобы он зашел к ним за деньгами позднее (вероятно, надеясь к тому моменту продать ремень или соболей). Когда же торговец пришел за положенной платой, послы решили вернуть ему украшения за неимением денег. Отказ Франко принять их обратно спровоцировал скандал, в ходе которого послы даже хотели выбросить украшения в окно. В итоге Чемоданов и Посников предложили за них часть ремня, причем вновь оценили его гораздо дороже реальной цены³⁹⁵. Недостаток денежных средств вынуждал русских посланников прибегать к бартеру и расплачиваться натуральными товарами. Описание же торговых ухищрений «москвитов» напоминает соответствующие места из

³⁹¹ Там же. Л. 139–140.

³⁹² Там же. Л. 132. Текст документа приведен в Приложении 6.

³⁹³ Бумаги Флорентинского архива. С. 4, 27–28.

³⁹⁴ Там же. С. 5, 8.

³⁹⁵ Там же. С. 28.

Герберштейна, который, подобно авторам итальянских *avvisi*, критически описывал их манеру завышать цены на свои товары и занижать – на чужие³⁹⁶.

Пребывание в Ливорно изначально не планировалось долгим. Предполагалось, что посланники отправятся в Венецию из Ливорно по морю, однако разгул пиратов сделал это практически невыполнимой задачей. Альтернативным вариантом стал сухопутный маршрут через Флоренцию и земли Папского государства. Но и в этом случае проезд был под угрозой из-за морового поветрия и карантинных застав в этих землях. Для их преодоления требовались паспорта, в процесс оформления которых был вовлечен венецианец Джузеппе (Иосиф) Арmano³⁹⁷. В статейном списке он упоминается как «виницейской гость»³⁹⁸ или «виницейской торговый человек»³⁹⁹, но без имени. Арmano был неофициальным уполномоченным Республики по торговым делам в Ливорно, а его компания также участвовала в архангельской экспортной торговле⁴⁰⁰. Благодаря этому он одним из первых получил известие от своих компаньонов о скором прибытии царских посланников и сообщил об этом венецианскому резиденту во Флоренции Таддео Вико⁴⁰¹. В дальнейшем он будет предоставлять ему различную информацию о посольстве⁴⁰². Арmano был посредником между Республикой,

³⁹⁶ «Торгуют они с великим лукавством и коварно, не скупясь на слова, как о том писали некоторые. Мало того, желая купить вещь, они оценивают ее [с целью обмануть продавца] менее чем в половину ее стоимости и держат купцов [в колебании и нерешительности не только] по одному или по два месяца, но обыкновенно доводят некоторых до крайней степени отчаяния... Иностранцам любую вещь они продают дороже и за то, что при других обстоятельствах можно купить за дукат, запрашивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов» (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 277, 279).

³⁹⁷ О нем см. подробно: *Mazzei R.* Un mercante al servizio della Serenissima Repubblica. Il «console» veneto Giuseppe Armano nella Livorno del Seicento // *Rivista Storica Italiana*. 2016. Vol. 128. № 3. P. 849–890.

³⁹⁸ ПДС. Т. X. Стб. 965.

³⁹⁹ Там же. Стб. 968, 970.

⁴⁰⁰ *Mazzei R.* Op. cit. P. 864.

⁴⁰¹ «[...] aggiungo avere oggi auto avisi di Moscovia in lettere del 17 settembre che in quel porto di Arcangelo vi erano tre navi di partenza per qua [...]. S'imbarcarono due ambasciatori di quell'Imperatore moscovita con grandissimo seguito e comitiva. Se non sono destinati per Venetia non saprei per dove, e possono essere qua per la fine del corrente» (Цит. по: *Di Salvo M.* La missione di I. Cernodanov... P. 101).

⁴⁰² *Villani S.* Ambasciatori russi... P. 39.

резидентом и посланниками, сообщая последним, как продвигается вопрос с выдачей проезжих паспортов⁴⁰³. Правительство Республики хлопотало об этом через папского нунция в Венеции, а тот, в свою очередь, писал в Болонью легату Ломеллини, который в конце декабря выдал разрешения для Чемоданова и членов посольской свиты⁴⁰⁴.

На пути из Ливорно во Флоренцию посланники остановились в Пизе. У въезда в город их встретил «Пизы города гость Ждан Францискус Семенделий». Очевидно, речь идет о Джован Франческо Санминиателли, который входил в число торговых компаньонов Лонгленда по икряному откупу, а в статейном списке прямо обозначен как «товарыщ его Карлусов»⁴⁰⁵. Встретив послов, Санминиателли нанял для Чемоданова и членам его свиты кареты и предоставил им ночлег в своем доме⁴⁰⁶. Между итальянцем и Чемодановым состоялся и небольшой разговор на животрепещущую «турецкую тему». Санминиателли спросил его, случалось ли русским вступать в морские сражения с турками. Чемоданов ответил, что иногда это случается во время походов донских казаков, которые «многую им [туркам] шкоду чинят». Любопытен ответ пизанского торговца: «слышали мы де про то, велми радуемся и впредь желаем, чтобы великому государю вашему [...] подал Бог на них, мусулманов, победу и одоление, а у нас де с ними совету нет же»⁴⁰⁷. Данный разговор подтверждает, что тема казацкого похода на турок и в целом участия России в антиосманской коалиции интересовала не только Светлейшую республику, но и представителей других итальянских государств⁴⁰⁸.

⁴⁰³ ПДС. Т. X. Стб. 969–970.

⁴⁰⁴ Там же. Стб. 981; *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова... С. 6.

⁴⁰⁵ ПДС. Т. X. Стб. 972.

⁴⁰⁶ Там же. Стб. 973.

⁴⁰⁷ Там же. Стб. 975.

⁴⁰⁸ *Алпатов М.А.* Указ. соч. С. 351. К слову, губернатор Серристоры во время первой встречи с посланниками на корабле также расспросил их об отношениях русского царя с османским султаном (ПДС. Т. X. Стб. 952).

§2. Пребывание во Флоренции. Дипломатические контакты с великим герцогом Фердинандо II

25 декабря 1656 г. Чемоданов и Посников прибыли в столицу Великого герцогства Тосканского. Неподалеку от Флоренции их встретил маркиз Пьетро Корсини («граф Петр Курсине» статейного списка), который был назначен их сопровождающим, или «приставом»⁴⁰⁹. У ворот самого города делегацию встретил Леопольдо Медичи (1617–1675), младший брат герцога Фердинандо II. Он был его советником по экономическим вопросам и внешней политике, и именно ему направлял свои донесения о русских послых ливорнский губернатор Серристорри⁴¹⁰. Наконец, у Палаццо Питти, резиденции правителей Флоренции, Чемоданова и Посникова встретили остальные члены правящей семьи Медичи во главе с великим герцогом. Как и полагается, встреча была торжественной, но также содержала элементы комического увеселения. Когда посланников ввели во дворец, перед ними появился придворный шут, карлик Габриэлло Мартинез (Gabriello Martinez). Это стало многообещающим началом насыщенной развлекательной программы, которую герцог подготовил для своих дорогих гостей⁴¹¹. О ней пойдет речь в соответствующей главе работы.

Герцог Фердинандо подошел к приему посланников с максимально возможным вниманием. Еще в Ливорно от его имени им было предложено традиционное в итальянской дипломатии *rinfrasco* (итал. «прохладительное»), набор сладостей, вина и фруктов⁴¹². В своем дворце он ответил Чемоданову и Посникову собственные покои, что немало их восхитило. Они посвятили их описанию отдельный пассаж в «Росписи дороге»: «...обиты в полатах и в проходных сеня стены все камки червчатыми, а

⁴⁰⁹ ПДС. Т. X. Стб. 975–976.

⁴¹⁰ Там же. Стб. 977; Villani S. Una finestra mediterranea... P. 168; Mirto A. MEDICI, Leopoldo de' [Электронный ресурс] // Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/leopoldo-de-medici_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/leopoldo-de-medici_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 02.03.2023).

⁴¹¹ Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 65.

⁴¹² Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 6.

поверх камок обиты коврами индейскими золотными, ткаными с серебром по шелку разных цветов изрядным дорогим мастерством, а на них в лицах “Бытия” и “Исход” [...] А полаты и сени в житье, в вышину, сажени по четыре, а стены в полатах в длину и по перег сажен по пяти и по четыре, а сени проходные великие, сажен по десяти и болши; а у дверей у всех завесы участковые и бархатные урядные»⁴¹³. Особое внимание посланников привлекло изобилие дорогих тканей и гобеленов, на которых были вышиты узнаваемые библейские сцены. Наверняка они должны были сформировать у них образ герцога как религиозного человека и отвечать их собственному религиозному самосознанию.

Визит посольства в Тосканское герцогство не носил официального характера⁴¹⁴, однако между Чемодановым и Фердинандо было проведено несколько встреч. Первая аудиенция состоялась на следующий день после приезда, 26 декабря. Великий герцог выразил большую радость от приезда царских посланников и пожелал, чтобы его подданным «был проезд к карабельной пристани к Архангельскому городу и к иным городам»⁴¹⁵. Выше упоминалось, что незадолго до посольства Чемоданова группа голландских и тосканских торговцев во главе с Карлом Лонглендом сумела приобрести у служившего в России Джона Гебдона икряной откуп на пять лет. Торговый вопрос стал основным в дипломатическом диалоге между герцогом и посланниками. 30 декабря Фердинандо сам нанес визит Чемоданову и Посникову и спросил о возможности закупки «икряных товаров» у Архангельска⁴¹⁶. Очевидно, речь шла о продлении уже имевшегося откупа на новый пятилетний срок, о чем герцог также позднее написал в небольшой

⁴¹³ ПДС. Т. X. Стб. 1159.

⁴¹⁴ В наказе было велено через переводчика уведомить герцога о целях посольства, показать проезжую грамоту и подарить «подарочок, что доведетца» (РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1. (1656–1658). Л. 46).

⁴¹⁵ ПДС. Т. X. Стб. 985.

⁴¹⁶ Там же. Стб. 993.

грамоте на имя Алексея Михайловича, датируемой 15 января 1657 г.⁴¹⁷ Посланники, не имея полномочий решать такие вопросы, смогли лишь уклончиво ответить, что доложат царю о его просьбе и намерении поддерживать добрые отношения⁴¹⁸.

Между сторонами состоялся и обмен дарами, который также носил полуофициальный характер и происходил в довольно камерной обстановке. Чемоданов и Посников изначально не планировали делать подарки герцогу и членам его семьи, но в итоге рассудили, что достойный прием с их стороны заслуживает ответной «платы» и преподнесли им дорогие меха: Фердинанду – сорок соболей ценой в семьдесят рублей, его супруге Виктории делла Ровере – пять пар соболей общей ценой в шестьдесят семь с половиной рублей и шкурку черной лисицы, а его сыну Козимо и брату Леопольдо – по меху горноста, каждый по двадцать рублей; кроме того, они преподнесли меха графу Корсини, который был их сопровождающим⁴¹⁹. В свою очередь герцог преподнес им дары, которые должны были символизировать достижения и богатства Тосканского герцогства. Центральное место среди них занимали драгоценные ткани: и стольнику, и дьяку преподнесли по четыре портища парчи и атласа. Также им вручили шкатулки с благовониями, произведенными в лаборатории при дворе, по два ружья и несколько стеклянных кубков местного производства⁴²⁰. Во всех этих дарах великий герцог постарался учесть вкусы и предпочтения своих дорогих гостей («*A tutte le quali cose Sua Altezza haveva procurato di penetrare il loro gusto*») – и судя по всему, те действительно остались ими довольны⁴²¹. Это также говорит о заблаговременном и успешном сборе информации о вкусах и

⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6 (1656 г.). Л. 1–2 (перевод XVII в.). Латинский текст и перевод на современный русский опубликованы М.Д. Бутурлиным: Бумаги Флорентинского архива. С. 37, 202.

⁴¹⁸ ПДС. Т. X. Стб. 993.

⁴¹⁹ Там же. Стб. 989; Бумаги Флорентинского архива. С. 30. Меха горноста принадлежали Чемоданову, т.к. в статейном списке написано «Иван Иванович Чемоданов послал в подарках брату ево да сыну два меха гарнастайных *своих* (курсив мой – *Т.Ш.*)».

⁴²⁰ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 198–199; Бумаги Флорентинского архива. С. 30.

⁴²¹ Там же.

предпочтениях русских посланников, которую, очевидно, великий герцог получал из Ливорно через должностных лиц или местных торговцев.

Интересной особенностью пребывания посольства во дворце семьи Медичи было их общение с сыном Фердинандо, будущим великим герцогом Козимо III (1670–1723), которому тогда было четырнадцать лет. Юный наследник неоднократно навещал Чемоданова и Посникова и беседовал с ними, расспрашивал их об их морском путешествии и об устройстве военного дела в России. Посланникам явно пришлось по душе такое внимание, так что они подробно рассказали о родах русских войск и их вооружении⁴²². Во время торжественного герцогского обеда Козимо провожал Чемоданова и Посникова за стол, а во время их отъезда – до городских ворот Сан-Галло, вместе со своим дядей Леопольдо⁴²³. Не исключено, что общение с посланниками породило или укрепило интерес Козимо к России, который он проявлял и во взрослом возрасте. Известно, что одно из известных произведений европейской «россики», *De Rebus Moschoviticis* Якоба Рейтенфельса, было написано и в 1680 г. напечатано с посвящением самому Козимо⁴²⁴.

Помимо членов герцогской семьи Чемоданов и Посников встречались и с другими лицами, которые проявляли интерес к посольству «москвитов». В частности, 26 декабря они дали продолжительную аудиенцию члену семьи Бандинелли (Bandinelli) и Роберто Джиральди (Roberto Giraldi). Этим господ объединяло то, что они долгое время жили в Польше, поэтому они сначала пытались общаться с главой русского посольства на польском языке. Чемоданов, как сказано в итальянских источниках, хорошо знал его, однако «для большего величия» («per maggior grandezza») предпочел вести разговор с гостями через переводчика⁴²⁵. В тот же день им нанес визит уже упоминавшийся венецианский резидент Таддео Вико. Он сообщил им, что

⁴²² ПДС. Т. X. Стб. 982–983, 986–988.

⁴²³ Там же. Стб. 990; Бумаги Флорентинского архива. С. 30.

⁴²⁴ Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 66–67.

⁴²⁵ Villani S. Una finestra mediterranea... P. 169.

папа римский откроет для них карантинные заставы и позволит проехать через его земли в Венецию; также он уведомил посланников, что не сможет принять их у себя за счет средств Республики, т. к. дож не давал ему такого указа. Чемоданов и Посников еще в Ливорно неоднократно высказывали претензии, что «виницейский князь» не взял их на свое полное содержание, как это заведено в России; во Флоренции Чемоданов также требовал у Вико покрыть его денежные издержки за время пребывания в итальянских землях⁴²⁶.

Недельное пребывание посольства во Флоренции оставило у них самое приятное впечатление. Великий герцог Фердинандо сделал все возможное, чтобы обратить неожиданный приезд посланников царя Алексея Михайловича себе на пользу. Чемоданов и Посников были восхищены вниманием со стороны семьи Медичи, богатыми дарами и насыщенной программой досуга (о ней см. Главу 6). Фердинандо стремился не только оказать посланникам традиционные дипломатические почести, но и принять их как гостей своего семейства, чтобы они чувствовали себя, как дома. Предоставление герцогских покоев для проживания, обеды в присутствии членов семьи, интерес к ним со стороны юного Козимо – все это могло настроить посланников на особый, «интимный» лад и вызывать положительные ассоциации с обычаями русского гостеприимства. Немалую роль сыграло и то, что во многих мероприятиях, связанных с приемом посольства, герцог участвовал лично: он встречал их у дверей дворца, сидел с ними за одним столом во время обеда и навещал их в отведенных им покоях. Характерно и отсутствие в статейном списке посольства сообщений о каких-либо церемониальных или других конфликтах, в которых русские посланники усматривали умаление государевой чести. Поэтому 1 января, когда герцог вышел проводить Чемоданова и Посникова в их дальнейший путь, те пообещали известить царя о его дружбе и любви⁴²⁷. Последней

⁴²⁶ Бумаги Флорентинского архива. С. 7, 12, 30.

⁴²⁷ ПДС. Т. X. Стб. 995.

любезностью со стороны Фердинандо стало предоставление Чемоданову и Посникову леттиг – особых носилок, в которые впрягались ослы; они были особенно удобны при путешествии через Апеннинские горы⁴²⁸.

§3. Путь посольства через земли Папского государства

2 января 1657 г. Чемоданов и Посников въехали во владения главы католического мира, коим на тот момент был Александр VII (1655–1667). Преодолев карантинные заставы на границе, Чемоданов и Посников поехали в Болонью. Папским наместником в этом городе был кардинал Ломеллини, который послал навстречу посольству небольшой конный отряд из двенадцати человек «для береженья»⁴²⁹. Ломеллини решил не устраивать особо теплый прием русскому посольству и «считал вполне достаточным почтить в их лице один лишь принцип суверенной власти, устраняя свою личность, и не баловать случайных проезжих, хотя бы и представителей своего государя, излишним вниманием и почетом»⁴³⁰. Он не предложил посланникам ночлег в заранее подготовленном помещении или тем более в собственном дворце, как это сделал герцог Фердинандо во Флоренции: Чемоданов и Посников «стояли на гостинном дворе»⁴³¹. *Rinfresco* было им послано, но без указания, от кого именно: Ломеллини еще за несколько недель до приезда посольства посчитал, что не стоит делать это от его имени⁴³². Чемоданов, однако, догадался, от кого оно было прислано, и захотел лично выразить кардиналу благодарность. Последний от личной встречи отказался и уточнил, что удобства посланников лежат на плечах владельца гостиницы⁴³³. Такое подчеркнуто отстраненное отношение со

⁴²⁸ Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 5.

⁴²⁹ ПДС. Т. X. Стб. 997.

⁴³⁰ Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 7.

⁴³¹ ПДС. Т. X. Стб. 998.

⁴³² «Nel passaggio che faranno per questo Legatione farò che habbiano quell'accoglimento, senza però trattar con essi, che la loro conditione permetterà e che conoscerò convenirsi, regalandoli di rinfreschi, non però a mio nome» (Цит. по: Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 20, прим. 27).

⁴³³ Там же. С. 8.

стороны папского представителя могло удивить Чемоданова и Посникова, т. к. еще во Флоренции венецианский резидент Таддео Вико заявлял, что «Папа ж де велел вам для царского величества в своих городех учинить честь великую»⁴³⁴. На следующий же день после приезда, 5 января они покинули город на четырех нанятых ими барках и направились к Ферраре водным путем, куда прибыли к концу дня 6 января. Папский наместник Феррары кардинал Санта-Сусанна послал к ним небольшой отряд, дабы проводить в гостиницу, но посланники решили остаться ночевать на барках⁴³⁵. На другой день к ним со свитой прибыл губернатор города генерал Инноченцио Конти («Иноцельцыус Канта» статейного списка). Профессиональный военный, он был участником Тридцатилетней войны (в частности, руководил обороной Праги во время ее осады шведскими войсками в 1648 г.), а с 1652 г. находился на службе у папы римского⁴³⁶. Он занимал высокое положение в воинской иерархии Папского государства, о чем посланникам сообщил толмач Иоганн Сакс: «...а тот де генерал во Италии папиных городов над всеми генералами генерал»⁴³⁷. Конти предоставил им несколько карет, чтобы добраться до городской пристани, где их уже ожидали венецианцы⁴³⁸.

Несмотря на такой достаточно прохладный прием со стороны папских представителей Болоньи и Феррары, в самом Риме проезд русского посольства восприняли не так равнодушно, о чем говорят регулярно сообщаемые сведения о нем со стороны флорентийского нунция Пиньятелли⁴³⁹. Но наиболее дальновидно на ситуацию смотрел кардинал Джулио Роспильози, государственный секретарь Папского государства, а в будущем – папа римский Климент IX (1667–1669). Он увидел в русском посольстве возможность наладить угасшие было в конце XVI в. связи между

⁴³⁴ Там же; ПДС. Т. X. Стб. 981.

⁴³⁵ Там же. Стб. 998–999.

⁴³⁶ *Zedler J. H. Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste. Band 6. Leipzig, 1733. Sp. 1123f.*

⁴³⁷ ПДС. Т. X. Стб. 1001.

⁴³⁸ Там же. Стб. 1002.

⁴³⁹ *Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 3–4.*

Римом и Москвой и повлиять на политический расклад в Восточной Европе, где нависла угроза над Речью Посполитой, «католическим щитом на Востоке». Кардинал пристально следил за событиями русско-польской войны и переговорами в Вильно летом-осенью 1656 г.⁴⁴⁰ В условиях, когда царь Алексей Михайлович претендовал не только на территории Польско-Литовского государства, но и на трон польского короля⁴⁴¹, Роспильози считал нецелесообразным оказывать его посланникам неподобающий прием. Впоследствии кардинал будет писать об этом в Венецию тамошнему нунцию Карафе, на которого он возложит задачу выяснить настроения Чемоданова и Посникова и по возможности склонить их к посещению Рима (см. ниже).

⁴⁴⁰ Там же. С. 10–13.

⁴⁴¹ О ходе переговоров под Вильно и заключении одноименного перемирия см. подробнее: *Иванов Д.И.* Восточная Европа во внешней политике России середины XVII века: Русско-польские переговоры 1656 года: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 92–151.

Глава 5. «Венецианский» этап посольства Ивана Чемоданова

§1. Прибытие посольства в Венецию

Венецианская делегация, которая была отправлена дожем Бертуччо Вальером (1656–1658), встретила русское посольство 7 января недалеко от Феррары, у «села Лякус-обскур» (совр. Понтелагоскуро). Возглавлял ее, что неудивительно, Альберто Вими́на – человек, непосредственно знакомый с Россией⁴⁴². Из первого разговора с венецианцем Чемоданов узнал, что дож Франческо Молин, на имя которого была написана царская грамота, скончался, а нынешний дож уже третий после него⁴⁴³. Вими́на напомнил о своей дипломатической миссии и отметил, что князь и «честные владельцы» воздадут русским посланникам честь «таковую ж, как и мне была»⁴⁴⁴. Эти речи могли прозвучать несколько тревожно для посланников. Судя по всему, Чемоданов знал, с какими трудностями пришлось столкнуться венецианскому дипломату во время исполнения своей службы: долгие разъезды по городам и в особенности отсутствие прямого контакта с правителем. Для русских дипломатов последнее было недопустимо, поэтому они поспешили оправдаться за не самый подобающий прием вследствие царского военного похода и недостатка «корма». Вими́на, как настоящий дипломат, учтиво ответил: «государской де милости было до меня много»⁴⁴⁵. Как и во время первой встречи с губернатором Ливорно, русскими и венецианцами было поднято четыре тоста: за здоровье царя, дожа, посланников и «владельцев»⁴⁴⁶.

8 января посланники отправились на барках в сторону Венеции: их путь лежал по реке По, а затем по морской губе вдоль побережья. За время

⁴⁴² ПДС. Т. X. Стб. 1002.

⁴⁴³ Более того, Франческо Молин скончался в феврале 1655 года, т. е. еще до того, как сам Вими́на успел достигнуть пределов России и подать грамоту русскому царю. Символично, что обе грамоты – и венецианская, и русская – оказались «объединены» именем уже скончавшегося дожа.

⁴⁴⁴ ПДС. Т. X. Стб. 1003.

⁴⁴⁵ Там же. Стб. 1004.

⁴⁴⁶ Там же. Стб. 1005.

пути между Чемодановым и Виминой завязывались разговоры. Русский посол расспрашивал своего венецианского проводника, когда была основана Венеция, о ее «первых людях», с которыми ему предстоит вести дела, о присутствии в городе послов других государств, о греческой церкви Венеции и военных кораблях. Зашел разговор и на «турецкую тему»: для послов было удивлением узнать, что венецианцы торгуют с турками даже во время войны. Вимина объяснил такую возможность манипуляцией с корабельными флагами: «приходят де по знаменам, ставят де знамена аглинские и галанские и иных земель, с которыми в миру; а как они подъедут под город, и они знамена выставляють на караблях турецкие белые»⁴⁴⁷. Неизвестно, что здесь удивило русских больше: ловкость венецианцев или сам факт, что война не является препятствием для коммерции. Описанная Виминой ситуация ярко иллюстрировала характерную для Венеции амбивалентность отношения к Османской империи: последняя была и ключевым торговым партнером, и потенциальной угрозой для заморских владений⁴⁴⁸. Однако не могли ли послы страны, которую Венеция желала втянуть в войну с турками, воспринять это как противоречие? Вимина, в свою очередь, расспросил Чемоданова об их пути через Тоскану и Папскую область. Посланник особо отметил благожелательное отношение к нему и его людям великого герцога Фердинандо II, а Вимина поднял тост за его здоровье⁴⁴⁹. Вопрос венецианского пристава был задан не только из вежливости: Республика пристально следила за пребыванием посольства в землях Тосканского герцогства. Главным осведомителем был ее представитель во Флоренции Таддео Вико, который также получал информацию от Джузеппе Арmano из Ливорно. Радужный прием, оказанный посольству великим герцогом, вызывал у Вико некоторое беспокойство. Он писал, что случайное

⁴⁴⁷ Там же. Стб. 1008–1009.

⁴⁴⁸ *Muir E. The Anthropology of Venice // A companion to Venetian History...* P. 498. Более подробно о противоречивых взаимоотношениях Венеции и Османской империи см. *Preto P. Venezia e i Turchi. Roma, 2013.*

⁴⁴⁹ ПДС. Т. X. Стб. 1008.

преимущество, которое тосканцы получили из-за изменения маршрута следования посольства (напомним, изначальный план – сделать остановку в Ливорно, а потом найти корабль до Венеции – был изменен из-за разгула пиратов), может позволить им извлечь максимальную коммерческую выгоду. Сенат, в свою очередь, требовал от него и Арmano обращать внимание на слухи о возможном торговом соглашении между посланниками и герцогом⁴⁵⁰. Как уже указывалось выше, такая тема действительно поднималась в разговоре Фердинандо II с Чемодановым и Посниковым, которые, однако, не имели полномочий заключать подобные соглашения.

На пути до Венеции посланникам также оказывали «честь великую». В городе Кьодже («Чоза» статейного списка) в их честь стреляли из ружей и пушек и били в колокола. На острове Пеллестрина («село Палестерина») помимо пушечных залпов и колокольного звона местные жители встречали посольскую свиту, сняв шляпы и крича «viva!»⁴⁵¹. Хотя Чемоданов и Посников демонстрировали внешнее удивление такому приему, они однозначно понимали смысл этих действий и принимали их как само собой разумеющееся. 11 января на острове Лидо посланников встретила уже более представительная делегация из сорока венецианских нобилей во главе с *il savio del Consiglio* Анджело Коррером («Анзело Караро») ⁴⁵². Перед приездом русских дипломатов Вими́на подсказал сенаторам, что из двух формальных глав посольства именно Чемоданов является тем, кого итальянцы обычно называли *ambasciatore*⁴⁵³. Поэтому у границ города

⁴⁵⁰ Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov... P. 100.

⁴⁵¹ ПДС. Т. X. Стб. 1011, 1015

⁴⁵² Там же. Стб. 1016. *Il savio del Consiglio* – одна из высших выборных магистратур Венецианской республики. *Savi* избирались из членов Сената (итал. *Consiglio dei Pregadi*), их число было ограничено шестью, а длительность отправления должности составляла шесть месяцев. *Savi* формировали повестку ежедневных заседаний венецианского правительства – Полной коллегии (итал. *Pien Collegio*) и участвовали в принятии его решений, а также присутствовали на заседаниях Совета Десяти (итал. *Consiglio dei Dieci*) и приемах иностранных послов.

⁴⁵³ *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 253. В то же время в Тосканском герцогстве и Папской области посланниками считали как Чемоданова, так и Посникова. Папский легат в Болонье кардинал Ломеллини так писал о них в одном из своих донесений: «*Il primo di*

посольство встретила делегация во главе не с двумя, а с одним *savio* – но им стал один из наиболее знатных и опытных дипломатов Республики⁴⁵⁴. Кроме того, в статейном списке приведены слова Вимины, что дож и сенаторы окажут им честь как *послам*, хотя по статусу они были *посланниками*⁴⁵⁵. Вполне возможно, что здесь имела место своеобразная интерпретация Чемодановым и Посниковым итальянского термина *ambasciatore*, который обозначал дипломатов первого ранга⁴⁵⁶. Определенную роль в этом мог сыграть и толмач посольства Иоганн Сакс, который перевел этот термин так, что представители царя расценили его как дополнительную «честь».

§2. Ход и особенности переговорного процесса

Переговоры проходили в несколько раундов, первый из которых был 22 января. Столь долгий промежуток между прибытием посольства и первой аудиенцией был связан с болезнью дожа Бертуччо Вальера – у него обострилась подагра⁴⁵⁷. Русские посланники наотрез отказались подавать царскую грамоту членам Сената, как предлагал им Вимины: посольский обычай и в целом русское представление о власти диктовали необходимость прямого контакта царя с правителем Венецианского государства «через посланника»⁴⁵⁸. Лишь когда дожу стало лучше, к Палаццо Гримани ди Сан-Лукка, где были размещены члены посольства, прибыли Вимины, Коррер и другие приставы вместе с делегацией сенаторов (итал. *pregadi*)⁴⁵⁹. Последние традиционно сопровождали иностранных послов на первую аудиенцию с

questi ambasciatori è personaggio di gran qualità, et è governatore perpetuo di Preslavia. *Il secondo* è segretario di Stato del gran duca di Moscovia» (Цит. по: Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 21). В списке членов посольства, который губернатор Серристоры послал герцогу Фердинандо II, Иван Чемоданов назван *Signor Ambasciatore Primo*, т. е. «господин посол первый первый», а Алексей Посников – *Signor Ambasciatore secondo* – «господин посол второй» (Бумаги Флорентинского архива. С. 6).

⁴⁵⁴ *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 253.

⁴⁵⁵ ПДС, Т. X. Стб. 1033.

⁴⁵⁶ *Jennings J.* Op. cit. P. 97.

⁴⁵⁷ ПДС, Т. X. Стб. 1022; *Longworth P.* Op. cit. P. 390.

⁴⁵⁸ ПДС, Т. X. Стб. 1022–1025.

⁴⁵⁹ Там же. Стб. 1035–1037.

венцианским дожем, что служило маркером дипломатического почета со стороны Республики⁴⁶⁰. На первой аудиенции стороны обменялись приветствиями и объявили о благосклонном стремлении поддерживать добрые отношения друг с другом, в частности торговые: «подданным вашим торговым людям, своего царского величества Российского государства к карабельной пристани, к Архангельскому городу на ярманку, со всякими товары, приходить поволил и торговать поволною торговлею...»⁴⁶¹. Чемоданов и Посников также преподнесли Вальеру грамоту и дары от имени Алексея Михайловича. Это были различные меха: лисицы, соболя и горносталя на общую сумму в триста восемьдесят пять рублей⁴⁶². Эти дары, как уже неоднократно указывалось, утверждали образ России как страны, владеющей северными богатствами.

В течение двух последующих аудиенций, 26 и 30 января, Чемоданов и Посников рассказывали дожу и сенаторам о причинах военных конфликтов Алексея Михайловича с польско-литовским и шведским королями: Яном II Казимиром и Карлом X Густавом⁴⁶³. Напомним, что в царском наказе противостоянию России с Речью Посполитой и Швецией было отведено около трети общего объема текста, что ярко иллюстрирует важность данного вопроса для российской стороны. Русские посланники особо подчеркивали небрежение царскими титулами со стороны польского и шведского правителей. Подробное изложение причин должно было представить оба конфликта как «справедливые» несмотря на то, что в обоих случаях войну объявлял именно русский самодержец: Ян Казимир и Карл Густав нарушили «вечное dokonчанье» и хулили царское имя, и это «не токмо великим

⁴⁶⁰ *Mesotten L.* Taste of Diplomacy: Food Gifts for the Muscovite Embassy in Venice (1582) // *Legatio: The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies*. Vol. 1 (2017). P. 140.

⁴⁶¹ ПДС. Т. X. Стб. 1041–1043.

⁴⁶² Там же. Стб. 1044.

⁴⁶³ Там же. Стб. 1048–1051, 1061–1064

Государем крестьянским, помазанником Божиим, и простому человеку слышать и терпеть не возможно»⁴⁶⁴.

Венецианцев, конечно, больше заботили не эти войны из-за титулатур, а помощь России в ее собственной войне с Турцией. Посланники дали очень уклончивый ответ, что когда-нибудь царь обязательно примет участие в освобождении христиан из-под мусульманского ига. Это станет возможным после того, как Алексей Михайлович «за помощью Божиею с неприятелем своим управитца»; тем не менее, царь «всегда о том тщание имеет, чтоб православное христианство из бусурманских рук высвободилось», поэтому готов в будущем учинить «ссылку и договор» с Венецианской республикой⁴⁶⁵. В связи с текущей ситуацией войны со Швецией Чемоданов и Посников испросили у дожа и сенаторов «на вспоможение ратным людем в займы казны, золотых и ефимков сколько мочно», которые должен был привезти в Россию новый посланник венецианского «князя»⁴⁶⁶. Тяготы войны с Османской империей стали мотивом отказа в займе, о чем венецианцы сообщили посланникам на очередной аудиенции 6 февраля⁴⁶⁷. Последующие две встречи 10 и 16 февраля не добавили ничего нового к сложившейся позиции: обе стороны поняли, что ожидаемой помощи не получит ни одна из них. 23 февраля состоялась финальная аудиенция, на которой дож Вальер вручил Чемоданову и Посникову свою грамоту⁴⁶⁸. В ней он благодарил Алексея Михайловича за стремление к освобождению христиан от притеснений, по-прежнему призывал двинуть донских казаков на турок и заверил его в собственной решимости вести войну до победного конца⁴⁶⁹. Незадолго до этого Чемоданову, Посникову, переводчику Топоровскому и подьячему Байбакову были вручены традиционные

⁴⁶⁴ Там же. Стб. 1049.

⁴⁶⁵ Там же. Стб. 1052.

⁴⁶⁶ Там же. Стб. 1064.

⁴⁶⁷ Там же. Стб. 1071–1072.

⁴⁶⁸ Там же. Стб. 1085–1088.

⁴⁶⁹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 169–173. Грамота, однако, датирована 24 февраля 1657 г., что не совпадает с датой финальной аудиенции.

дипломатические дары – золотые цепи, которые различались по весу и стоимости в зависимости от ранга членов посольства⁴⁷⁰. Согласно венецианской традиции, они были присланы им на дом⁴⁷¹.

Ключевую роль в дипломатическом диалоге русских посланников с венецианским дожем и сенаторами играли несколько посредников. Прежде всего, это Альберто Вимина, который «курировал» посольство в течение всего срока их пребывания в границах Светлейшей республики. Он сообщал посланникам дни аудиенций, регулярно докладывал посланниками о новостях и проблемах, а также пытался прояснить некоторые вопросы, связанные с церемониалом. В частности, когда дож Вальер еще был болен, Вимина попытался узнать у Чемоданова и Посникова, что и как именно они собираются говорить на первой аудиенции. Но русские посланники отказались вести разговор, сославшись на то, что до первого личного контакта с правителем говорить об этом нельзя⁴⁷².

Вимина действовал и как осведомитель венецианских властей, обладая, судя по всему, своими источниками информации о посланниках и их целях. Перед третьей аудиенцией 30 января он сказал Чемоданову и Посникову, что если они собираются просить у Республики денежный займ, то это станет «великим стыдом». Посланники возмутились и все отрицали, хотя очевидно, что осведомленность пристава привела их в замешательство: «от кого ты такую речь слышал, и кто тебе сказывал, что будет запрос о казне»⁴⁷³. Венецианец ответил, что это лишь его догадки, но это скорее была словесная уловка. Вполне вероятно, что он мог войти в контакт с тем же толмачом Иоганном Саксом, который по просьбе флорентийского торговца в Венеции

⁴⁷⁰ Там же. Л. 183. В 1582 году Яков Молвянинов и члены его свиты также получили такие дары, но остались ими недовольны, ожидая получить дорогие шелка и другие сокровища (*Mesotten L. Op. cit. P. 146*).

⁴⁷¹ *Альтхоф Г., Штольберг-Риллинген Б. Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Отв. ред. Г. Альтхоф и М.А. Бойцов. М., 2016. С. 22.*

⁴⁷² ПДС. Т. X. Стб. 1027–1028.

⁴⁷³ Там же. Стб. 1059.

Паоло дель Сера также сообщал некоторые сведения о посольстве и в столицу Тосканского герцогства⁴⁷⁴.

Наконец, через Вимино с Чемодановым и Посниковым контактировал папский нунций Карафа, который по поручению кардинала Роспильози должен был выяснить их настроения и уведомить о желании папы римского поддерживать с царем добрые отношения⁴⁷⁵. 28 февраля, за день до отъезда посольства из Венеции Вимино передал им слова нунция, что папа римский готов вновь открыть для них карантинные заставы и в Риме их ждет «честь великая»⁴⁷⁶. Слух о желании Чемоданова инкогнито посетить Вечный город Карафе передал ранее тот же Роспильози⁴⁷⁷, однако теперь это было своего рода официальное приглашение. Папа был готов оказать посланникам достойный прием и таким образом отблагодарить Алексея Михайловича за милостивое отношение к католикам завоеванных литовских городов и передачу двух протестантских церквей в Вильно католическому духовенству⁴⁷⁸. Слухи о посещении Рима Чемоданов опроверг еще раньше⁴⁷⁹, а теперь достаточно твердо отказался ехать через земли римского папы: «великого государя нашего... с нами указу нет, что в Рим к нему папе ехать, да и потому, что с великим государем нашим... у него Папы ссылки и совету не бывало, и без его государского повеления и указу нам его государевым посланников ехать невозможно, и то дело не сбыточное»⁴⁸⁰. Дело здесь могло быть не только в отсутствии царского распоряжения (к тосканскому герцогу посланники, например, отправились без наказа), но и в прохладном приеме со стороны должностных лиц во время пребывания посольства в землях

⁴⁷⁴ Одно из таких донесений опубликовано М.Д. Бутурлиным: *Бумаги Флорентинского архива*. С. 40–41.

⁴⁷⁵ *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова... С. 14–16.

⁴⁷⁶ ПДС. Т. X. Стб. 1090.

⁴⁷⁷ «Che da alcuno si è detto, che esso ambasciatore habbia avuto qualche pensiero di condursi qua incognito per curiosità di veder Roma, nel qual caso potrebbe esser molto certo che ritroverebbe tutti quei buoni trattamenti che richiede la sua qualità» (Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова... С. 24, прим. 56).

⁴⁷⁸ ПДС. Т. X. Стб. 1090; *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова... С. 12.

⁴⁷⁹ Там же. С. 15.

⁴⁸⁰ ПДС. Т. X. Стб. 1091.

папы. Вкупе с общей подозрительностью к католической вере (о конкретных формах ее выражения см. след. главу) и прагматичным желанием добраться из Италии до Голландии по суше послужили поводом для отказа.

Не менее важную роль в осуществлении переговоров играли и переводчики. Обе стороны были стеснены языковым барьером: русские не знали итальянского, а венецианцы не знали русского. Уровня толмача Сакса, нанятого русскими в Ливорно, хватало для повседневного общения, но не для дипломатического диалога, где каждое слово нужно было тщательно выверять и продумывать. Венецианцы же в принципе не имели в своем распоряжении человека, знавшего русский язык. Все эти обстоятельства в полной мере проявились уже на первой аудиенции: когда Чемоданов и Посников объявили дожу царскую грамоту, это поставило сенаторов в затруднительное положение, ведь им нужно было ознакомиться с ее содержанием и сформулировать ответ. Ключом к диалогу стала латынь. На следующий день посланников навестил Вимина, который попросил кого-нибудь из посольских переводчиков перевести царскую грамоту на латынь. Чемоданов поначалу возражал: «по государеву де указу есть с нами переводчики, только они посланы для государевых дел, а ваших дел им делать и листа переводить не пристойно»⁴⁸¹. Но в итоге, посоветовавшись с другими членами посольства, он все же повелел Тимофею Топоровскому сделать перевод, который затем был отдан венецианскому секретарю Джеронимо Боно («Еролим Бон» статейного списка). Вместе с Топоровским он составил «тандем», который обеспечивал вербальное взаимопонимание сторон. В частности, пространственные речи русских посланников на аудиенциях 26 и 30 января также были для дожа и сенаторов совершенно непонятными, поэтому Топоровский письменно изложил их на латыни, а Боно затем перевел их с латыни на итальянский⁴⁸². На аудиенциях 6 и 16 февраля уже Топоровский переводил на русский латинские переводы ответов сенаторов,

⁴⁸¹ Там же. Стб. 1046.

⁴⁸² Там же. Стб. 1065.

подготовленные Боно⁴⁸³. Необходимость такого «двойного перевода» делала дипломатический диалог гораздо более тяжелым и приводила к тому, что обе стороны боялись быть неправильно понятыми⁴⁸⁴. С другой стороны, эта ситуация демонстрирует адаптивность обеих сторон и их способность сообща работать над установлением взаимопонимания.

Долгое отсутствие контактов и скудость полезной для практического взаимодействия информации диктовали и русским, и венецианцам необходимость приспособливаться и узнавать друг друга прямо на ходу. Столкновение дипломатических практик и обычаев приводило к конфликтам и ошибкам, которые, в конечном счете, заканчивались компромиссом. Особенно ярко это иллюстрируют ситуации с царской и дожеской грамотами. Выше отмечалось, что Чемоданов и Посников наотрез отказывались подавать грамоту сенаторам, пока дож Вальер мучился от приступа подагры. На слова Вимины, что всеми политическими делами у них занимаются именно сенаторы, русские резонно ответили: «коли уж князь ваш не делает ничего, а государство свое во всем правите вы, и вам было к царскому величеству в листе имена свои описать со князем вместе, и с нами бы такой и государев указ был; а то имян ваших к великому государю нашему в листу не написано, а писался один князь ваш, и по его государеву указу велено государеву здоровье объявить, и князя вашего видеть и лист подать князю вашему...»⁴⁸⁵. Этот спор демонстрирует столкновение не только дипломатических практик, но и политических идеологий, что имело место и во время посольства Вимины. Для русских представление о власти было неразрывно связано с фигурой правителя, который воплощал в себе это государство и с которым царю должно устанавливать дипломатический контакт через своих посланников. Неслучайно в одном из первых разговоров с Виминой по пути в Венецию Чемоданов справился именно о ее правителе. В то же время для венецианцев дож был одним из институтов Республики,

⁴⁸³ Там же. Стб. 1077.

⁴⁸⁴ Longworth P. Op. cit. P. 390.

⁴⁸⁵ ПДС. Т. X. Стб. 1023.

чье устройство сочетало в себе, согласно политическому мифу, черты монархической, аристократической и демократической власти – и дож олицетворял первую в этом ряду⁴⁸⁶. Однако эти тонкости не так сильно заботили Чемоданова и Посникова: для них было важнее соблюсти принцип дипломатии как межличностного общения двух государей⁴⁸⁷. Именно его они отстаивали в своем споре с приставом, и в конечном счете последний был вынужден уступить. Это же противоречие стало причиной конфликта из-за дожеской грамоты. Когда принцепс венецианского Сената вместе с секретарем Боно принес ее посланникам в Палаццо Гримани 20 февраля, те отказались ее принять. Они беспокоились о правильности царской титулатуры и потребовали личного вручения грамоты из рук самого дожа в его дворце: «...а достойно князю вашему тот лист отдать нам царского величества посланником из своих рук на отпуске, и чтоб нам очи его видеть...»⁴⁸⁸. Сенатору и секретарю пришлось уйти восвояси с грамотой, а на следующий день Вимина объявил Чемоданову, что своим отказом «владельцем Посполитой Речи великой стыд учинили, что назад лист несли, а всем городом видели»⁴⁸⁹. В целом временное отсутствие дожа не стало препятствием для переговоров: страдавший от подагры Вальер порой не присутствовал на некоторых аудиенциях, например 10 и 16 февраля⁴⁹⁰. Посланники это принимали, т. к. такой расклад находил параллели с русским дипломатическим обычаем, в котором после приветственной аудиенции посольские дела «правили» бояре и дьяки⁴⁹¹. Однако венецианцы исходили из республиканского устройства своего государства и того факта, что внешнеполитическими делами ведали члены Сената, а не дож, от чьего

⁴⁸⁶ *Контарини Г.* О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат. и коммент. М.А. Юсима. СПб., 2013. С. 65.

⁴⁸⁷ *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 49.

⁴⁸⁸ ПДС. Т. X. Стб. 1083.

⁴⁸⁹ Там же. Стб. 1084.

⁴⁹⁰ Там же. Стб. 1073, 1076.

⁴⁹¹ *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 235.

имени устанавливались законы и подписывались документы⁴⁹². Поэтому для них подача грамоты могла пройти и без непосредственного участия дожа в этом процессе, а для Чемоданова и Посникова это считалось неприемлемым.

Но не только венецианцам приходилось подстраиваться под требования северных гостей: Чемоданов и Посников также обучались некоторым правилам общеевропейской дипломатической практики. К тому времени в Европе институт резидентов стал достаточно распространенным явлением, и в Венеции находились постоянные представители многих государств. Приезд русских послов заинтересовал некоторых из них, так что уже 12 января их посетили резидент Франции и секретарь резидента Мантуи⁴⁹³. Чемоданов и Посников приняли их, однако не спешили с ответным визитом, как того требовал дипломатический протокол. Вимина укорял их в этом: «а у нас де здесь так ведется, коли уж приезжал сам [резидент – *Т.Ш.*] к вам челом ударить и о здоровье спросить, и вам де и к нему доведется ехать или о здоровье от себя послать спросить»⁴⁹⁴. Русские посланники ссылались на отсутствие такого обычая в своей стране, однако приняли это во внимание. На следующий день после разговора с Виминой ко двору французского резидента был послан дворянин Иван Власов и переводчик Тимофей Топоровский, а с визитом к мантуанскому резиденту 20 января был отправлен подьячий Фирс Байбаков⁴⁹⁵.

Таким образом, политическим итогом посольства стало то, что главных дипломатических целей не удалось достигнуть ни одной из сторон. В то же время Россия и Венеция договорились о свободной торговле. Она должна была вестись через Архангельск и тосканский порт Ливорно, который становился своего рода перевалочным пунктом, и с уплатой обычных

⁴⁹² *Контарини Г.* Указ. соч. С. 65.

⁴⁹³ ПДС. Т. X. Стб. 1026.

⁴⁹⁴ Там же. Стб. 1028.

⁴⁹⁵ Там же. Стб. 1029, 1033.

пошлин⁴⁹⁶. Несмотря на скромные результаты переговоров, обе стороны демонстрировали стремление к взаимопониманию, ради которого приходилось идти на компромиссы и работать сообща. Венецианцы, как более заинтересованная сторона, были более гибкими, в то время как русские посланники стремились к соблюдению государевой чести и твердо отстаивали важные для них вопросы, будь то царская титулатура или личное присутствие дожа на аудиенциях. Но и они проявляли готовность следовать общепринятым в Европе нормам дипломатического общения, даже если они были им незнакомы. Дипломатический диалог отразил и некоторые отличия в политической идеологии и восприятии моделей власти, будь то «самодержавие» или «республика», что продолжало явленную во время посольства Вимины в России тенденцию.

Тем не менее, отсутствие дипломатических успехов, вероятно, не лучшим образом повлияло на восприятие Чемодановым и Посниковым своего пребывания в Венеции. Переводчик Иоганн Сакс в своем донесении во Флоренцию писал, что посланники до сих пор видят в своих снах великие почести, оказанные великим герцогом, а прием венецианцев доставил им куда меньшее удовлетворение⁴⁹⁷. Флорентийский торговец Паоло дель Сера в своих письмах выражал те же мысли и отмечал, что попросил Чемоданова и Посникова способствовать налаживанию добрых отношений между царем и великим герцогом⁴⁹⁸. Как видим, опасения, о которых писали, в частности, венецианцы Армано и Вико перед приездом посольства в Венецию, не были

⁴⁹⁶ Villani S. Una finestra mediterranea... P. 169; Lekovich T., Orsi Landini R. Ambascerie russe in Italia... P. 49. Вскоре после этого в России начали вести свою деятельность венецианские торговцы Джованни Баттиста (Giovanni Battista) и Альберто Гоцци (Alberto Gozzi.). – Longworth P. Op. cit. P. 391.

⁴⁹⁷ «Li Signori Ambasciatori dormendo se insognano delli gran honori receuti di Vostra Altezza Serenissima, essaltando la Serenissima casa sina lo cielo...» (Бумаги Флорентинского архива. С. 41); Villani S. Una finestra mediterranea sull'Europa... P. 170.

⁴⁹⁸ «[I moscoviti stavano per tornare in patria] poco soddisfatti, parendoli esser stati assai meglio trattati dal mio Ser.mo padrone nel loro passaggio, che qui dove sono stati per espresso inviati, ed io, che l'ho conosciuti, non ho mancato di esortarli vivamente a fare che il loro Gran Zarr stringa l'amicitia col Gran Duca mio signore...» (Цит. по: Di Salvo M. La missione di I. Cemedanov... P. 102).

беспочвенными: тосканцы действительно воспользовались неожиданным проездом Чемоданова и Посникова, чтобы завязать прочные отношения с Россией. Более того, даже русско-венецианская торговля, о которой удалось договориться, предоставляла выгоду и Тосканскому герцогству, т. к. именно его порт Ливорно становился площадкой для обмена товарами.

§3. «Византийское наследие» на службе венецианской дипломатии

Venetiae quasi alterum Byzantium – хрестоматийные слова прославленного итальянского гуманиста XV в. и кардинала греческого происхождения Виссариона Никейского наиболее ярко выражают вековую связь Венеции с византийским миром, которая продолжала быть актуальной даже после падения Второго Рима. Республика Святого Марка уже с XIII в. проявляла открытость по отношению к греческим иммигрантам, а 1453 г. стал точкой отсчета для складывания уникального феномена греческой общины Венеции⁴⁹⁹. Венецианские греки стали важным фактором русско-венецианских отношений уже с XVI в.: венецианцы нередко прибегали к их посредничеству для поддержки и укрепления связей с далекой Россией, претендовавшей на статус защитницы православных, и достижения своих дипломатических целей⁵⁰⁰. Ниже будут рассмотрены контакты Чемоданова и Посникова с православными греками в Венеции, а также то, как дож и сенаторы использовали идею «византийского наследия» в ходе взаимодействия с русским посольством.

⁴⁹⁹ Об этом см. подробнее: *Βελοῦδης Ι.* Ελλήνων ορθοδόξων αποικία εν Βενετία. 2 έκδοση. Βενετία, 1893; *Fedalto G.* Le minoranze greche a Venezia: i greci // La chiesa di Venezia tra medioevo ed eta moderna. Venezia, 1989. P. 205–215; *Idem.* Influssi greco-bizantini nel Cristianesimo veneto // Greci e Veneti: sulle tracce di una vicenda comune. Atti del Convegno Internazionale. Treviso 6 ottobre 2006. Fondazione Cassamarca. P. 45–55; *Benzoni G.* Venezia e la Grecia // Il Veltro. Rivista della civiltà italiana 3-4 anno XXVII Maggio-Agosto 1983. P. 421–438; *Manoussacas M.* I greci a Venezia // Ibid. P. 441–450; *D'Antiga R.* La comunità Greco-ortodossa di San-Giorgio in Venezia // Presenze ebraico-cristiane nelle Venezie / a cura di G. Dal Ferro. Vicenza, 1993. P. 83–98; *Ястребова А.О.* Русско-венецианские... С. 51–70. Более подробный обзор историографии по теме содержится в кандидатской диссертации того же Ястребова: *Ястребова А.О.* Венецианские греки на русской службе в конце XVII – начале XVIII вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2019. С. 11–26.

⁵⁰⁰ *Он же.* Русско-венецианские... С. 68–70.

Еще до въезда в Венецию Чемоданов справился у Вимины о наличии в городе православной церкви⁵⁰¹. Венецианский пристав «угадал» желание русского посланника, поэтому уже 12 января, на следующий день после приезда посольства для них была организована встреча с представителями греческой общины. На аудиенции венецианцы «стояли подле посланников»⁵⁰². Греки выразили радость по поводу приезда Чемоданова и Посникова, испросили разрешения «почасту» навещать их и пригласили в церковь Святого Георгия на торжественный молебен за царское здоровье⁵⁰³. Церковь Святого Георгия, или Сан-Джорджо-деи-Гречи, была главным храмом греческого братства в Венеции. Разрешение на ее строительство было дано венецианскими властями и подтверждено папой Львом X в 1514 г., однако само возведение здания началось лишь в 1539 г. и продолжалось 34 года⁵⁰⁴. Возглавлял православную общину епископ в сане митрополита Филадельфийского, первым из которых в 1575 г. стал Гавриил Севир (1541–1616). На момент приезда Чемоданова кафедра пустовала: прежний владыка Афанасий скончался в апреле 1656 г., а его преемник Мелетий I возглавит кафедру только 21 марта 1657 г.⁵⁰⁵ Посланники тепло приветствовали греков и приняли их приглашение.

Посещение церкви состоялось две недели спустя, 27 января. Чемоданова и Посникова сопровождал Дмитрий Филиппов с делегацией в сорок человек; до церкви они добирались на судах, предоставленных венецианскими приставами⁵⁰⁶. Во время службы посланники находились на почетном месте справа от архиерейской кафедры. Литургию вели четыре священника: во время нее русским были явлены мощи св. Василия Великого, Иоанна Златоуста и иных святых, а дьякон Феофан произнес восторженную похвалу Алексею Михайловичу. Русский царь был назван «пресветлым, и

⁵⁰¹ ПДС. Т. X. Стб. 1006.

⁵⁰² Там же. Стб. 1021.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ *Ястребов А.О.* Русско-венецианские... С. 191–192.

⁵⁰⁵ Там же. С. 192, 203.

⁵⁰⁶ ПДС. Т. X. Стб. 1053–1054.

непобедимым, и сильным, и преславным, благочестивым и благоверным защитителем церкви Божией восточной, и рачителем благочестия», вторым Константином Великим и Александром Македонским⁵⁰⁷. Подобные сравнения были в ходу у греческих иерархов и до посольства Чемоданова. В 1649 г. патриарх Иерусалимский Паисий во время своего приезда в Москву призвал молодого царя объединиться с дунайскими князьями и отправиться в поход на Константинополь. В своей речи, поданной в Посольский приказ, он сравнивал Алексея Михайловича с Давидом, Иезекиилем и особенно с императором Константином, названным «прадедом» русского царя⁵⁰⁸. Речь дьякона Феофила также апеллирует к статусу Алексея Михайловича как покровителя православного Востока и содержит завуалированный призыв к освобождению православных от османского ига.

После молебна к посланникам вновь пришла группа греков: священник Феофилакт, дьякон Феофан и некий «Анастас Маландра», который, судя по всему, был посещавшим Константинополь торговцем. В разговоре с Чемодановым и Посниковым греки рассказали, что турки живут в великом страхе перед Алексеем Михайловичем: «И Турской де их царь и паши все, сыскав в письмах своих гадателных, и говорят то, что время пришло, что Царяграду быть за ним Государем, и живут с великим опасеньем, и у Царяграда на многое время ворота бывают засыпаны, и учили де им гречаном чинить великое утесенье». Греки вновь выразили надежду, что русский царь вызовет их «из бусурманских рук»⁵⁰⁹. Под «гадателными письмами»,

⁵⁰⁷ Там же. Стб. 1054–1056. По словам мантуанского резидента Леонардо Виллерэ, Чемоданов также сравнивал Алексея Михайловича с Александром Македонским, когда общался с освобожденными из турецкого плена русскими (*Di Salvo M. La missione di I. Semodanov...* P. 108). Согласно стат. списку, встреча состоялась 22 января, после первой аудиенции у дожа (ПДС. Т. X. Стб. 1045). Даже если допустить, что это сравнение действительно было произнесено русским послом, оно было скорее риторической формулой, нежели реальной декларацией готовности воевать с турками, на что надеялись венецианцы и греки. Перефразируя слова Ф.И. Успенского, «венецианцы слышали в словах русских посланников больше, чем в них содержалось».

⁵⁰⁸ *Olar. O. Op. cit.* P. 3; *Кантеев Н.Ф.* Приезд в Москву Иерусалимского патриарха Паисия в 1649 году // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1891. Ч. 47. Кн. 1. С. 178–237.

⁵⁰⁹ ПДС. Т. X. Стб. 1057–1058.

вероятно, имеется в виду т. н. «Пророчество о красном яблоке»: в нем говорилось, что турки будут владеть Городом лишь временно, но после определенного срока, конец которого наступал как раз в середине XVII в., христиане изгонят их. Пророчество широко распространилось в европейских брошюрах и исторических сочинениях, а в 1670-е – 1680-е гг. через перевод польской «Хроники европейской Сарматии» Александра Гваньини – и в русской книжности⁵¹⁰. В разговоре о пророчестве идет дальнейшее развитие темы защиты православных, но уже в более конкретной форме «освобождения Царьграда». Как пишет А.О. Ястребов, венецианцы использовали эту тему для вовлечения России в свое противостояние с турками, а греки, единственные верившие в осуществление «православной реконкисты», выступали центральным элементом этой стратегии вовлечения⁵¹¹.

Особой частью данной стратегии можно считать осмотр реликвий и казны, на который посланников от имени дожа и сенаторов пригласил пристав Вимина: «Февраля в 18 день Цар. Вел-ва к посланником приходили приставы и вшед в полату говорили: прислал де нас князь и все владетели, а велели вам говорить, чтобы де вам сего дни погулять и посмотреть мощей Святых и казну, которая взята в Цареграде»⁵¹². Статейный список не содержит сведений, куда привели посланников, но вероятнее всего, что это был собор Сан-Марко. В главном храме Республики находился сантуарий в виде небольшого помещения кубической формы с нишами в стенах, где располагались ковчеги с мощами⁵¹³. Прежде всего взору Чемоданова и Посникова была явлена икона Богородицы, которую венецианский казначей назвал «образом моления великого Царя Константина» и приписывал

⁵¹⁰ Уо Д. Указ. соч. С. 96.

⁵¹¹ Ястребов А.О. Русско-венецианские... С. 70.

⁵¹² ПДС. Т. X. Стб. 1078.

⁵¹³ Ястребов Алексей, *прот.* Испытание Востоком: Иерусалимская венециана // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2015. С. 26.

авторство Евангелисту Луке⁵¹⁴. Это т. н. икона Божией Матери «Никопея» («Победоносная»): написанный в начале XII в. образ был одним из наиболее почитаемых в Византии, а императоры часто брали его с собой на сражения⁵¹⁵. После 1204 г. икона была вывезена в Венецию и хранилась в Сан-Марко. Ее широкое почитание на берегах Лагуны началось уже в XVII в. благодаря деятельности настоятеля собора и впоследствии венецианского патриарха Джованни Тьеполо, который даже посвятил иконе отдельный богословский трактат. Примечательно, что к ее заступничеству часто обращались во время войн с турками⁵¹⁶. Далее с документальной точностью следует перечисление реликвий, среди которых названы мощи евангелиста Марка, первомученика Стефана и Иоанна Предтечи, частицы тернового венца и Животворящего Креста Господня и др. – все они были «устроены в стене в киотах в золоте и в серебре с камнем»⁵¹⁷. Также увидели русские послы «двенадцать венцов с корунами золотые», которые «носили двенадцать девиц, Царицы Елены служебницы», священные сосуды «винисные и яшмовые обложены золотом с камнем» и даже два рога «инроговых», то есть единорога⁵¹⁸.

Описание статейного списка говорит о том, что осмотр венецианских святынь русскими посланниками стал одним из продуманных дипломатических приемов и был наполнен важным идеологическим содержанием. Наиболее очевидной идеей была преемственность Светлейшей республики Константинополю и шире – Византийской империи, которая обосновывается наличием реликвий Востока⁵¹⁹. Благодаря этому Венеция приняла на себя часть благодати Царьграда, который на тот момент был в

⁵¹⁴ ПДС. Т. X. Стб. 1079.

⁵¹⁵ Madonna Nicopeia at the Basilica di San Marco [Электронный ресурс] // Save Venice Inc. URL: <https://www.savevenice.org/project/madonna-nicopeia> (дата обращения: 16.01.2023).

⁵¹⁶ Де Антига Р. Венеция. Гавань Святых. СПб., 2021. С. 114–116.

⁵¹⁷ ПДС. Т. X. Стб. 1079.

⁵¹⁸ Там же. Стб. 1080.

⁵¹⁹ Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 38.

руках турок. На такой же статус претендовала и Россия: при Алексее Михайловиче связи с греческим миром были очень интенсивными, а центральное место в них занимали священные реликвии, обосновывавшие политическую преемственность русских царей византийским василевсам⁵²⁰. Напомним, что венецианские греки прославляли русского царя как второго Константина, но эту же идею поддерживал и святейший патриарх Московский и всея Руси Никон⁵²¹. Другой идеологической концепцией можно считать особый, теократический характер власти в Республике Сан-Марко, где хранились казна и реликвии, был не только религиозным, но и политическим центром: как уже отмечалось, в соборе избирали венецианского «князя», который правил *вместе* со святым Марком как его наместник⁵²². Посланникам даже была показана церемониальная шапка дожа (*Corno Ducale*), чей носитель воплощал в себе византийскую по своему происхождению идею симфонии священства и царства⁵²³. И здесь также можно провести аналогию с политической идеологией времен Алексея Михайловича, ключевым элементом которой стал образ «Святой Руси» во главе с «православным монархом» в образе нового Константина Великого⁵²⁴. Подобные параллели были явно неслучайными: венецианцы искали нужные точки соприкосновения с Российским государством, и находили их в идее византийского наследия и единства христианства. В данном случае это воплощалось в виде реликвий и святынь Востока, объединявшие оба государства в их духовной-политической преемственности Второму Риму. Поэтому логично, что одним из даров русскому царю от имени дожа стал сосуд с миром от мощей свт. Николая Чудотворца, который посланникам преподнес Альберто Вимина в день финальной аудиенции⁵²⁵. «Святой Никола» широко почитался в русских землях, и не исключено, что об этом

⁵²⁰ Там же. С. 159, 167.

⁵²¹ Там же. С. 196.

⁵²² Ястребов А.О. Святыни Венеции. С. 42–43.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Чеснокова Н.П. Указ. соч. С. 197.

⁵²⁵ ПДС. Т. X. Стб. 1085.

венцианцам также было известно благодаря грекам. Ценная реликвия должна была служить материальным воплощением изложенных выше идей.

Финальным штрихом всей этой программы стала последняя встреча посланников с греками 24 февраля, на следующий день после прощальной аудиенции у дожа. Дмитрий Филиппов, священник Феофилакт, дьякон Феофан и другие греки вручили посланникам от имени всей общины две книги на греческом языке: одну для царя, вторую для патриарха. Сейчас установлено, что в книгах содержалось произведение под названием «Одоление на Турское царство» (греч. «θρίαμβος κατά της των Τούρκων βασιλείας»), написанное богословом, иерархом и интеллектуалом критского происхождения Герасимом Влахом (1605–1685)⁵²⁶. Яркий представитель «критского возрождения», впоследствии митрополит Филадельфийский и учитель братьев Лихудов, Влах на тот момент преподавал в школе при Сан-Джорджо и занимался богословскими и научными трудами⁵²⁷. Одним из них стало и «Одоление на Турское царство». Венецианское правительство также проявило заинтересованность в создании «Одоления», о чем упоминал греческий писатель и хронист XVIII в. Кесарий (Константин) Дапонте⁵²⁸. Влах посвятил его русскому царю, которого призывал объединиться с Венецией и положить конец Османской империи. Алексей Михайлович описан как «спящ змий, мудрейший защитник восточной церкви, помощник еллино-римского рода, [...] разрешитель агарянского начальства и Моамефа Сардананапала говения»⁵²⁹. Много общего у него и с Александром Македонским: «Мало разньствует Александра Алексей. Александер бо убо мужи варварского послушания свободы, Алексей же богу благоволящу мужи же и жены горкия работы свободит. Ничто же бо разньствуеши в всям

⁵²⁶ Уо Д. Указ. соч. С. 90; *Olar. O.* Op. cit. P. 2. О Герасиме Влахе см. подробнее: *Τατάκης Β. Γεράσιμος Βλάχος ο Κρής (1605/7-1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία, 1973.*

⁵²⁷ *Ястребов А.О.* Русско-венецианские... С. 193.

⁵²⁸ Уо Д. Указ. соч. С. 90.

⁵²⁹ Одоление на Турское царство, или Слово дерзновенное на турки к благочестивейшему и непобедимому царю московскому государю Алексею Михайловичю // Уо Д. Указ. соч. С. 100–101.

Александра: того же возраста, сый царь из царя рожденный, от бога двигненный по пророчеству, яко же он, ревнитель добрых дел и славы нетленный»⁵³⁰. Неизбежность перехода Константинополя под высокую руку российского самодержца Влах подкрепляет пророчествами, объединенными общей тематикой скорого падения турецкой власти: это и «Откровение Мефодия Патарского», и «Пророчество о красном яблоке», и пророчества византийского императора Льва VI Мудрого (Философа)⁵³¹.

Проанализированные сведения позволяют заключить, что контакты греческой общины с посольством Чемоданова были органично встроены в дипломатическую стратегию Венеции по привлечению России к войне с Османской империей. Греки взывали к православному царю как своему главному защитнику и утверждали его скорое завоевание Царьграда. «Одоление на Турское царство», написание которого были направлены силы главного интеллектуала общины, можно считать коллективным выражением надежды на освобождение Города и призывом к решительному действию. Сами венецианцы также использовали идею «византийского наследия»: осмотр мощей, реликвий и сокровищницы Сан-Марко должен был проиллюстрировать русским посланникам схожесть России и Венеции на основе духовно-политической преемственности павшей Византийской империи. Эта преемственность была той точкой соприкосновения, на котором венецианцы надеялись создать прочный союз против «агарян».

§4. Закупка «узорочных товаров»⁵³²

Одной из целей посольства, как уже говорилось, была покупка товаров и предметов роскоши для царского двора. На аудиенции 10 февраля Чемоданов и Посников сообщили сенаторам о намерении приобрести «узорочных товаров, аксамитов, бархатов двоєморхих и гладких добрых, и

⁵³⁰ Там же. С. 107.

⁵³¹ Там же. С. 104–107.

⁵³² При написании параграфа были использованы материалы авторской статьи: *Шаинов Т.К.* Перья птицы гамаюна... С. 94–96.

иных товаров, которые годны царского величества к казне»⁵³³. Из-за трудностей коммуникации, о которой мы писали выше, венецианцы дали положительный ответ на этот вопрос только на следующей аудиенции 16 февраля⁵³⁴. Напомним, что средства на покупку царским наказом предписывалось взять средства на покупку от продажи ревеня и соболиных шкурок, с чем возникли большие сложности. Тем не менее, русские посланники проявили недюжинную бережливость и смогли выполнить поставленную задачу.

Полный перечень купленных товаров и посольских даров содержится в росписи, которую Чемоданов и Посников предоставили в Посольский приказ после возвращения из Венеции⁵³⁵. В ней перечислены купленные товары, «закрепленные» за одним из глав посольства, дана информация об их стоимости и количестве. Подавляющее большинство составляют драгоценные ткани: атласы, байбереки, объяри, алтабасы, бархаты разных цветов и с различными узорами. Ткани уже с XIV в. были одной из главных статей импорта из Италии, а в XVII в. их приток в Россию был наиболее интенсивен благодаря возросшему спросу на них при царском дворе⁵³⁶. Они были необходимы для пошива царской одежды, предметов придворного обихода и интерьера, церковного облачения, знамен и т. п.⁵³⁷ Предпочтение традиционно отдавалось венецианским тканям, и именно в Венецию отправлялись известные «торговые иноземцы»: Иван Гебдон в 1652 г. и Томас Келлерман (Келдерман) в 1668 г.⁵³⁸ Наиболее дорогой тканью из списка является купленный для царя венецианский двоemorхий бархат: за 18 аршин (ок. 13 м) Иван Чемоданов заплатил 90 рублей, то есть по 5 рублей за

⁵³³ ПДС. Т. X. Стб. 1075.

⁵³⁴ Там же. Стб. 1078.

⁵³⁵ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 194–203. Текст документа приведен в Приложении 11.

⁵³⁶ Шаркова И.С. Россия и Италия... С. 39, 71.

⁵³⁷ Там же. С. 42; Русова Ю.С. Источники поступления иностранных тканей в государеву казну для производства царской одежды в России XVII века // Преподаватель XXI век. 2018. №3–2. С. 259.

⁵³⁸ Шаркова И.С. Россия и Италия... С. 72.

аршин⁵³⁹. Большая часть тканей все же числится за дьяком Алексеем Посниковым: по росписи им было приобретено 12 аршин (8,5 м) серебристых обьярей, 44,75 аршина (31,8 м) атласных тканей и 21,5 аршина (15,3 м) байбереков, а также 8 аршин с четью (около 6 м) морховатого бархата. На это было потрачено почти 150 рублей⁵⁴⁰. Часть тканей была отдана самим послам – по-видимому, в качестве жалованья за выполнение государевой службы, что также было распространенной практикой в XVII в.⁵⁴¹ Другой существенной статьей расхода стали украшения: на золотое ожерелье, алмазный перстень и золотую цепь, украшенную жемчугом и драгоценными камнями, было потрачено 260 рублей; еще 60 рублей было потрачено на покупку 20 изумрудов⁵⁴². Украшения числятся как товары Ивана Чемоданова; возможно, разделение покупок, когда ткани числились за дьяком, а драгоценности – за стольником, отражали представления о служилой иерархии или «почетности» тех или иных товаров.

Фигурируют в росписи и всякие «диловины»: например, потешная шкатулка «про государя царевича»⁵⁴³ или «перья райские птицы гамаюна»⁵⁴⁴. Мифическая птица гамаюн занимала особое место в древнерусской книжности и изобразительном искусстве. Согласно поверью, она не имела ног или крыльев и летала при помощи хвоста, никогда не опускаясь на землю. Если же гамаюн соприкасался с землей, это предвещало смерть царям и королям⁵⁴⁵. Этот сюжет неразрывно связан с образами Востока: слово «гамаюн» имеет иранское происхождение, а представления о Земном Рае были тесно связаны с «Индийским царством», населенным фантастическими

⁵³⁹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658 гг.). Л. 195.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 199–200.

⁵⁴¹ Шаркова И.С. Россия и Италия... С. 72.

⁵⁴² РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658 гг.). Л. 196.

⁵⁴³ Там же. Л. 195.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 197. Нельзя сказать с уверенностью, перья какой птицы имелись в виду под этим наименованием: возможно, павлиньи.

⁵⁴⁵ Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 84.

птицами и животными⁵⁴⁶. Имя птицы встречается и в «Уряднике сокольничья пути», знаменитом своде правил и церемониала соколиной охоты середины XVII в. В нем сказано, что из «Гамаюна» (видимо, из шкатулки или сумки с изображением этой птицы) доставали «письмо, а в письме писано уставление, укрепление, обещание нововыборного [сокольника]»⁵⁴⁷. Данные сообщения ярко свидетельствуют о по-прежнему глубоко традиционном характере русской культуры переходного периода. Согласно другой росписи, перья не были отданы на хранение в царскую казну, а были «снесены сверху», т. е. оставлены Ивану Чемоданову⁵⁴⁸.

В росписи упомянуты и реликвии: мощи святого великомученика Никиты Готского и великомученицы Евгении Римской⁵⁴⁹. В статейном списке посольства они не упоминаются, в отличие от того же сосуда с миром от мощей свт. Николая. Несмотря на трепетное отношение русского царя к различным реликвиям, вышеперечисленные мощи, подобно «перьям гамаюна», были «снесены сверху» и отданы дьяку Алексею Посникову. О чем это может говорить? Как известно, на протяжении XVII в. из недр Посольского приказа вышло немало реестров «диковинок»: например, «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» 1666 г. или «Роспись дивным вещам, которые Турецкой посол с собою в Вену привез» 1699 г. В процессе их создания использовались европейские оригиналы, носившие пародийно-сатирический характер⁵⁵⁰. Конечно, говорить о схожести данных текстов с росписью 1657 г. нельзя. Однако отсутствие информации о святынях в статейном списке и тот факт, что они были оставлены послам, может

⁵⁴⁶ См., например: Сказание об Индийском царстве / Подгот. текста, перевод и примеч. Прохоров Г. М. // Памятники литературы Древней Руси. М., 1981. Т. 5: XIII век. С. 466–473.

⁵⁴⁷ Книга, глаголемая Урядник: Новое уложение и устройство чина Сокольничья пути // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773. Ч. 1. С. 415–416.

⁵⁴⁸ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658 гг.). Л. 204. Текст документа приведен в Приложении 12.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 199.

⁵⁵⁰ Алтатов С. В. «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2013. С. 55–59.

говорить об их восприятии как чего-то фантастического или попросту фальшивого.

По-своему неожиданно выглядят известия об алых «шолковых чулках», привезенных в Россию послами⁵⁵¹. Речь идет о предмете европейского мужского гардероба XVII в. Остается лишь гадать, надевали ли сами Иван Чемоданов и Алексей Посников подобные вещи. В таком случае их можно считать носителями новых начал в русской культуре XVII в. и даже сравнивать со знаменитыми деятелями петровской эпохи, например стольником П.А. Толстым (1645–1729). С другой стороны, в русском искусстве второй половины XVII в. западный костюм мог выступать и в качестве атрибута греховности, как например на фресках Покровской церкви Романова-Борисоглебска (совр. Тутаев Ярославской области). На ней люди в европейской одежде (шляпах, тех же чулках и проч.) шествуют за демонами в преисподнюю. Это еще одно проявление духовной атмосферы эпохи, в которой традиционные и новые элементы мировоззрения порой причудливо сосуществовали.

Полученная из росписи информация дает возможность поразмышлять и о восприятии русскими людьми образа Венеции и итальянских земель в целом. Конечно же, Венеция представлялась богатым государством. На это указывают не только цели самого посольства, и изобилие в списке товаров различных украшений и предметов роскоши. Кроме того, это земля «диковин»: как механических вроде «потешной шкатулки» для царевича, так и тех, что привозят из дальних стран, как перья райской птицы. Образ Италии как земли диковин к середине XVII в. уже стал довольно традиционным, так как его основы были заложены еще в середине XV в. во время и после Ферраро-Флорентийского собора 1437–1439 гг. Наконец, это и земля святынь и общехристианских реликвий. Эта грань образа также глубоко традиционна и присутствует в древнерусской книжности благодаря памяти о былом единстве христианского Запада и Востока.

⁵⁵¹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658 гг.). Л. 200, 203, 207.

Глава 6. Культурно-бытовые аспекты пребывания русского посольства в Италии

§1. Быт и условия содержания посланников

Иван Чемоданов и Алексей Посников пробыли на Апеннинском полуострове продолжительное время. Оно было наполнено не только дипломатическими мероприятиями, но и вполне житейской повседневностью, а также культурными мероприятиями, организованными для них высокопоставленными лицами итальянских государств. Анализ этой интересной информации исключительно важен для воссоздания целостной картины посольства.

В Ливорно посланники жили в апартаментах Карла Лонгленда. Английский торговец выделил им пять просторных комнат с кроватями и матрасами, но посланники вместе со слугами предпочитали ютиться все вместе в двух комнатах⁵⁵². Манера русских людей организовывать свой ночлег была удивительной для итальянских наблюдателей. Так, посланники снимали матрасы с кровати, клали на нее свои тюфяки и спали вдвоем – как указывает анонимный автор, «из боязни упасть» («per timore di cadere»)⁵⁵³. Слуги при этом спали на полу либо на снятых с кроватей матрасах, либо на тех же тюфяках или даже ковриках⁵⁵⁴. Подобное стремление к скученности вызывало противоречивые чувства у итальянцев и позволила автору *Relazione vera* сравнить русских людей со свиньями, сбивающимся в комок⁵⁵⁵. Другой отличительной чертой русских был сильный рыбный запах, который оставался после них в помещениях. По словам автора *Curiosissimi*

⁵⁵² *Curiosissimi costumi*. С. 208.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Бумаги Флорентинского архива. С. 24.

⁵⁵⁵ *Relazione vera*. Р. 113. Впрочем, такое сравнение могло быть и достоинством: в 71-й новелле сборника «Триста новелл» Франко Сакетти (1332–1400) один проповедник назвал венецианцев свиньями из-за их характера. Если ударить палкой одну свинью из стада, то все они начинают жаться друг к другу и затем бегут за обидчиком – так и венецианцы, если их обидеть, консолидируются для нанесения ответного удара (*Сакетти Ф.* Новеллы. / Пер. с итал. В.Ф. Шишмарева; изд. подгот. А.А. Смирнов, Д.Е. Михальчи, Т.В. Шишмарева. М.-Л., 1962. С. 111–112).

costumi, «где они оставались час, там остается вонь на 12 [часов]» («...dove stanno un'ora lasciano puzza per 12»)⁵⁵⁶. В другом анонимном *avviso* с долей иронии замечено, что Лонгленд запасался благовониями для окуривания покоев и готовился подвергнуть их продолжительному и строгому карантину после отъезда посланников⁵⁵⁷. По словам анонимного автора *Relazione vera*, русские едва ли обращали внимание и на регулярную смену одежды: сорочки они меняли «каждые сорок дней» («ogni quaranta giorni»), а носовые платки – «как можно реже» («più rare volte che possono»)⁵⁵⁸; у слуг в принципе не было сменной одежды⁵⁵⁹. Известно, однако, что у посланников было особое парадное платье для дипломатических аудиенций, поэтому смена одежды все-таки происходила. Также итальянцы отмечали в посланниках бесцеремонность, с которой посланники справляли нужду или пускали ветры в присутствии других людей⁵⁶⁰. Русские люди здесь представлены своего рода дикарями, не умеющими вести себя в цивилизованном обществе.

Во время нахождения в покоях как посланники, так и их слуги очень часто пили водку⁵⁶¹. Пристрастие к *aquavita*, как называли ее итальянцы, нередко приводило к бытовому насилию. Так, духовник посольства однажды так сильно напился, что начал избивать слуг, и Чемоданову пришлось привязать его к кровати на много часов. С пьяными слугами обходились не менее жестоко: одного три дня в качестве наказания держали в тесном пространстве между стеной и кроватью, не позволяя встать на ноги; другого сильно избили поленом, так что тот сбежал «от такого варварского рабства» («da quella servitù così barbara»)⁵⁶². Доставалось и тем членам посольства, кто пытался помешать насилию. Однажды Чемоданов решил наказать одного слугу, но переводчик Топоровский вступился за него. Стольник «со

⁵⁵⁶ *Curiosissimi costumi*. С. 208.

⁵⁵⁷ Бумаги Флорентинского архива. С. 13.

⁵⁵⁸ *Relazione vera*. Р. 113.

⁵⁵⁹ Бумаги Флорентинского архива. С. 22.

⁵⁶⁰ *Relazione vera*. Р. 113.

⁵⁶¹ Бумаги Флорентинского архива. С. 7.

⁵⁶² Там же. С. 11–12.

свойственной ему любезностью» («galanteria che usa») плюнул переводчику в лицо и приказал ему в искупление своей дерзости поцеловать его ноги. Когда же Топоровский наклонился, Чемоданов сильно пнул его, так что переводчик ударился головой и несколько дней провел в постели⁵⁶³.

На основе этих сообщений (которые, очевидно, стилизованы под анекдотические зарисовки, но по реальным событиям) можно сделать несколько наблюдений. Чемоданов предстает как не терпящий несогласия со своими решениями и ревностно следящий за субординацией внутри посольства человек – весьма важный и интересный штрих к характеристике личности дипломата. А подобные «палочные» методы обращения с подчиненными со временем стали одной из характерных черт «Восточной Европы» в описаниях путешественников и дипломатов XVIII в.: побои были наиболее надежным способом получить кров, провизию и средства передвижения. Человеколюбие европейских авторов и их жалость к угнетаемым жителям отступало перед осознанием, что насилие как часть социальных отношений естественно для этой части Европы⁵⁶⁴. В данном случае можно наблюдать лишь первые черты «ориентализации» представителей «Московии», которая активно будет развиваться позднее.

Тем не менее, русские не только избивали друг друга в своих покоях: более миролюбивое времяпровождение включало в себя, например, игру в шашки. Великолепные способности «москвитов» к этой игре итальянцы называли ни много ни мало «лучшей их доблестью» («la maggiore virtù che habbino»). Во время игры они зачастую что-то тихо напевали про себя и производили впечатление мирных и спокойных людей⁵⁶⁵. Своих слуг они также не только избивали, но и целовали в лоб перед каждым выходом на

⁵⁶³ Там же. С. 27.

⁵⁶⁴ Вульф Л. Указ. соч. С. 129–135.

⁵⁶⁵ Бумаги Флорентинского архива. С. 12–13. Об их пристрастии к пению еще будет сказано ниже.

улицу «в знак верности и доверия»⁵⁶⁶. Парадоксальное сочетание противоположных качеств также стало одной из черт образа «москвитов» в глазах итальянцев и позволяло представить их характер «естественным» – в том смысле, что их эмоции никак не обуздывались разумом, и потому жестокость могла резко сменяться нежностью, и наоборот.

Русским приходилась по душе итальянская еда. Когда в Ливорно Карл Лонгленд однажды предложил Чемоданову и Посникову отправить на кухню своего повара для приготовления еды, они отказались со словами, что их устраивают преподносимые им блюда⁵⁶⁷. По другим анонимным сообщениям, посланникам в особенности нравились местные фрукты и зелень, а также сладости: конфитюры и конфеты, которые они ели в больших количествах⁵⁶⁸. Разумеется, их также угощали и разнообразными винами, которыми славится Италия, однако они предпочитали сливать их в одну емкость и перегонять в водку. Причины этого описаны по-разному: в *Curiosissimi costumi* это удобство транспортировки, в *Relazione vera* – неразборчивость русских в хорошем вине⁵⁶⁹.

В Венеции правительство взяло русское посольство на свое полное обеспечение. Им предоставили проживание в роскошном Палаццо Гримани ди Сан-Лука на берегу Гранд-канала недалеко от Риальто. В нем проживала знатная венецианская семья, давшая Венеции нескольких дожей, кардиналов и коллекционеров. Венецианцы заранее собирали информацию о вкусах и предпочтениях «москвитов» через своих представителей в Тоскане: Джузеппе Армано в донесениях обращал внимание, что «каждое маленькое угощение будет для них [посланников] большим» («ogni piccolo trattamento sarà per loro grande») и что им неизвестны изысканные угощения вроде

⁵⁶⁶ «Ogni volta vano fori di casa, li bacciano in fronte in segno, dicono, di fedeltà e di confidenza» (Relazione vera. P. 112).

⁵⁶⁷ Бумаги Флорентинского архива. С. 7, 16.

⁵⁶⁸ Relazione vera. P. 115.

⁵⁶⁹ Ibid; Бумаги Флорентинского архива. С. 19; Curiosissimi costumi. С. 208.

пирожных или конфитюров⁵⁷⁰. Подробности содержания содержатся в росписи, поданной Чемодановым и Посниковым в Посольский приказ после прибытия в Москву в январе 1658 г.⁵⁷¹ Согласно ей, со дня прибытия в Венецию 11 января и до 15 января 1657 г. «столы были на посольском дворе в столовой полате, [...] и потчивали посланников от кн[я]зя и от владетелей приставы Албертус Вимин, Марко кардинал, Микулай Рива»⁵⁷². Очевидно, речь о полном продовольственном содержании, подобное которому организовывали иностранным послам в России. В Европе, однако, такой обычай уже считался архаичным и если сохранялся, то в рудиментарных или церемониальных формах⁵⁷³. Так же было и в данном случае: уже 16 января Альберто Вимина от имени дожа и сената объявил посланникам, что «вы н[а]ших еств за столом мало кушаете и чтоб де вам велет[ь] ествы про себя держать своим поваром и хлебником, а кн[я]зь де н[а]ш и владетели велют к вам присылать за корм денгами, и вы де ествы велите готовить по своему обычаю»⁵⁷⁴. Чемоданов и Посников с этим согласились, и с 16 января по 23 февраля, т. е. до последней аудиенции у дожа, на всех членов посольства ежедневно выделялось по двадцать пять «рублев» (предположительно, речь о венецианских дукатах). Далее в росписи указано, что средства распределялись между членами посольства. Почти половина средств, двенадцать «рублев», предназначалась стольнику Чемоданову. Дьяку Посникову выделялось шесть. По одному «рублю» отводилось следующим членам свиты: дворянам Власову и Костюрину, переводчикам Топоровскому и Циммерманову и первому подьячему Байбакову. По «полтине» шло на содержание второго подьячего Тропинина, целовальника царской казны Леонтьева и лекаря Иванова. Еще по «полтине» ежедневно уходило на дрова

⁵⁷⁰ Цит. по: *Di Salvo M.* La missione di I. Cernodanov... P. 106.

⁵⁷¹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 180–182. Текст документа приведен в Приложении 10.

⁵⁷² Там же. Л. 180.

⁵⁷³ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 108–110.

⁵⁷⁴ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 180–181.

«в поварню»⁵⁷⁵. Такое распределение, как кажется, отражает не только (или даже не столько) реальное положение вещей, но и иерархический порядок внутри самого посольства согласно российским дипломатическим традициям. Дополнительно послам выделили денежный корм с 1 по 3 марта на время их проезда до границы Венецианской республики и Священной Римской империи. Всего за сорок два дня послам была выдана одна тысяча пятьдесят «рублев». Таким образом, посольство снабжалось продовольствием на протяжении пяти дней (и перед нами как раз рудимент древней дипломатической традиции), после чего было переведено на денежное довольствие. По схожей схеме было организовано содержание посольства П.И. Потемкина и С. Румянцева в Испании в 1667–1668 гг. Так, в докладе Государственного совета королеве Марианне Австрийской была дана следующая рекомендация: «первые четыре или шесть дней готовить роскошные блюда, а затем сопроводитель послов, ссылаясь на то, что для посла так будет удобнее, мог бы предложить выплачивать деньги, и в этом случае сделать так, как это делалось для Турка»⁵⁷⁶. Последняя фраза особенно примечательна: для содержания посланников царя Алексея Михайловича предлагалось использовать опыт приема османского посланника. Данная деталь иллюстрирует амбивалентность восприятия европейцами русских послов, которые нередко напоминали им турок. Это наблюдение основывалась в том числе на схожести их посольского обычая, репрезентации и поведения. Причем это восприятие имело давние корни: на рубеже XV–XVI вв. Марино Санудо в своих «Дневниках» писал о русских посланниках Ивана III и для характеристики их внешности и манер употребил фразу *quasi turco*, т. е. «почти турецкое»⁵⁷⁷. Уместно предположить, что дож и сенаторы вполне могли мыслить в такой же парадигме, организуя содержание послов страны с более архаичными, нежели в Европе, дипломатическими традициями. Сомнение, однако,

⁵⁷⁵ Там же. Л. 181–182.

⁵⁷⁶ Посольство П. И. Потемкина в Испанию... С. 285–286.

⁵⁷⁷ Цит по: Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции... С. 65.

вызывает указанное в росписи распределение средств. Оно, как кажется, не столько отражает реальное положение вещей, сколько демонстрирует иерархический порядок внутри самого посольства согласно российским дипломатическим традициям. Кроме того, по той же росписи средства распределялись между десятью членами посольства, тогда как всего их было более тридцати человек – на что же в таком случае питались остальные? Более вероятной представляется картина, что один или несколько членов свиты закупали продовольствие на местных рынках на средства, выдаваемые главой посольства, и затем готовили пищу для всех на «посольском дворе».

Обеды посланников привлекали внимание представителей венецианского нобилитета и послов других европейских государств: «И приставы Албертус Вимин с товарищи и многие немецкие начальные и иных чинов люди и розных г[осу]д[а]рств приходили на посолской двор и посланничьих столов смотрели»⁵⁷⁸. Эта ситуация наблюдения крайне любопытна. Самими посланниками она описана как констатация факта без излишних подробностей, а вот Юрий Крижанич в своем свидетельстве расставляет иные акценты: во-первых, венецианцы якобы маскировались с целью не быть узванными⁵⁷⁹; во-вторых, манеры русских за столом вызывали у них хохот. «Сколько было тут позора, никому и не высказать», горестно восклицал Крижанич⁵⁸⁰. Другие источники конкретизируют, что именно могло вызывать смех у итальянской публики: так, они отрывали куски пищи руками, «как ястребы» («come li falconi»)⁵⁸¹, не стеснялись вынимать его изо рта и класть обратно в тарелку⁵⁸², не использовали приборов либо делали это неправильно⁵⁸³, вытирали рот ладонью вместо салфетки⁵⁸⁴. Трапеза

⁵⁷⁸ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 182.

⁵⁷⁹ Вполне возможно, что под «маскировкой» имеется в виду ситуация маскарада во время венецианского карнавала, который совпал со временем приезда посланников русского царя.

⁵⁸⁰ Бессонов П.А. Указ. соч. С. 4.

⁵⁸¹ *Relazione vera*. P. 115.

⁵⁸² Бумаги Флорентинского архива. С. 20.

⁵⁸³ Там же. С. 21. В частности, они брали кусок еды, втыкали в него вилку и так ели.

⁵⁸⁴ *Relazione vera*. P. 115.

«москвитов» была для итальянских нобилей чем-то вроде комедийного представления, а ее подробности могли намеренно приукрашиваться в письменных свидетельствах для пушшего развлекательного эффекта. Тем не менее, привыкшие к иным правилам поведения за столом посланники ощущали скованность, из-за которой ели очень мало⁵⁸⁵. Ситуация публичной трапезы как представления, когда десятки итальянцев следили за каждым движением своих северных гостей и смеялись над их неряшливыми (с их точки зрения) манерами, становилась сложным испытанием для посланников и вполне могла отбить у них всякий аппетит. Это не было характерной особенностью только венецианских обедов: во время торжественного банкета у тосканского герцога Фердинандо II 28 декабря Чемоданов также ничего не ел. На вопрос герцога о причинах этого он реагировал довольно нервно: вставал из-за стола, сняв шапку, и молча брал по кусочку со своего блюда⁵⁸⁶.

Возвращаясь к вопросу содержания посольства, стоит обратить внимание и на следующие детали. На последнее до Чемоданова русское посольство в Венеции, возглавленное Яковом Молвяниновым, венецианцы потратили чуть более 589 дукатов за двадцать три дня⁵⁸⁷. В пересчете на один день это тоже дает около двадцати пяти дукатов. Конечно, покупательная способность монеты конца XVI в. и середины XVII в. могла различаться, поэтому здесь нельзя проводить прямые аналогии. Однако количественное совпадение весьма любопытно и может говорить об использовании посольства Молвянинова в качестве ориентира для организации содержания посольства Чемоданова. Также по сравнению с некоторыми турецкими посольствами в Венецию XVII в., содержание русских послов оказывается выше как минимум в два с половиной раза: на турок венецианцы не тратили

⁵⁸⁵ *Orsi Landini R.* Note curiose... P. 58.

⁵⁸⁶ «Furono banchettati dal Serenissimo Gran-Duca; ma l'Ambasciatore più vecchio non prese altro che due bocconi; e fu quando Sua Altezza, due volte le domandò perchè non mangiava. Et egli rizzandosi, e cavatosi il berettino, prese un boccone per volta» (Бумаги Флорентинского архива. С. 31).

⁵⁸⁷ *Mesotten L.* Op. cit. P. 146.

более десяти дукатов в день⁵⁸⁸. В чем причина такой большой разницы? Можно назвать таковой частоту дипломатических контактов: только за первую половину XVII в. в Венеции с дипломатическими миссиями побывало двадцать пять посланников османского султана, и в целом их количество за XV–XVII вв. исчисляется многими десятками⁵⁸⁹. Русские послы были куда более редкими гостями на берегах Лагуны, а наиболее интенсивные контакты между государствами пришлись на эпоху Ивана III в последней трети XV в. Кроме того венецианцы, крайне заинтересованные в том, чтобы через посланников все же убедить русского царя помочь им в войне с турками, могли пойти на дополнительные расходы на их содержание.

Несмотря на довольно значительную ежедневную сумму содержания, Чемоданов жаловался на нехватку средств. В той же росписи он указал, что на продовольствие уходило «на всякой д[е]нь по 10, и по 12, и по 15 рублей, потому что хлеб и всякой харч и пит[ь]е продавали посланником в Виницее самую дорогою ценою»⁵⁹⁰. Несколько иную картину дает мантуанский резидент в Венеции Леонардо Виллерэ (Леонардос Филарас)⁵⁹¹: по его словам, из выделяемых средств Чемоданов тратил едва ли половину и готовил «весьма посредственный стол» («ben mediocre tavola»)⁵⁹². Итальянцы видели в этом и других поступках посла проявление скупости, однако известно, что перед Чемодановым и Посниковым стояла задача закупки «узорочных товаров», а из-за неудачи с продажей соболей и ревеня они были крайне стеснены в средствах. С другой стороны, они охотно тратились на разного рода «развлечения», о которых тактично умалчивали в статейном списке и других документах, из-за чего регулярно возникала нехватка денег.

⁵⁸⁸ Guliyev A. Venice's Ceremonial Treatment of the Ottoman and Safavid Envoys in Comparative Perspective // OTAM, 48 / Güz 2020. P. 100–101.

⁵⁸⁹ Pia Pedani M. Ottoman Diplomats in the West: the Sultan's Ambassadors to the Republic of Venice // Tarih Incelemeleri Dergisi, 11 (1996). P. 201–202.

⁵⁹⁰ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 182.

⁵⁹¹ Подробнее о нем и его деятельности см подробнее: Villani S. VILLERÉ, Leonardo [Электронный ресурс] // Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardo-villere_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardo-villere_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 05.12.2023).

⁵⁹² Цит. по: Di Salvo M. La missione di I. Cernodanov... P. 107.

Думается, что русским посланникам гораздо удобнее и привычнее была форма полного продовольственного содержания, подобного тому, что для них организовал Лонгленд в Ливорно. В таком случае становится понятным, почему они тогда отказались готовить себе еду самостоятельно, хотя такое предложение им поступило. В Венеции перевод на денежное довольствие через пять дней после прибытия вынудил посланников самим озадачиться своим пропитанием, что в условиях языкового барьера и незнания мест, где можно выгодно купить качественную еду, стало для них тяжелой ежедневной заботой.

§2. Досуг посланников в итальянских городах

Итальянские государства XVII в. были общепризнанными центрами утонченной культуры. Чемоданов и его спутники оказались в эпицентре культурной и светской жизни, вызывавшей у них очень яркие эмоции⁵⁹³. Об основных формах досуга русских посланников и связанных с ними интересных случаях пойдет речь ниже.

В Ливорно Чемоданов и Посников были желанными гостями у губернатора Серристоры и местных торговцев, которые приглашали их на светские вечера. Поначалу посланники сомневались, стоит ли им принимать приглашения или им, как государевым слугам, надлежит покидать покои только по церемониальным случаям⁵⁹⁴. Сомнения были недолгими: по словам итальянских авторов, русские послы не упускали случая развлечься там, где бывают танцы и музыка⁵⁹⁵. В доме Карла Лонгленда, где проживали Чемоданов со товарищи, каждый вечер устраивались праздники⁵⁹⁶. Джузеппе Армано также организовал для них вечер с участием дам, которых он пригласил для участия в азартных играх⁵⁹⁷. Он был уверен, что сможет

⁵⁹³ *Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D.* Op. cit. P. 62–63.

⁵⁹⁴ Бумаги Флорентинского архива. С. 8, 10.

⁵⁹⁵ Там же. С. 19; *Curiosissimi costumi*. С. 210.

⁵⁹⁶ Бумаги Флорентинского архива. С. 7–8.

⁵⁹⁷ Там же. С. 23.

удивить русских послов, что подкреплялось своеобразным стереотипом, якобы в России женщины покрыты одеждой на турецкий (!) манер⁵⁹⁸. Вновь имплицитное сравнение русских с турками, которое уже встречалось выше. Во время азартных игр неискушенные «москвиты» наблюдали, как ловко женщины играют на большие, как им казалось, деньги, и отказывались присоединиться из боязни проиграть. Эффект изумления подкреплялся незнанием, что монеты для игры были ненастоящими, о чем посланникам намеренно не было сказано⁵⁹⁹. Думается, что отказ принять участие в игре мог быть связан еще и со строгими нормами православия, запрещавшими любые азартные игры как способ несправедливого заработка.

Несмотря на то, что посланники любили светские вечера, от участия в танцах они предпочитали воздерживаться. Так, на вечере у Армано одна из знатных дам (жена некоего капитана Лиши) пригласила Чемоданова на танец, однако тот отказался⁶⁰⁰; на балу у губернатора Серристоры они также не танцевали, зато много пили и не сводили глаз с находившихся рядом женщин⁶⁰¹. Такое поведение можно объяснить как скованностью посланников в окружении куртуазных кавалеров и прекрасных дам, говоривших, к тому же, на неизвестном им языке, так и отсутствием в русской культуре допетровского времени традиции подобных мероприятий. Зато они очень любили петь хором: в их свите находилось четыре музыканта, а роль хормейстера исполнял дьяк Посников. Не исключено, что посланники нередко демонстрировали свои вокальные способности на вечерах перед почтенной итальянской публикой, которая осталась невысокого мнения об их пении и считала его «хуже кошачьей музыки» («...peggio d'una musica di gatti»)⁶⁰². Вероятно, русская певческая традиция середины XVII в., все еще

⁵⁹⁸ «... mentre al lor Paese non le vedono ch'alla turchesca, cioè maschirate» (Цит. по: *Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov...* P. 107).

⁵⁹⁹ *Curiosissimi costumi*. С. 209; Бумаги Флорентинского архива. С. 23.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Там же. С. 11.

⁶⁰² Там же. С. 17.

тесно связанная со средневековой знаменной монодией⁶⁰³, воспринималась итальянцами как нечто глубоко архаичное. В то же время русские посланники ценили красивое пение и других, подчас незнакомых им людей: однажды они были очарованы песней некой крестьянки в поле и, по словам анонимного итальянского автора, подарили ей нитку жемчуга стоимостью в 70 дукатов (245 г золота!)⁶⁰⁴.

Нередко светские вечера становились поводом для конфликтов между Чемодановым и Посниковым, которые дают пищу для размышлений об их восприятии своих статусов внутри посольства. Когда Армано приглашал их на вышеупомянутый вечер с дамами и играми, дьяку показалось, что приглашение адресовалось только Чемоданову, и выступил против его принятия. Посников утверждал, что он имеет со стольником равный статус и потому пригласить стоило и его тоже, а раз его не пригласили, то не стоит ехать никому. Все это породило перепалку, которая, впрочем, довольно быстро разрешилась: в итоге послы поехали на ужин вместе⁶⁰⁵. Позднее, уже во Флоренции, придворный поэт Джироламо Бартоломмеи (Girolamo Bartolommei) написал сонет в честь Чемоданова, но не упомянул в нем о Посникове. По словам Серристоры, случился такой скандал, что дело чуть было не дошло до драки. В итоге Бартоломмеи пришлось написать сонет и для дьяка, но такое решение породило очередной скандал: Чемоданову не понравилось, что второй сонет был написан на более дорогой бумаге⁶⁰⁶.

Эти несколько забавные ситуации объединены общим мотивом претензии Посникова на равное с Чемодановым положение внутри посольства. На это указывает и автор *Curiosissimi costumi*: по его словам, посланники «...держатся между собою наравне» («...si trattano tutti due del pari»)⁶⁰⁷. Претензия могла быть обусловлена тем, что дьяк Посников, равно

⁶⁰³ Владышевская Т.Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 95–98.

⁶⁰⁴ *Relazione vera*. P. 111.

⁶⁰⁵ Бумаги Флорентинского архива. С. 23–24.

⁶⁰⁶ Там же. С. 31.

⁶⁰⁷ *Curiosissimi costumi*. С. 207.

как и стольник Чемоданов, принадлежал к служилым людям Российского государства. Известно, что уже с начала XVII в. московские дьяки были либо выходцами из дворянства, либо включались в его ряды после поступления на службу, приобретая соответствующие привилегии и обязанности⁶⁰⁸. Кроме того, Посников вполне обоснованно мог апеллировать и к своему статусу посланника, которым он был наделен на период посольской миссии на аудиенции у царя в Золотой палате⁶⁰⁹. В русской дипломатической традиции представители всех трех рангов (послы, посланники и гонцы) воплощали в себе царя, хотя и на разном уровне⁶¹⁰. С этой точки зрения претензии дьяка выглядят как защита своей чести и попытка приобрести символический капитал в форме престижа. И «честь», и «престиж» были определяющими понятиями политической и дипломатической практики Раннего Нового времени⁶¹¹, а потому поведение русских представителей укладывается в данную логику.

Другой формой досуга стало посещение театров, что неудивительно, ведь Италия XVII в. была признанным центром театрального и оперного искусства. С ним посланники впервые познакомились во Флоренции. Недельное пребывание в столице Тосканского герцогства было наполнено всяческими увеселениями и концертами, шедшими, как докладывал нунций Пиньятелли, буквально один за другим⁶¹². Уже на следующий день после прибытия для гостей был устроен музыкальный концерт в тронном Зале Юпитера Палаццо Питти. Благодаря регулярным донесениям из Ливорно Фердинандо II был знаком со вкусами Чемоданова и Посникова, так что организация такого большого концерта, куда были приглашены «практически все музыканты», была предпринята заблаговременно⁶¹³. На

⁶⁰⁸ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 550.

⁶⁰⁹ ПДС. Т. X. Стб. 931.

⁶¹⁰ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 51; Hennings J. Op. cit. P. 104.

⁶¹¹ Ibid. P. 2–3.

⁶¹² Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 5.

⁶¹³ Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 67.

другой день уже посланники исполнили импровизированную благодарственную песнь в честь подписания Виленского перемирия, а вечером слушали музыкальные «симфонии» (*zimphonie*)⁶¹⁴. Чемоданов и Посников стали посетителями и двух знаменитых флорентийских театров: «Никколини» (Teatro Niccolini, также известный как Teatro del Cocomero, осн. 1650) и «Пергола» (Teatro del Pergola, осн. 1657). Оба театра были возведены под патронажем кардинала-мецената Джанкарло де Медичи (1611–1663), брата великого герцога. В «Кокомо» посланники отправились вместе с семьей Фердинандо и несколькими дамами на просмотр комедии «Каменный гость» («Il convitato di Pietra») по мотивам истории о Доне Жуане⁶¹⁵. Спектакль сопровождался инструментальными сюитами и действиями различных механических приспособлений. Предполагается, что в нем могли участвовать известные в то время комедийные актеры Джован Баттиста Фьорилло (Giovan Battista Fiorillo) и Марко Наполиони (Marco Napolioni)⁶¹⁶. Театр «Пергола», который также посетили посланники, тогда еще не был официально открыт (первая опера будет поставлена в феврале 1657 г.), однако даже внешний вид и интерьер самого большого на тот момент театра в городе наверняка поразил воображение Чемоданова и Посникова. Флорентийские театры, таким образом, стали первым впечатлением такого масштаба для русских людей, которое они восприняли с огромным удовольствием.

В Венеции XVII столетие также отмечено бурным ростом количества театров⁶¹⁷. Этот процесс был не столько целенаправленной политикой правительства, сколько результатом деятельности частных лиц. Именно на берегах Лагуны зародилось явление профессионального театра, в котором

⁶¹⁴ Ibid. Это место не совсем сходится с сообщением из статейного списка, по которому о Виленском перемирии им сообщил Карл Лонгленд еще в Ливорно (ПДС. Т. X. Стб. 968).

⁶¹⁵ Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 68.

⁶¹⁶ Ibid. P. 69.

⁶¹⁷ О венецианской опере XVII в. см. например: Rosand E. Opera in Seventeenth-Century Venice: The Creation of a Genre. Berkeley, 1991. 710 p.

сочетались творческие эксперименты и коммерческая выгода⁶¹⁸. К карнавалу, который совпал со временем пребывания посольства в Венеции, традиционно были приурочены и театральные представления⁶¹⁹, так что русские люди ходили в театры чуть ли не каждый вечер⁶²⁰. Они как минимум дважды побывали в знаменитом Театре Сан-Джованни-э-Паоло (Teatro SS. Giovanni e Paolo), основанный в 1638 г. уже упомянутой семьей Гримани. В 1654 г., незадолго до приезда Чемоданова, он был реконструирован архитектором Карло Фонтана для оперных представлений и стал первым в Италии оперным театром с характерной формой «подковы»⁶²¹. Вполне возможно, что в первый раз Чемоданов и Посников слушали оперу Франческо Кавалли «Артемизия», премьера которой состоялась в январе 1657 г.⁶²² В следующий раз они слушали некую «канцонетту на московитском языке» («una canzonetta in musica in lingua moscovitica»)⁶²³. Есть предположение, что она была написана специально для северных гостей в качестве небольшого «подарка». Это мог быть едва ли не первый случай, когда русский язык звучал на сцене европейского театра Раннего Нового времени⁶²⁴. Они также побывали в небольшом Театре Сан-Аполлинаре (Teatro Sant'Apollinare или Teatro Sant'Aronal), который был открыт в 1651 г. при одноименной приходской церкви и просуществовал десять лет. В отличие от большинства других театров, он был возведен по заказу не мецената-патриция, а супружеской пары из сословия читтадини⁶²⁵. Каждое представление приводило русских в восторг, так что они восклицали «grande, grande Venetia» – «великая, великая

⁶¹⁸ Декрузетт Ф. Повседневная жизнь в Венеции во времена Гольдони. М., 2004. С. 91

⁶¹⁹ Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 70.

⁶²⁰ Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov... P. 106.

⁶²¹ Forsyth M. Buildings for Music: the architect, the musician and the listener from the seventeenth century to the present day. Cambridge, 1985. P. 77–78.

⁶²² Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 71.

⁶²³ Цит. по: Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov... P. 106.

⁶²⁴ Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D. Op. cit. P. 72. Остается только догадываться, кто был автором текста, если в Венеции, как выяснилось во время переговоров русской делегации с дожем и сенаторами, не было знавшего русский язык человека (см. Главу 5, параграф 2).

⁶²⁵ Декрузетт Ф. Указ. соч. С. 93.

Венеция»⁶²⁶. Особое восхищение и интерес Чемоданова и Посникова вызвали роскошные костюмы и механические приспособления, благодаря которым, в частности, во время представления один из актеров «взлетел» со сцены в их ложу⁶²⁷. Любознательный интерес посланников к технической стороне увиденных представлений роднит их с суздальским епископом Авраамием, с восторгом описавшим в середине XV в. две театральные мистерии во флорентийской церкви Сантиссима Аннунциата⁶²⁸. Внимание не говоривших на итальянском и не знакомых с тонкостями театральных и музыкальных жанров посланников было сосредоточено на внешних формах. Взаимодействие между игрой актеров, музыкой и сценическим оборудованием было абсолютно новинкой для русских людей, что вызывало в них чувство восторга, удивления и любопытства. Но именно любовь русских к музыке и пению, которую итальянцы заметили и приняли во внимание, стала своеобразным «мостиком» между представителями двух культур.

Посланники также отправлялись на прогулки по городам и осмотр их достопримечательностей. Одной из граней «образа Тосканы» в описаниях Чемоданова и Посникова были прекрасные сады. В Ливорно их восхитил роскошный виноградник некоего Оригена Мерчиянта (Origene Merciant)⁶²⁹, а также сад, разбитый неподалеку от монастыря капуцинов с его лимонными деревьями, финиковыми пальмами и виноградниками⁶³⁰. Характерно, что саму монастырскую церковь Чемоданов с Посниковым демонстративно обошли стороной: «и посланники, вышед из корет, и шли в сады мимо *костела* (курсив мой – Т.Ш.) сторонними дверми»⁶³¹. Это, очевидно, диктовалось нормами православия, по которым русскому человеку на

⁶²⁶ Цит. по: *Di Salvo M.* La missione di I. Cemodanov... P. 106.

⁶²⁷ Там же.

⁶²⁸ *Казакова Н.А.* «Исхождение» Авраамия Суздальского (списки и редакции) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 33. С. 55–66.

⁶²⁹ Бумаги Флорентинского архива. С. 15.

⁶³⁰ ПДС. Т. X. Стб. 1157. Описания садов Венеции присутствовали и в статейном списке Я. Молвянинова (см. Главу 1).

⁶³¹ Там же. Стб. 1157.

чужбине следовало воздержаться от посещения «неблагочестивых» храмов католической веры, называемых «костелами». В Ливорно исключение составила «благочестивая церковь во имя успения Пресвятыя Богородицы», которую посланники посетили 30 ноября⁶³². Однако она была униатской: в нее, по словам Чемоданова, «приходят люди всяких вер, и во время обедни стоят в олтаре римские бернардины, и езувиты, и домниканы»⁶³³.

Во Флоренции посланники осмотрели сады Боболи рядом с Палаццо Питти. Их особое внимание привлекли садовые фонтаны: «и в тех садах устроены пруды, и кругом тех прудов каменные плотины, а по плотинам учинены кругом перила железные; и у тех перил сделана полатка, и в той полатке заводят шурупами, а как заведут, и та вода из прудов побежит из всех перил вверх и учинится как бы дождь»⁶³⁴. Заметен все тот же интерес посланника к механике процесса, который он проявлял и во время венецианских театральные представлений. Упоминает Чемоданов и садовые скульптуры с фонтанами («каменные мужики и звери стоят, и из иных мужиков из рук и из ног идет вода»)⁶³⁵, и фонтаны во дворике герцогского дворца («столп высокой каменной с репьем, и около того столпа поделаны мужики и рыбы каменные ж, и из того столпа вверх идет вода в вышину сажень»)⁶³⁶. Столь подробные описания могли быть обусловлены заинтересованностью как самого посланника, так и царского двора. Известно, что в 1650-е гг. Алексей Михалович занимался обустройством садов в Коломенском и Измайлове и даже отправлял купцов за рубеж для покупки редких сортов плодовых деревьев⁶³⁷.

В ходе осмотра герцогской сокровищницы посланникам были продемонстрированы различные «диковины»: магнит, которым на их глазах поднимали железо; глобусы, которые выглядели как «два яблока превеликих

⁶³² Там же. Стб. 964–965.

⁶³³ Там же. Стб. 1155.

⁶³⁴ Там же. Стб. 1162.

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Черный В.Д. Садовое искусство средневековой Руси. М., 2023. С. 148–174.

добре, а на тех яблоках написаны государства все, и планиды и боги небесные»; чучело «коркодила», который напоминал им ящерицу⁶³⁸. Очень интересно описана птица «струц», т. е. страус: «ноги что у коровы, а ест железо, и камень и кости, в вышину человека с полтора, а перье на ней морховато серо, что носят немцы на шляпах»⁶³⁹. Присутствующие в данной характеристике птицы фантастические сведения о ее всеядности отсылают к Физиологу – одной из главных книг русского Средневековья, переводному сборнику о мире природы, истолкованном в духе христианского аллегоризма⁶⁴⁰. Содержавшиеся в нем сведения и образы на протяжении веков были материалом для размышлений о тварном мире и источником вдохновения для искусства и народной культуры. Чемоданов выступает как минимум носителем этих образов, а возможно и человеком, знавшим сам текст этого незаурядного памятника древнерусской книжности.

Из городских достопримечательностей Флоренции отмечен знаменитый собор Санта-Мария-дель-Фьоре: «тот де костел во имя Благовещение Пресвятыя Богородицы старого здания, и в том де костеле был осмый собор»⁶⁴¹. Заходить в собор посланники также не стали, ибо «утверждали, что по возвращении они будут жестоко наказаны: им якобы отрубят головы или, по крайней мере, сильно избыют»⁶⁴². Православное самосознание русского человека подразумевало в том числе неприятие Флорентийской унии, с которой в первую очередь ассоциировался как собор, так и сам город. Характерен акцент на потенциальном наказании, которым посланники мотивировали свой отказ посетить главный храм Флоренции: в глазах итальянцев оно придавало их религиозности черты насильственности.

⁶³⁸ ПДС. Т. X. Стб. 1160–1162.

⁶³⁹ Там же. Стб. 1158.

⁶⁴⁰ Физиолог [Электронный ресурс] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4686#> (дата обращения: 18.01.2023); Белова О.В. Указ. соч. 14–16. О месте сказания о страусе в различных редакциях Физиолога см. Карнеев А.Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. С. 386–392.

⁶⁴¹ ПДС. Т. X. Стб. 996.

⁶⁴² «...allegando che al ritorno sarebbero stati castigati severamente col tagliar loro la testa o almeno bastonati aspramente» (Цит. по: Orsi Landini R. Note curiose... P. 58).

Сами посланники очень четко осознавали запрет на посещение любых католических храмов и неукоснительно его соблюдали.

В Венеции Чемоданов и Посников в компании с сенатором Анджело Коррером осмотрели древний мост Риальто, который был средоточием торговой деятельности, а также посетили ближайшие рыночные улицы: *Marzaria*, идущую от моста Риальто до площади Сан-Марко, и *Ruga degli Orefici*, где торговали ювелирными украшениями⁶⁴³. Не исключено, что именно на этих улицах посланники закупались различными диковинками и «узорочными товарами» для царя Алексея Михайловича (см. выше). Коррер в своем донесении отметил, что Чемоданов был впечатлен венецианскими зданиями и церквями, а информацию о мосте Риальто и его лавках со свинцовыми крышами он почерпнул из некой книги⁶⁴⁴. О какой именно книге идет речь, понять трудно: М. Ди Сальво предполагает, что это статейный список И. Шевригина или трактат А. Поссевино⁶⁴⁵. Как бы то ни было, перед нами еще один пример начитанности русского посланника.

Осмотрели они и другой символ Венецианской республики – церемониальную галеру Бучинторо, которая хранилась в венецианском Арсенале⁶⁴⁶. Чемоданов пишет, что «на той барке Виницейской князь со своими ближними людьми, по своему римскому календарю, на праздник Вознесения Господня выезжает на море верст с двадцать, и море обручает, честь воздает, мечет князь ежегод перстень золот с алмазы и с иными дорогими каменьями»⁶⁴⁷. Так русский посол попытался описать один из ключевых республиканских обрядов: *la Sensa*, обручение дожа с морем. Церемония была учреждена около 1000 г. после успешного морского похода в Далмацию дожа Пьетро II Орсеоло (991–1009), который был совершен в

⁶⁴³ Там же. Стб. 1165; *Relazione vera*. P. 116.

⁶⁴⁴ *Di Salvo M.* La missione di I. Cernodanov... P. 103.

⁶⁴⁵ *Ibid.* Конкретно о Риальто в сообщении Шевригина не сказано.

⁶⁴⁶ *Декретамент Ф.* Указ. соч. С. 29.

⁶⁴⁷ ПДС. Т. X. Стб. 1165–1166.

праздник Вознесения⁶⁴⁸. В первые полтора столетия церемония была достаточно простой: дож читал краткую молитву о даровании венецианцам «спокойного моря», после чего епископ окроплял его святой водой вместе с приближенными. В 1177 г., после победы Ломбардской лиги над императором Фридрихом Барбароссой (1155–1190)⁶⁴⁹ и примирения сторон папа Александр III (1159–1181) провел в Венеции церемонию «обручения», в которой впервые фигурировал освященный золотой перстень как символ союза дожа с морем. Закреплением союза было бросание перстня в воду со словами *Desponsamus te, mare* (лат. «Мы женимся на тебе, море»). Богатый символизм *la Sensa* сочетал в себе идею имперского господства Венеции над заморскими территориями (*Stato da Mar*), христианский обряд благословения и черты аграрного праздника плодородия⁶⁵⁰. В статейном списке Чемоданов описал церемонию так, как за два столетия до него Семен Толбузин описал выборы венецианского дожа: выделив его основные внешние черты и не затронув идеологическое и политическое содержание. Тем не менее, посол XVII в. был уже лучше знаком с особенностями «республиканского мифа»: в упомянутом разговоре с Коррером Чемоданов особо восхищался тем, что Венеция никогда не была подвластна ни одному правителю и что те, кто сейчас ей правит, могут считать себя законными наследниками ее основателей⁶⁵¹. В чем-то это схоже со словами И. Шевригина, что венецианский «князь» и венецианцы «сами себе властуют, никому не голдуют, ни Цесарю, ни Папе» (см. Главу 1), поэтому действительно можно предполагать знакомство Чемоданова с его статейным списком. Есть в его

⁶⁴⁸ Muir E. Civic Ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981. P. 119.

⁶⁴⁹ Речь об очередном витке т.н. борьбы папства и империи, характерной для эпохи Высокого Средневековья.

⁶⁵⁰ Muir E. Civic Ritual... P. 120, 122, 131.

⁶⁵¹ «...stimar grandissima quella, che non sia stata mai ch'ad un solo dominio soggetta, e che chi la regge di presente possano vantarsi d'esser legittimi eredi di quelli che gli diedero il principio» (Цит. по: Di Salvo M. La missione di I. Cernodanov... P. 103).

восприятию города и более традиционные для русской культуры грани, связанные с обилием воды, мостов и отсутствием стен⁶⁵².

Еще одной формой досуга можно назвать знакомство с итальянским военным делом. В Ливорно были осмотрены защитные сооружения порта, огромный линейный корабль с более чем двумя сотнями пушек и стоящий неподалеку от пристани памятник великому герцогу Фердинандо I – *Monumento dei Quattro mori*. Он знаменит прежде всего четырьмя медными скульптурами закованных в цепи мавров, символизирующих поверженных берберских пиратов. Как узнал сам Чемоданов, великий герцог однажды возглавил морской поход на разбойников и одержал над ними блистательную победу. «А! каков князь!» – неожиданно экспрессивно выражает свое восхищение доблестью и смелостью герцога сам Чемоданов⁶⁵³. Во Флоренции герцог Фердинандо II в ходе осмотра сокровищницы показал русским гостям различные образцы вооружения: ружья, конские сбруи, доспехи, пушки, изготовленные в городе, а также трофейное оружие, захваченное у «турских» пиратов. В конюшне посланники воочию наблюдали лошадей, которые «выучены мудрым ученьем, поднимаются со всех ног, а иные, по играм, по их обычаю тонцуют, а иные кланяются до земли, а иные на коленках ходят и ползают, как им велят»⁶⁵⁴. В Венеции посланники также осмотрели оружейные палаты, «и в тех полатах оружия и всякой служилой сбруи много»⁶⁵⁵. Однако венецианское морское дело никак не упоминается на страницах статейного списка. Предметом особой гордости и зримым символом морского могущества Республики был знаменитый Арсенал. По словам Л. Мезоттен, его здание с начала XVI в. стало традиционным местом проведения банкетов для иностранных послов⁶⁵⁶. Чемоданов и Посников точно там побывали, когда осматривали галеру

⁶⁵² ПДС. Т. X. Стб. 1165.

⁶⁵³ Там же. Стб. 1155–1156.

⁶⁵⁴ Там же. Стб. 1161.

⁶⁵⁵ Там же. Стб. 1065.

⁶⁵⁶ *Mesotten L.* Op. cit. P. 143.

Бучинторо. Учитывая политическую конъюнктуру середины XVII в. и дипломатическую логику венецианцев, они вполне могли провести для посланников осмотр и самого Арсенала, дабы продемонстрировать серьезность намерений довести войну с турками до победного конца и заручиться военной поддержкой Алексея Михайловича. Однако в статейном списке об этом не упоминается.

Наконец, необходимо затронуть и такую сторону досуга посланников, как общение с женщинами легкого поведения. «Сладострастнейший человек» («*huomo lussuriosissimo*»), Чемоданов постоянно говорил о дамах и был готов тратить «много соболей», чтобы узнать их поближе⁶⁵⁷. Анонимный автор *Relazione vera* уделил значительную часть своей заметки сексуальным предпочтениям «москвитов» (в частности, они предпочитают полных женщин, которые активно двигаются в постели)⁶⁵⁸ и даже позам, в которых им больше всего нравится совокупляться (как на кровати, так и стоя у стены)⁶⁵⁹. Подобные сообщения, хоть и походят на уличные сплетни, все же имели под собой основания. Юрий Крижанич также отмечал, что в Венеции «часто посещали их [посланников – *Т.Ш.*] и пользовались у них разнообразным приемом женщины дурного поведения»⁶⁶⁰. Образ венецианской куртизанки, которая дарит как физическое, так и интеллектуальное наслаждение, находил отражение в литературном и театральном искусстве XVI–XVII вв. и присутствовал в воображении европейских путешественников. Однако в XVII в. на фоне начавшегося экономического кризиса в городе стало увеличиваться количество более дешевых проституток, стремившихся заработать таким способом себе на жизнь⁶⁶¹. Можно предположить, что именно их услугами могли пользоваться Чемоданов со товарищи. На это косвенно указывает то, что они любили

⁶⁵⁷ Бумаги Флорентинского архива. С. 15–16; *Curiosissimi costumi*. С. 209; *Relazione vera*. Р. 113.

⁶⁵⁸ *Ibid.* Р. 114.

⁶⁵⁹ *Ibid.*

⁶⁶⁰ Цит по: *Бессонов П.А.* Указ. соч. С. 4.

⁶⁶¹ *Декруазетт Ф.* Указ. соч. С. 212–215.

общаться с грубыми девицами, которые часто употребляли непристойные слова в своей речи⁶⁶². Таковыми наверняка были те, которым приходилось торговать собой не от хорошей жизни. Посланники, тем не менее, приходили в восторг, когда слышали венецианские ругательства из их уст (а они их слышали довольно часто!) и даже записывали их на специальном листе бумаги, чтобы выучить⁶⁶³.

Итак, насыщенная программа досуга Чемоданова и Посникова стала органичной частью дипломатического диалога, выраженного через культурное взаимодействие. Особое место занимали театральные и музыкальные представления, во время которых происходило сближение представителей двух культур: посланники, о чьей любви к пению и музыке стало известно флорентийцам и венецианцам, с восторгом отзывались об увиденном и услышанном в театрах. Они вживую увидели процесс становления и развития передовых на тот момент форм европейской культуры и принесли эти новые впечатления с собой в Россию. Они живо интересовались всяческими диковинами и особенно механическими приспособлениями, которые видели в сокровищницах, садах и тех же театрах. Многие черты их восприятия Венеции и Италии в целом находят параллели с более ранними свидетельствами, а сами посланники были носителями традиционных средневековых образов и символов. Много в восприятии определяло религиозное самосознание: отказ посещать католические храмы демонстрировал приверженность православию как ключевому элементу культурно-конфессиональной идентичности русских посланников в чужой стране. В то же время сообщения о пьянстве и контактах с женщинами легкого поведения могут свидетельствовать, что простые удовольствия также были в ходу у членов посольства. Итальянские

⁶⁶² *Relazione vera*. P. 114.

⁶⁶³ «Quando sentono mandar qualcheduno a far fassine, ridono a bocca piena e si trastulano e lo fanno replicare una e due volte, dicendo che vogliono portare via da Venetia qualche bel vocabolo, e tra le altre godono quando le incontrano in donne che li regalano di queste parole mandandoli spesso. Hanno una carta e notano certi vocaboli che non sano, e la tengono cara e chiusa nel suo bustino che portano per le scritture » (Ibid).

наблюдатели особо акцентировали на этом свое внимание и тем самым воспроизводили уже устоявшиеся негативные стереотипы о невозддержанной природе «москвитов».

§3. Личность Ивана Чемоданова и ее восприятие итальянцами

Фигура русского посланника вызывала повышенный интерес со стороны итальянцев, которые по-своему трактовали его поведение и присущие ему черты. Выше были затронуты некоторые из них, а ниже будут подробно проанализированы характер и мировоззрение Ивана Чемоданова вкуче с особенностями их восприятия итальянскими наблюдателями.

Прежде всего стоит сказать о религиозности Чемоданова и его православном самосознании, не раз упоминавшихся выше в том или ином контексте. Судя по некоторым сообщениям, он не был чужд глубокого и по-своему искреннего религиозного чувства. Секретарь флорентийского резидента в Венеции Урбано Грансбарра отмечал его образцовое благоговение во время литургии в Сан-Джорджо-деи-Гречи и как он со слезами на глазах смиренно склонился в момент пресуществления⁶⁶⁴. Положительное впечатление о русском благочестии отличало многих итальянских авторов и предшествующих веков: А. Кампенского, П. Йовия, А. Поссевино. Во многом это было связано с навязчивой идеей унии двух церквей, поэтому догматические и ритуальные расхождения для них имели куда меньшее значение, нежели для русских⁶⁶⁵. В то же время некоторые проявления русской религиозности приобретали комичные для итальянцев черты. В одном из тосканских *avvisi* с иронией отмечено, что во время молитв «за своего Императора» послы делают земные поклоны, так что сильно бьются головой об землю («...battano ben sodo la testa sul

⁶⁶⁴ «...nel sentir messa mostrò segni esemplarissimi di divozione con lacrime a gli occhi, e col prostrarsi umilmente bocconi a terra nel veder l'ostia consecrata...» (Цит. по: *Di Salvo M. La missione di I. Cernodanov...* P. 105).

⁶⁶⁵ *Сужина Л.Б.* Человек верующий в русской культуре XVI–XVII вв. М., 2011. С. 179.

racimento») ⁶⁶⁶. Это, а также рвение, с которым они отстаивали государеву честь во время аудиенций, позволило Джузеппе Арmano назвать их «скорее идолопоклонниками, нежели подданными своего Господина» («...più tosto idolatri che sudditi del loro Signore») ⁶⁶⁷. Забавной для итальянцев выглядела фигура духовника, *rapasso* посольства по имени Георгий, носившего с собой «ковчежец» с иконами и свечами. Он исправно служил предписанные часы и каноны вместе с посланниками, которые, по словам итальянцев, во время них пребывали довольно рассеянными ⁶⁶⁸. Их отношение к священнику также было противоречивым: они весьма его почитали, целуя ему руки и прося благословения, но считали ниже себя по статусу и даже могли избить ⁶⁶⁹. Присутствие в составе посольства православного священника вполне могло быть связано не только со страхом умереть на чужбине без предписанных обрядов, но и с еще одним архаичным для итальянцев представлением русских о «неправедном» или «нечистом» пространстве заморских земель ⁶⁷⁰. Чемоданов, как уже отмечалось, демонстративно отказываясь посещать католические храмы – в частности, ассоциировавшийся с Флорентийской унией собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Карикатурными и по-своему показательными являются слова автора *Relazione vera* о том, что посланники часто останавливались у водных источников, смывали «пятна греха» («le macchie del peccato») со своих лиц и склоняли к этому своих спутников, называя их богохульниками в случае отказа ⁶⁷¹.

Такие архаичные и граничившие с суевериями черты религиозности итальянцы считали следствием недостатка образованности, что отличало, по их мнению, последователей «греческой веры». Уже упоминалось, что

⁶⁶⁶ Бумаги Флорентинского архива. С. 16.

⁶⁶⁷ Цит. по: *Di Salvo M.* La missione di I. Cernodanov... P. 103.

⁶⁶⁸ Бумаги Флорентинского архива. С. 16.

⁶⁶⁹ *Relazione vera*. P. 111–112.

⁶⁷⁰ Об этом см. подробнее ставшую классической работу: *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 254–297.

⁶⁷¹ *Relazione vera*. P. 110.

Вимина называл русских послов в Варшаве «приверженцами схизматической секты», полными ересей, грубости и необразованности (см. Главу 2)⁶⁷². Черты «обрядоверия», т. е. ревностного внимания внешней стороне благочестия в ущерб внутреннему чувству, отмечали многие иностранные путешественники, посещавшие Россию в XVI–XVII вв.⁶⁷³ Раболепие перед божественной природой монарха и негативное отношение к католической вере также роднило «москвитов» с греками. Венецианский дипломат XVII в. Анджело Алессандри считал греков «наиболее враждебной нацией по отношению к христианству и латинским христианам»⁶⁷⁴. Известны и хрестоматийные слова византийского военачальника XV в. Луки Нотары, командовавшего имперским флотом во время осады Константинополя в 1453 г.: «Лучше увидеть среди города царствующую турецкую чалму, чем латинскую тиару».

В Венеции с 8 февраля 1657 г. Чемоданов и другие члены посольства соблюдали Великий пост, в течение которого питались только собственной едой, в частности икрой, хлебом и водкой⁶⁷⁵. Соблюдение поста было тем более строгим, потому что происходило на фоне венецианского карнавала, который превращал город в средоточие бесконечного праздника, веселья и маскарада. Последний вызывал довольно серьезное беспокойство Чемоданова, т. к. ему было неприятно видеть вокруг себя людей, скрывающих свои лица («...non gli piacendo veder le genti mascherate...»), как писал тот же Грансбарра). Когда он впервые увидел зал, полный «масок», он захотел вернуться в свои покои. Сопровождавший его сенатор Коррер успокоил его и сказал, что все эти люди – благородные венецианцы, которые пришли увидеть его. Русский посол, хоть и выразил неудовольствие по

⁶⁷² «Sono di setta schismatica, e oltre di questo pieni d'eresie, rozzi et ineruditi» (Lettera di A. Vimina a N. Sagredo, Varsavia, 26 marzo 1650 // *Caccamo D. Alberto Vimina...* P. 269).

⁶⁷³ *Сукина Л.Б.* Указ. соч. С. 178–191.

⁶⁷⁴ Цит. по: *Chmiel P.* Rethinking the Concept of Antemurale: Venetian Diplomacy in respect of the Ottoman World (1573–1645). Roma, 2019. P. 120.

⁶⁷⁵ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Л. 181; *Di Salvo M.* La missione di I. Cemedanov... P. 107.

поводу сокрытия лиц, все же вошел в зал и поприветствовал гостей⁶⁷⁶. В дальнейшем у него состоялся более содержательный разговор на эту тему с венецианским сенатором, переданный практически как стенография⁶⁷⁷. Это редкая возможность услышать реальный голос русского посланника и его рассуждения.

Чемоданов прежде всего выразил удивление, почему люди в принципе покрывают свои лица, если могут этого не делать, добавив, что в его стране это считалось бы большим грехом и позором. Человек, говорил он, создан Господом по Своему образу и подобию («...il Signore Dio creato l'uomo all'immagine e similitudine sua...»), поэтому носить маску – значит оскорблять в себе Его образ и восставать против Него («ribellarsi a Dio»). Коррер объяснил, что такова традиция его страны и что это делается лишь для отдыха и развлечения, без всякого злого умысла. Чемоданов с пониманием отнесся к этой традиции и отметил, что в его стране к ней бы отнеслись по-другому: «что хорошо здесь, не было бы хорошо для нас» («...che ciò ch'è buono qui, non sarebbe buono da noi»). Трактовка русским посланником венецианского маскарада опирается на христианские представления, что вновь подтверждает его сугубую религиозность. Однако он принимает и уважает чужую культуру и ее обычаи, хоть у него самого они могли вызывать не самые однозначные чувства.

Способность Чемоданова к пониманию чужих традиций отмечал и мантуанский резидент Леонардо Виллерэ. Его рассуждения о маскараде он

⁶⁷⁶ Ibid. P. 103–104, n. 26.

⁶⁷⁷ «Mostrò grandemente maravigliarsi di vedere la gente mascherata; adimandò perché così si cuoprivano la faccia, se era libero ad ognuno praticar da per tutto scoperto, aggiongendo che nel suo Paese ciò non si farebbe per molti, anzi, che si stimarebbe gran peccato ed infamia; aver il Signore Dio creato l'uomo all'immagine e similitudine sua, e questa essere la maggiore prerogativa che gode, onde il cuoprirsi la faccia non sarebbe, secondo il rito del Paese suo, altro che ribellarsi a Dio, o confessarsi indegni di portar l'effigie sua nel volto; che s'egli tornando in Moscovia così si cuoprissi, restarebbe per se stesso vituperato non solo, ma con tutti i posterì suoi <...> Io dissi che per questi giorni di carnevale molti andavano così mascherati, perché tal era l'uso dell'Italia tutta non solo, ma di molti altri Paesi ancora, et ciò non era con mal fine, ma per semplice ricreatione e divertimento. Sì, disse, non biasimo quest'uso, perché d'ogni Paese bisogna seguitar senza scrupolo l'usanza appunto; dico solo che il nostro è diverso, e che ciò ch'è buono qui, non sarebbe buono da noi» (Цит. по: Ibid. P. 103–104).

считал разумными, но слишком суровыми и даже немного «варварскими», что напоминало ему древних римлян, только начавших знакомиться с эллинской культурой⁶⁷⁸. Такое сравнение из уст человека греческого происхождения (Виллерэ родился в Афинах) и появление слова «варвар» в контексте осмысления поведения русского посла неслучайны и выдают подчас неосознанное предубеждение касательно природы северных пришельцев⁶⁷⁹. Однако тут оно все же обладает скорее положительной коннотацией: римляне, как известно, показали себя способными учениками Эллады, на роль которой в этой системе координат претендовали итальянские государства. Таким образом, «московитам» не отказывали в способности приобщиться к итальянской (и шире – европейской) культуре, как это было, в частности, во время театральных представлений. Более того, они уже *должны* быть готовы перенять «цивилизованные науки и искусства, доведенные до совершенства их соседями»⁶⁸⁰. Все это станет особенно актуальным в XVIII в., когда сравнение русских с римлянами будет происходить на фоне активной европеизации Российского государства, немалую роль в которой сыграла и Италия.

Наряду со способностью к пониманию Чемоданов обладал и немалой любознательностью. Можно напомнить о подробных описаниях флорентийских фонтанов, увиденных им в садах Боболи: эти описания, приведенные в статейном списке, характеризуются особым вниманием к механике всего процесса. В Венеции, по словам итальянских свидетельств, он также интересовался технической стороной театральных спектаклей, посетителем которых он был. Можно сказать, что его привлекали различные механизмы и приспособления, с помощью которых воду можно заставить течь вверх, а актера – взлететь со сцены. Италия предстает в своей уже

⁶⁷⁸ «Paiono veramente ragionevoli tali discorsi, ma pur troppo severi, ed hanno un poco del barbaro; come appunto gli antichi rozi romani solevano biasimare le delizie de' greci, perch'essi non le avevano ancora praticate» (Цит. по: Ibid. P. 105).

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Вульф Л. Указ. соч. С. 285.

традиционной для русского человека ипостаси как земля хитроумных людей и диковинных изобретений. В той же Венеции он расспрашивал сопровождавших его нобилей о древностях и истории города, о встречавших их людях: он все замечал и всему удивлялся⁶⁸¹. О многом он, как известно, прочитал в некоей книге, где в частности описывался мост Риальто (см. выше). Т. е. Чемоданов не только узнавал что-то от местных жителей во время своего пребывания в городе, но еще и до отплытия в Италию ознакомился с имеющимся в русской книжности описанием Венеции. Все это показывает интерес русского посла к месту своей дипломатической службы. По словам автора *Relazione vera*, Чемоданов интересовался венецианским «наречием»: он нанял человека для обучения и записывал на лист бумаги выражения, среди которых центральное место занимали... ругательства⁶⁸².

Все это выдает в «москвите» с чертами варвара способного «ученика» венецианской культуры, и именно с этой позиции венецианцы трактовали присущую ему любознательность. На эту трактовку влияли и осознание собственного культурного превосходства, и претензия на роль «Эллады», и разработанная к XVII в. легенда о Венеции как величайшем чуде в истории человечества⁶⁸³. Венецианцы облекли Чемоданова в мантию простодушного и искреннего северного скифа, своего рода «Анахарсиса в Афинах», который высоко ценил театральное искусство, архитектуру строений и высказывал почтение по отношению к Республике. Не стоит лишней раз подчеркивать, что сам Чемоданов едва ли воспринимал этот процесс «приобщения» с аналогичных позиций. Уважение и интерес к «чужой» культуре сочетались в нем с четким осознанием принадлежности к «своей», русской православной культуре, что он неоднократно демонстрировал во время своей итальянской миссии. Таким образом, любознательность как грань личности Чемоданова была идеологически осмыслена итальянцами с опорой на уже имевшиеся у

⁶⁸¹ ПДС. Т. X. Стб. 1006; *Relazione vera*. P. 111, 116.

⁶⁸² *Ibid.* P. 114.

⁶⁸³ *Декрюзетт Ф.* Указ. соч. С. 16–17.

них представления о северных народах и самих себе как носителях цивилизационного начала, неотделимого от идеи «Европы».

В этом же контексте можно трактовать и сообщения о любви русского посла к красивым женщинам и его похотливости. Пристальное внимание анонимного автора *Relazione vera* к грязным подробностям сексуальной жизни Чемоданова и его спутников можно связать с предубеждениями о «северной» природе русских посланников, которая, как отмечалось в Главе 1, не позволяла исповедовать устойчивые нормы гражданской жизни, иметь твердые нравственные ориентиры и разумно ограничивать свои животные порывы. Внимание Чемоданова к слабому полу находило опору в уже сложившемся в умах итальянцев образе русских и дополнительно подкрепляло его. Подобные свидетельства о том, что послы не умели вести себя за столом, редко или вообще не меняли одежду, избивали своих слуг, расталкивали прохожих на улице, постоянно пили водку, также органично укладывались в уже сформированное представление итальянцев о «московитах» и самих себе. Справедливости ради нужно сказать, что это не было намеренным «очернением» русских. Многие царские послы за границей устраивали драки, напивались или вступали в конфликт с местными жителями⁶⁸⁴, поэтому самым непосредственным образом участвовали в укоренении в сознании европейцев образа «московитов» как грубых и нецивилизованных людей. Другое дело, что в умах европейца такое их поведение действительно воспринималось как «естественное», т. е. сообразное их природе, и потому лишь сильнее укреплялось в качестве стереотипа.

Однако, как отмечает Е.Ф. Шмурло, такое впечатление послы производили далеко не на всех⁶⁸⁵. Как правило, вышеперечисленные «варварские» черты связаны с поведением посла вне рамок дипломатического протокола. Именно как дипломат Иван Чемоданов вел и

⁶⁸⁴ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 595–597.

⁶⁸⁵ Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова... С. 5.

показывал себя достойным статуса царского посланника, дабы не умалить государеву честь. О вежливости, достоинстве и заинтересованности посланника писали тот же мантуанский резидент Виллерэ⁶⁸⁶, болонский легат Ломеллини⁶⁸⁷ и флорентийский нунций Пиньятелли (он также отметил хорошее знание латыни одним из послов – скорее всего, именно Чемодановым)⁶⁸⁸. Во Флоренции Чемоданов, вопреки уже успевшему сложиться мнению о русских послах как о «полу-животных», был очень предусмотрителен и старался как можно подробнее узнать об особенностях поведения при дворе великого герцога⁶⁸⁹. Очевидно, русский посланник был знаком с ключевыми концепциями посольской репрезентации, которые роднили Россию с остальным европейским сообществом Раннего Нового времени, и демонстрировал заинтересованность в усвоении локальных особенностей дипломатической практики⁶⁹⁰. Кроме того, было место и для позитивного восприятия «варварства», близкого к точке зрения того же Альберто Вимины. Да, у посланников русского царя нет гордой осанки, изысканной куртуазности или особой пронизательности, однако они наделены особой искренностью, характерной для живущих за Альпами народов и которой Господь хотел бы облачить всех людей на земле – так

⁶⁸⁶ «Contro il supposto d'ognuno si fa conoscere per soggetto di gran valore, è molto cortese, ha tratti molto grati, parole riverentissime verso la Repubblica. [...] Egli è d'aspetto venerabile, e mostra segni d'esser persona di grand'intendimento» (Цит. по: *Di Salvo M.* La missione di I. Cemodanov... P. 105)

⁶⁸⁷ Легат отмечал, что во время проезда через Болонью Чемоданов вежливо отказался принять приглашение на вечер от нескольких местных дам, пришедших к нему лично и принятых им «с большой любезностью» («con termini di molta cortesia») – *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова... С. 8 и 21, прим. 39.

⁶⁸⁸ «Hanno lasciato concetto d'esser più tosto culti d'ingegno ed accorti, contro la voce, che n'era percorsa; e tutto che si stimasse. Ch'uno di loro sapesse molto ben latino» (Там же. С. 19, прим. 21).

⁶⁸⁹ «L'ambasciatore più vecchio apparisce persona molto avveduta, poichè ha volsuto sapere i trattamenti che fa il serenissimo gran duca con i maggiori principi del mondo, e quelli che riconosce. Non moveva mai passo, che non pigliasse informazione di quello che doveva fare [...] In somma si è trattato e partato sempre con grandissima osservanza, e con ogni rispetto et accuratezza, contro a quello si diceva che fussero mezze bestie e privi di buoni costumi» (Бумаги Флорентинского архива. С. 30–31).

⁶⁹⁰ *Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D.* Op. cit. P. 61; *Hennings. J.* Op. cit. P. 63.

писал о них Джузеппе Арmano⁶⁹¹. Венецианский торговец увидел в характере посланников нравоучительное напоминание жителям цивилизованных стран, что и в «варварах» есть частица божественного.

Русские и итальянские источники однозначно свидетельствуют, что Чемоданова точно нельзя назвать ограниченным человеком, каким его считал тот же А.Г. Брикнер⁶⁹². Та любознательность и терпимость по отношению к чужой культуре, о которой говорили итальянцы, вряд ли была бы доступна человеку ограниченному и не имеющему определенного интеллектуального багажа, почерпнутого, вполне вероятно, и из книг. Можно предположить, что он знал несколько иностранных языков, в частности польский и латинский. Однако представленный в иностранных свидетельствах образ Чемоданова однозначно противоречив и наряду с положительными чертами несет на себе сильнейший отпечаток ранее сложившихся представлений о «московитах» как грубых и суеверных обитателях холодного Севера, напоминавших итальянцам то схизматиков-греков, то их злейших врагов турок. Это иллюстрирует характер межкультурной коммуникации в Раннее Новое время, которая была скорее не диалогом равноправных субъектов, а взаимной трансляцией стереотипов друг на друга. И нередко именно претендовавшая на культурное превосходство сторона оказывалась менее способной к пониманию и принятию другой стороны, от которой требовалось пойти на признание этого превосходства. Для европейского мира это было наиболее характерно, т. к. в силу исторических причин (прежде всего благодаря отсутствию масштабной оккупации со стороны внешнего врага) он выстраивал свои отношения с «другими» мирами исключительно с позиции превосходства и на собственных условиях⁶⁹³. «Для России стать цивилизованной означало сделать выбор в пользу Европы»,

⁶⁹¹ «...non mi pare di scorgere in questi personaggi grandi ostentazioni di posto, né molti tratti corteggianeschi, né miro certa perspicacia d'ingegno, ma più tosto una sincerità oltramontana, della quale volesse Dio fossero vestiti tutti gli uomini di questi tempi» (Цит. по: *Di Salvo M. La missione di I. Cernodanov...* P. 109).

⁶⁹² Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 597.

⁶⁹³ Филлюшкин А.И. Указ. соч. С. 192.

отмечал Л. Вульф⁶⁹⁴, поэтому лишь в моменты восхищения театральными представлениями и городской архитектурой одного из величайших европейских городов русские посланники переставали быть «варварами», чьи манеры поведения вызывали смех, а приверженность своей вере – раздражение.

⁶⁹⁴ Вульф Л. Указ. соч. С. 285.

Заключение

Проведенный анализ посольств Альберто Вимины в Россию и Ивана Чемоданова и Алексея Посникова в Венецию позволяет сформулировать важные выводы как о характере русско-венецианских отношений в середине XVII в., так и об особенностях межкультурного взаимодействия, неизбежно сопровождавших эти посольства.

Социокультурная основа дипломатических связей России и Венеции выстраивалась главным образом на письменных нарративах. Это было обусловлено нерегулярностью, а со второй трети XVI в. – фактическим прекращением обмена посольствами между государствами. К моменту возобновления отношений в середине XVII в. обе стороны сформировали определенные представления друг о друге. Образ Венеции в русских источниках предстает многогранным, но довольно фрагментарным. Его главные черты – это тесная связь города с морем, наличие в нем общехристианских святынь, вывезенных с Востока, обеспеченное торговой деятельностью благосостояние и ключевая роль военного противостояния с Османской империей. В самой Венеции сложился довольно целостный образ России, изобиловавший разнообразными сведениями о физической и экономической географии, политическом и социальном устройстве, религии и армии. Во многом эти сведения были почерпнуты из европейской «россики»: произведений XV–XVII вв., посвященных «Московии». Целостность образа шла рука об руку с наличием в нем довольно устойчивых стереотипов о русских правителях как тиранах, а его подданных как малообразованных и грубых людях с варварскими манерами. Черты сходства в сложившихся образах также присутствовали: они были связаны, во-первых, с восприятием друг друга в качестве богатых государств, во-вторых – с «турецкой темой». Дипломатическая риторика и Альберто Вимины, и Ивана Чемоданова показывают, что эти черты сходства потенциально могли стать фундаментом для сближения двух государств. Однако если венецианский

посланник делал акцент на теме похода на турок и лишь вскользь упомянул о торговых выгодах, то русский, напротив, предпочел не развивать идею похода и сосредоточиться на торговых договоренностях. Обе эти «точки соприкосновения» на тот момент еще не сошлись, и венецианцам пришлось довольствоваться правом торговли и обещаниями Алексея Михайловича встать за общее христианское дело в будущем. К этой эпохе применимо справедливое высказывание Е.Ф. Шмурло о «несходстве жизненных путей»⁶⁹⁵ России и Италии, характерное и для XV–XVI вв.

Письменные нарративы не могли заменить десятилетия отсутствия дипломатических отношений и личного взаимодействия представителей русской и итальянской культур. Поэтому и посольство Вимины, и посольство Чемоданова характеризовались процессом постоянного накопления сведений друг о друге сторонами дипломатического диалога, в особенности практически полезной информации для проведения переговоров. Под ними имеются в виду титулатура и статус правителей в рамках «сообщества князей», особенности политических идеологий, оказывавших большое влияние на саморепрезентацию и манеру ведения переговоров, детали посольского этикета и т. п. В ходе посольства Вимины выяснилось, что в архивах Посольского приказа отсутствуют венецианские посольские книги, а использование вместо них голландских было явно недостаточным. Это предопределило необходимость узнавать нужные сведения в ходе прямого общения с венецианским посланником. Во втором случае Чемоданов и в Венеции, и в землях Тосканского герцогства старался заранее узнать сведения, необходимые для успешного ведения переговоров, и демонстрировал готовность соблюдать принятые нормы дипломатического этикета, не отказываясь при этом от общей задачи «не уронить государеву честь». В то же время правители Венеции и Тосканского герцогства

⁶⁹⁵ Шмурло Е.Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462–1528 // Записки Русского исторического общества в Праге. Нарва; Прага Чешская. 1937. Вып. 3. Приложение IV. С. 91.

старательно собирали информацию о русских дипломатах и целях их приезда через своих должностных лиц, купцов и резидентов. Полученные сведения отражали и личные качества и предпочтения посланников. Это позволило в том числе создать особую программу досуга, которая встроилась в дипломатический процесс как его неотъемлемая часть и стала «мостом» между представителями двух культур. Театральные и музыкальные представления, организованные для Чемоданова и Посникова во Флоренции и Венеции, стали для них настоящим откровением, т. к. ничего подобного они не видели у себя на родине.

В целом российской стороне в ходе обоих посольств приходилось чаще, нежели венецианской, действовать в условиях неопределенности, недостатка информации и форс-мажоров. Несмотря на то, что о посольстве Альберто Вимины в Россию стало известно заранее благодаря ревельским купцам, его приезд стал своего рода стресс-тестом для русской бюрократии. Ее представителям приходилось порой на ходу реагировать на различные обстоятельства, связанные с логистикой и скоростью доставки информации. Посольство Ивана Чемоданова в Италии прошло через смену первоначального маршрута, неудачу с необходимой продажей ревеня и соболиных шкурок, непривычную систему содержания и застольного этикета. В то же время такие трудности заставляли адаптироваться. Болезнь Вимины в Смоленске не позволила ему предстать перед Алексеем Михайловичем, но переговоры прошли при посредничестве дьяка Томилы Перфирьева, а в Италии Чемоданову и его спутникам приходилось теснее взаимодействовать с местными торговцами и должностными лицами для достижения своей цели и быть более осмотрительными в своем поведении.

Постоянный поиск компромиссов, которые бы устроили обе стороны и не повредили их престижу, также пронизывает ход двух посольств. Зачастую церемониальные конфликты и следовавшие за ними уступки были связаны с политическими идеологиями Венеции и России, республиканской и самодержавной соответственно. Несмотря на их диаметрально

противоположность, они не стали препятствием для диалога, а возникавшие спорные ситуации (вроде неполноты царских титулов в грамотах дожа или возможности проведения аудиенций без присутствия правителя Венеции) разрешались и не приводили к серьезным последствиям. Все это свидетельствует о доброжелательном стремлении участников переговоров к взаимопониманию. Заметно, однако, что венецианцы, как более заинтересованная сторона, были более гибкими в решении тех или иных разногласий. В России Вимина согласился на переговоры через дьяка, поступившись необходимостью личного контакта с царем, а венецианские сенаторы были вынуждены уступать требованиям посланников в вопросах вручения и получения дипломатических грамот, даже если это шло вразрез с их собственными традициями.

Заинтересованность венецианцев в успешности переговоров с Россией демонстрирует и поиск ими тех точек соприкосновения и аргументов, которые бы могли склонить российского царя к войне с Османской империей. В ходе первого посольства Вимина делал ставку на политические выгоды потенциального казацкого похода на Константинополь и настаивал, что лучшего момента для нападения не будет. Провал этой «рациональной» аргументации стал причиной поиска новых форм убеждения, в результате которого венецианцы обратились к древней идее «византийского наследия». Она была использована во время приема посольства Ивана Чемоданова и стала важнейшей частью дипломатической стратегии венецианского правительства. Центральное место в этой стратегии заняли контакты посланников с греческой общиной, в ходе которых транслировалась идея освобождения Константинополя от турок, и инициированный венецианцами осмотр восточнохристианских святынь города в соборе Сан-Марко, который должен был проиллюстрировать русским посланникам близость России и Венеции на основе духовно-политической преемственности павшей Византийской империи. Обращение к этой концепции иллюстрирует и

преимущество более раннему этапу дипломатических отношений двух государств эпохи Ивана III и Василия III.

Следует признать едва ли не определяющую роль посредников в посольствах Вимины и Чемоданова. Участие в них торговцев, должностных лиц, переводчиков и приставов стало характерной особенностью русско-венецианского дипломатического взаимодействия середины XVII в. Так, посольство Вимины в принципе можно назвать «бесконтактным», т. к. на протяжении всего его пребывания в России прямого контакта между ним и царем так и не произошло, а дипломатический диалог обеспечили приказные служащие, приставы и переводчики. Они решали оперативные вопросы содержания, узнавали и передавали требуемую информацию и переговорные позиции сторон. В их ряду особо выделяется переводчик Иван Адамов, который выполнял переводы итальянских документов и, судя по всему, поддерживал неофициальные контакты с Виминой, передавая ему некоторые дипломатические сведения. Он же изначально рассматривался в качестве переводчика для ответного посольства в Венецию, но в итоге был заменен на Тимофея Топоровского. Вовлеченность разного рода посредников в ход посольства Чемоданова также была значительной. В Ливорно посланники контактировали с торговцами различных национальностей: англичанином Карлом Лонглендом, венецианцем Джузеппе Армано, армянином Пьетро Аваком, евреем Моисеем Франко. Они помогали решать вопросы проживания и проезда, снабжали посланников оперативной информацией как локального (карантинные заставы в Папской области), так и глобального (Виленское перемирие) характера. Им же Чемоданов и Посников пытались продавать привезенные с собой из России соболиные шкурки и ремень, однако большинство этих попыток не увенчались успехом. Торговцы также собирали и передавали информацию о самих посланниках в Венецию и Флоренцию, что было важно для подготовки к переговорам и интерпретации их итогов. Схожую роль выполняли и должностные лица, в частности губернатор Ливорно Антонио Серристоры и венецианский резидент во

Флоренции Таддео Вико, а также нанятый русскими в Италии толмач Иоганн Сакс. Важным обстоятельством, повлиявшим на переговорный процесс, был языковой барьер. Обе стороны не знали языка друг друга и ощущали нехватку людей, способных это незнание компенсировать. Это делало необходимым поиск иных, более сложных способов коммуникации. В Венеции переговоры в принципе состоялись благодаря слаженной совместной работе переводчиков: Тимофей Топоровский с одной стороны и Джеронимо Боно – с другой составили своего рода тандем, в рамках которого они письменно излагали содержание аудиенций посланников и сенаторов и обеспечивали таким образом ход переговорного процесса благодаря сложной системе «двойного перевода». Представители разных культур оказались способны на сотрудничество для достижения общей цели.

Посольства Вимины и Чемоданова отразили интересные тенденции и особенности восприятия итальянской и русской культур середины XVII в. Представленная на страницах *Relazione della Moscovia* картина общественного устройства сконструирована Альберто Виминой как дидактический пример «позитивного варварства», а ее центральным положением выступает тезис о характерном для русского народа «блаженном неведении свободы». Их простая жизнь и близость к природе отражает распространенные в европейской мысли той эпохи мечты о «золотом веке» и возвращении к простой и добродетельной жизни вдали от пороков цивилизации. Правитель «Московии» – не просто тиран, а гарант социального мира, который волен сохранять его даже «варварскими» способами во избежание анархии и гражданских столкновений. Первобытное состояние близости к природе в чем-то роднит «московитов» с американскими индейцами, которые к тому времени стали предметом пристального этнографического изучения со стороны европейцев. И это неудивительно: в ментальной карте образованного венецианца «Московия» была частью «европейских Индий» и потому была сравнима с заокеанскими территориями Американского континента. Таким образом, «открытие» и

изучение России, начатое в конце XV в. параллельно с Великими географическими открытиями, продолжалось и в XVII в.

Образ итальянских земель, каким мы его видим в источниках о посольстве Чемоданова, по большей части сохраняет свои основные грани и доминанты, заложенные в предшествующие века. Первая из них – Италия как земля христианских святынь, и это представление характеризуется острой амбивалентностью. В статейном списке посланники подробно перечислили увиденные и полученные в дар реликвии Венеции, которые должны были напоминать им как о былом единстве христианства, так и о разграблении православного Востока теми же венецианцами. Память о событиях 1204 г., о Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 гг. и в целом – о «неправедности» католичества постоянно присутствовала в умах посланников, будучи частью их культурно-конфессиональной идентичности. Следующая грань – Италия как страна музыкальных и театральных представлений. Итальянские источники указывают на любознательное и восхищенное восприятие Чемодановым и Посниковым увиденного и услышанного на сценах итальянских театров театров, что также роднит их с участниками Ферраро-Флорентийского собора. В обоих случаях русские люди стали свидетелями становления передовых форм итальянской культуры Возрождения и Раннего Нового времени, и в обоих случаях они остались в восторге от соприкосновения с ними. Это подтверждает высказанный выше тезис об искусстве как своеобразном «мостике» между представителями двух культур. Еще одна грань связана с представлением об Италии как земли многочисленных «диговин». Под ними понимаются и хитроумные технические приспособления вроде глобусов и фонтанов, и сценические механизмы, и фантастические вещицы, такие как рога единорога, магниты или перья райских птиц.

Особо стоит сказать о личности русского посланника Ивана Чемоданова, которая вызывала большой интерес у итальянцев. Представленные в источниках сведения позволяют заключить, что это был

довольно любознательный и образованный человек, чьи знания опирались в том числе на книжную традицию («Физиолог», «Троянская история», некая книга о Венеции). Он проявлял интерес к различным сторонам итальянской жизни: театральным представлениям, механике фонтанов, древностям и архитектуре Венеции и даже ее языку. Некоторые сведения источников позволяют предполагать, что Чемоданов мог владеть иностранными языками, в частности польским и латинским. Его мнение о венецианском карнавале отличается пониманием, что у каждого народа есть свои традиции, которые следует уважать, и это свидетельствует о его способности адекватно воспринимать другую культуру.

В то же время Чемоданов глубоко осознавал свою принадлежность к русской православной культуре. Он соблюдал Великий пост, сторонился католических храмов и считал, что ношение масок во время карнавала является оскорблением образа Божьего в человеке. Итальянские источники трактуют положительные качества русского посланника с позиций культурного превосходства. В такой системе координат Венеция играла роль «Эллады», а «московиты» – роль ее «учеников», которым не отказано в возможности приобщиться к ее культурным достижениям. Для венецианцев Чемоданов стал примером простодушного и искреннего северного скифа, «Анахарсиса в Афинах», который высоко оценил эти достижения. Наряду с положительными чертами представленный в итальянских свидетельствах образ Чемоданова содержит и негативные: сексуальная озабоченность, неумение вести себя за столом, рукоприкладство по отношению к слугам, пристрастие к водке, религиозность на грани суеверия. Все это органично укладывалось в сформированное в предыдущие века представление итальянцев о «московитах» как обитателей варварского Севера, порой напоминавших им то турок, то греков-схизматиков. В то же время его дипломатические навыки оставили самое благоприятное впечатление у многих итальянских должностных лиц. Таким образом, для итальянской культуры середины XVII в. характерно амбивалентное и даже

противоречивое восприятие русского посланника и русской культуры в целом. В нем присутствуют и отрицательные, и положительные черты, но они по-прежнему осмыслились с опорой на более ранние представления, что также было характерно и для восприятия итальянской действительности русскими посланниками.

Библиография

Источники

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1655–1656). Приезд в Смоленск к государю царю Алексею Михайловичу венецианского посланника Албертуса Вимины. 237 л.
2. РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1 (1656–1658). Отправление в Венецию в посланниках столника Ивана Чемоданова да дьяка Алексея Посникова. 247 л.
3. РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 8 (1659–1661). Отправление посланников столника Василья Лихачева и дьяка Ивана Фомина во Флоренцию. 207 л.
4. РГАДА. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2 (1657). Грамота к царю Алексею Михайловичу от венецианского дожа Бертуччо Вальера. 2 л.
5. РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6 (1656). Перевод с грамоты к государю царю Алексею Михайловичу от флорентийского герцога Фердинанда. 2 л.

Опубликованные источники

Делопроизводственная документация Посольского приказа

6. Дело о приезде в Россию венецианского посланника Алберта Вимины. 1655–1656 гг. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Типография II-ого Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. Т. X. Стб. 809–930.

Дипломатические грамоты

7. *Карданова Н.Б.* Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 857–865 (Приложение).

8. II Lettera (7 luglio 1656) // *Rosa S. Lettere diplomatiche inedite della Russia alla Serenissima (1655–1695)*. Università degli studi di Padova, Dipartimento di studi linguistici e letterari, 2014. P. 45–46.

Посольские книги и статейные списки

9. Сношения царя Иоанна IV Васильевича с императором германским Рудольфом II, с папою Григорием XIII и с Венециею, 1580–1582 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Типография II-ого Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851. Т. I. Стб. 765–906.
10. Отправление гонца Истома Шевригина к Римскому папе Григорью XIII // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Типография II-ого Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. Т. X. Стб. 5–38.
11. Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы. М.: Индрик, 2018. 424 с.
12. Статейный список посланников Василья Лихачева и дьяка Ивана Фомина // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Типография II-ого Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. Т. X. Стб. 509–802.
13. Статейный список посланников стольника Ивана Ивановича Чемоданова и дьяка Алексея Посникова // Там же. Стб. 931–1188.

Дипломатические письма и донесения должностных лиц

14. Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России: Итальянские и латинские подлинники, с русским переводом графа М. Д. Бутурлина. М.: Тип. Грачева и К°, 1871. Ч. 1. С. 3–43, 151–211.
15. Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы / Отв. ред. С.В.

- Полехов, В.В. Рыбаков, А.В. Толстикова, С.Г. Яковенко. СПб.: Наука, 2023. 647 с.
16. Lettera di A. Vimina a N. Sagredo, Varsavia, 26 marzo 1650 // *Caccamo D.* Alberto Vimina in Ucraina e nelle “Parti settentrionali”: diplomazia e cultura nel seicento veneto. // *Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est europeo.* 1986. Vol. 5. P. 266–269.
17. Scrittura di A. Vimina al Senato, 16 novembre 1654 // *Ibid.* P. 271–272.
18. Lettera di A. Vimina a B. Nani, Pskov, 27 giugno 1655, n. 25 // *Ibid.* P. 274–276.
19. Lettera di A. Vimina a B. Nani, Novgorod, 17 luglio 1655, n. 27 // P. 276–277.
20. Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 32 // *Ibid.* P. 277–278.
21. Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 33 // *Ibid.* P. 278–281.
22. Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 34 // *Ibid.* P. 281–282.
23. Lettera di A. Vimina a B. Nani, Riga, 24 gennaio 1656, n. 35 // *Ibid.* P. 282–283.

Иностранные нарративы о «Московии» и «московитах»

24. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
25. *Да Колло Ф.* Доношение о Московии / Подг. текста, пер. на русс. яз., вступит. стат. и комм. О. Симчич. М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1996. 84 с.

26. Донесение о Московии второй половины XVI века / Пер. с итал., с предисл., примеч. и прил. В.И. Огородникова. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1913. XX, 44 с.
27. Известия о Московии, писанныя Албертом Вимена да Ченеда, в 1657 году // Отечественные записки Павла Свиньина. Часть XXXVII, №105, январь 1829. С. 13–32; №106, февраль 1829. С. 224–253; №107, март 1829. С. 421–441; №108, апрель 1829. С. 79–94.
28. *Йовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI века: взгляд из Европы / Сост., авт. вводн. стат., прим., указ. О.Ф. Кудрявцев. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. С. 255–306.
29. *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб.: А.С. Суворин, 1906. [6], XXXII, 528 с.
30. *Тьеполо Ф.* О делах московских // *Аннинский С.А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. М.-Л., 1940. Вып. 3. С. 327–388.
31. *Фабри И.* Религия московитов // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., авт. вводн. стат., прим., указ. О.Ф. Кудрявцев. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. С. 171–216.
32. *Barbaro I.* Viaggio alla Tana // *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. С. 113–136.
33. *Contarini A.* Viaggio in Persia // Там же. С. 188–210.
34. *Curiosissimi costumi de' signori ambasciatori Moscoviti che ora si trovano in Livorno per passare all'ambasceria di Venezia* // *Аннинский С.А.* Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 г. // Сборник статей

- к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 207–210.
35. *Historia delle Guerre civili di Polonia, Divisa in cinque libri. Progressi dell'Armi muscovite contro Polacchi. Relatione della Moscovia e Svetia e loro Governi. Di Don Alberto Vimina, Bellunese. Venetia: appresso Giovan Pietro Pinelli, 1671. P. 285–324.*
36. *Relazione della Moscovia di Alberto Vimina, 1657, edita per cura del dottor Guglielmo Berchet. Milano: Stabilimento Giuseppe Civelli, 1861. P. 9–33.*
37. *Relazione vera del modo di viver dell'ambasciatori Moscoviti venuti in Venezia l'anno 1656 li 21 genaro // Di Salvo M. La missione di I. Cemodanov a Venezia (1656-1657): Osservazioni e nuovi materiali // Di Salvo M. Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari / a cura di Alberto Alberti, Maria Cristina Bragone, Giovanna Brogi Bercoff, Laura Rossi. Firenze: Firenze University Press, 2011. P. 110–116.*

Литературные повести, сказания, хождения

38. *Одоление на Турское царство, или Слово дерзновенное на турки к благочестивейшему и непобедимому царю московскому государю Алексию Михайловичю // Уо Д. «Одоление на Турское царство» – памятник антитурецкой публицистики XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 33. С. 97–107.*
39. *Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 67–73.*
40. *Сказание об Индийском царстве / Подгот. текста, перевод и примеч. Прохоров Г. М. // Памятники литературы Древней Руси. М.: Наука, 1981. Т. 5: XIII век. С. 466–473.*

41. Троянская история // Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1972. С. 14–69.
42. Хождение на Флорентийский собор // *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 62–72.

Летописи

43. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Софийская Вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 463 с.

Прочие источники

45. Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1980. 409 с.
46. Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1983. 296 с.
47. Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов. Отв. ред. В. П. Вомперский. М.: Наука, 1996. 223 с.
48. Книга, глаголемая Урядник: Новое уложение и устройство чина Сокольничья пути // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773. Ч. 1. С. 399–447.
49. *Контарини Г.* О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат. и коммент. М.А. Юсима. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 222 с.
50. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. XXXVIII, 196, XX с.

51. *Сакетти Ф.* Новеллы / Перевод с итал. В.Ф. Шишмарева; изд. подгот. А.А. Смирнов, Д.Е. Михальчи, Т.В. Шишмарева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 392 с.
52. Указ государя царя Алексея Михайловича английским купцам // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: в типографии Н.С. Всеволожского, 1822. Ч. 3. С. 455–456.

Исследовательская литература

1. *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М.: Университетск. тип., 1864. Часть II. IV, 264 с.
2. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 477 с.
3. *Алпатов С. В.* «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2013. С. 55–65.
4. *Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б.* Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М.А. Бойцов. М.: РОССПЭН, 2016. С. 8–28.
5. *Аннинский С.А.* Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 г. // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 201–211.
6. *Аннинский С.А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. М.-Л., 1940. Вып. 3. С. 305–388
7. *Багров Л.С.* История русской картографии. М.: Центрполиграф, 2005. 522 с.

8. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 2: Германия и Италия. М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1896. VIII, 272 с.
9. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
10. *Белокуров С.А.* О Посольском Приказе. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1906. 170 с.
11. *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1902. Вып. 1. С. 87–294, 306 с.
12. *Беляков А.В.* Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: [сборник статей]. М.: ИРИ РАН, 2017. Вып. 8. С. 32–42.
13. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 367 с.
14. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / Науч. ред. А. А. Романова. М.: Индрик, 2021. 304 с.
15. *Бессонов П.А.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, Неблюшский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке: (По вновь открытым сведениям об нем). М.: Университетск. тип. (Катков и К^о), 1870. 86 с.
16. *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 880 с.
17. *Бойцов М.А.* Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 162–193.
18. *Бойцов М.А.* Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1574 г. // Средневековая Европа: Восток и Запад /

- Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. С. 327–364.
19. *Брикнер А.Г.* Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. // Русский вестник. 1877. Т. 128. С. 5–44; Т. 129. С. 560–607; Т. 130. С. 5–62.
20. *Ведюшкин В.А., Рычаловский Е.Е., Флоря Б.Н.* Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы. М.: Индрик, 2018. С. 21–68.
21. *Велувенкамп Я. В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: РОСППЭН, 2006. 312 с.
22. *Владышевская Т.Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. М.: Знак, 2006. 472 с., ил.
23. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
24. *Головин В.П.* Италия в восприятии русских путешественников второй половины XVII в. // Итальянский сборник: Quaderni italiani / Ред. В. Д. Дажиной. М.: НИИ теории и истории изобраз. искусств Рос. акад. художеств, 1999. Вып. 1. С. 104–120.
25. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко Второму путешествию Петра I. СПб.: Европейский Дом, 2021. 432 с.
26. *Гурлянд И.Я.* Иван Гебдон, комиссариус и резидент (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль: Тип. Губ. Правл., 1903. 95 с.
27. *Д’Амато Дж.* Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI вв.: Историко-библиографический очерк. М.: Русское слово, 1995. 152 с.
28. *Де Антига Р.* Венеция. Гавань Святых. СПб.: Алетейя, 2021. 156 с.

29. *Декруазетт Ф.* Повседневная жизнь в Венеции во времена Гольдони. М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2004. 288 с.
30. *Ди Сальво М.* «Посол больше вызвал удивление, нежели удивился сам». Об итальянской миссии И. Чемоданова // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. 19–21 октября 2006 года. Тезисы докладов. М.: Федеральное гос. учреждение культуры «Гос. историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль"», 2006. С. 114–115.
31. *Дубровский И.В.* Венеция, греки и Московское царство в начале Кипрской войны // Русский сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2015. Т. XVIII. С. 21–73.
32. *Дубровский И.В.* Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // Русский сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2013. Т. XIV. С. 7–72.
33. *Ерусалимский К.Ю.* Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 153–265.
34. *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Россия в середине XVII века. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе М.: Мысль, 1981. 181 с.
35. *Иванов Д.И.* Восточная Европа во внешней политике России середины XVII века: Русско-польские переговоры 1656 года: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 212 с.
36. История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 1. 567 с.

37. *Казакова Н.А.* «Исхождение» Авраамия Суздальского (списки и редакции) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 33. С. 55–66.
38. *Казакова Н.А.* Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 62–70.
39. *Казакова Н.А.* Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988. Т. 41. С. 268–288.
40. *Каптерев Н.Ф.* Приезд в Москву Иерусалимского патриарха Паисия в 1649 году // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1891. Ч. 47. Кн. 1. С. 178–237.
41. *Карданова Н.Б.* Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 828–865.
42. *Карданова Н.Б.* О некоторых особенностях коммуникации в ходе дипломатической миссии: переговоры 1655 г. в освещении дьяка Томило Перфирьева и венецианского посланника Альберто Вимины // III Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод». 19–25 июня 2015 г. Материалы: электронное издание. М., 2015. С. 135–148.
43. *Карнеев А.Д.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб.: Имп. О-во любителей древней письменности, 1890. 463 с.
44. *Кобзарева Е.И.* Россия и Вестфальская система (1648–1686) // Новая и новейшая история. 2014. №2. С. 144–165.
45. *Козляков В.Н.* Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. М.: Молодая гвардия, 2018. 650[6] с.

46. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1899. Серия 1. Вып. 1. 15 с., 32 табл.
47. *Кудрявцев О.Ф.* «Другой мир»: Характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: Из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сб. стат. в честь Виктора Леонидовича Малькова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 508–540.
48. *Кудрявцев О.Ф.* Визит поневоле: Россия Ивана III глазами венецианского посла Амброджо Контарини // Средние века. 2014. № 1-2 (75). С. 137–170.
49. *Кудрявцев О.Ф.* Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л.М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2003. С. 186–215.
50. *Кудрявцев О.Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., авт. ввводн. стат., прим., указ. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 6–34.
51. *Кудрявцев О.Ф.* О некоторых стереотипах восприятия России и русских в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4(74). С. 52–61.
52. *Кудрявцев О.Ф.* Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М.: МГИМО-Университет, 2020. 388 с.
53. *Кузенков П.В.* Свидетельства патриарха Фотия о нападении Руси на Константинополь в 860 г. и «первое крещение» Руси // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2000. № 1. С. 15–28.
54. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.
55. *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 319–347.

56. *Лукин П.В.* Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.
57. *Мазарчук Д.В.* «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292.
58. *Макушев В.В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. Флорентинский государственный архив. Приложение к XVI-му тому Записок Имп. Академии наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1870. № 5. 44 с.
59. *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 256 с.
60. *Матасова Т.А.* Европейский Север и Северо-Восток в представлениях русских и итальянцев в XIV – начале XVI в. // Средневековая Русь. 2012. Т. 10. С. 332–367.
61. *Матасова Т.А.* Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV – начала XVI в. // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М.: РОСППЭН, 2013. С. 76–91.
62. *Матасова Т.А.* Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 64–74.
63. *Матасова Т.А.* Русские посланники при папском дворе в Орвието зимой 1528 г., или почему в России закончилось «столетие итальянских влияний»? // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. Сб. науч. стат. СПб.: Алетейя, 2020. С. 252–263.
64. *Матасова Т.А.* Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV – первой трети XVI в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012. 284 с.

65. *Матасова Т.А.* Становление и развитие итальянской русистики в XX в. как научная проблема // Российская история. 2020. № 2. С. 186–190.
66. *Маццителли Г.* Очерки итальянской славистики: Книги, архивы, судьбы / Ред. и пер. с итал. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2018. 294 с.
67. *Молчановский Н.* Донесение венецианца Альберто Вимина о козаках и Б. Хмельницком (1656 г.) // Киевская старина. Киев, 1900. Т. 68. С. 62–75.
68. *Мухутдинов А.Р.* Специфика турецко-российских отношений в эпоху султана Сулеймана Кануни // Уральское востоковедение: международный альманах. 2018. Вып. 8. С. 43–50.
69. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
70. *Норвич Дж.* История Венецианской республики. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 862 с.
71. *Пирлинг П.* Альберто Вимина. Сношения Венеции с Украиной и Москвою. 1655–1663 // Русская старина. СПб., 1902. Т. 109. С. 57–70.
72. *Подосинов А.В.* Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015. 200 с., ил.
73. *Подосинов А.В.* Плиний Старший о локализации гипербореев // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. Т. 3. С. 241–251.
74. *Рагуништейн А.Г.* Пираты под знаменем ислама: морской разбой на Средиземном море в XVI – начале XIX века. М.: Вече, 2012. 287 с.
75. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М.: Международные отношения, 2003. 432 с.
76. *Русова Ю. С.* Источники поступления иностранных тканей в государеву казну для производства царской одежды в России XVII века // Преподаватель XXI век. 2018. № 3. Ч. 2. С. 259–272.

77. *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. 136 с.
78. *Скржинская Е.Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV веке) // Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 153–179.
79. *Скржинская Е.Ч.* Московская Русь и Венеция времен Ивана III (по русским летописям и венецианским источникам) // Там же. С. 180–237.
80. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1896. Кн. III. Т. 12. 1580 стб.
81. *Суворов Н.* Возвращение русского посольства из Венеции в Москву через Вологду в 1658 году // Вологодские епархиальные ведомости. 1868. №9. С. 240–250.
82. *Сукина Л.Б.* Человек верующий в русской культуре XVI–XVII вв. М.: РГГУ, 2011. 427 с.
83. *Талина Г.В.* Государь, государство, государственная служба алексеевской России. М.: Академический проект, 2022. 485 с.
84. *Тарнопольская И.О.* «Божественное право королей» и «контрактная теория»: монархическая идея на Западе и Востоке Европы в XVI–XVII веках // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2: Царь и царство в русском общественном сознании. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 49–58.
85. *Творогов О.В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 33. С. 3–31.
86. *Тимошина Л.А.* О месте столбцов XVII века в современной археографии // Вестник «Альянс-Архео». 2015. №9. С. 16–72.
87. *Торопицын И.В.* Роль голландцев в русско-итальянской торговле рыбными припасами во второй половине XVII века // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство. 2010. № 1. С. 54–61.

88. *Третьякова М.В.* Сведения о Венеции в статейных списках русских исполнителей дипломатических поручений XVI–XVII вв. // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. II. Ярославль, 2010. С. 51–54.
89. *Уо Д.К.* «Одоложение на Турское царство» – памятник антитурецкой публицистики XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 33. С. 88–107.
90. *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 254–297.
91. *Успенский Ф.И.* Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. № 11. С. 680–694.
92. *Федин А.В.* Идея благородного дикаря в «Иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 65–93.
93. *Филлюшкин А.И.* Как Россия стала для Европы Азией? // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2004. № 1. С. 191–228.
94. *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.
95. *Черная Л.А.* Европа как «Запад» в русском средневековом восприятии // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М.: РОСППЭН, 2013. С. 5–17.
96. *Черникова Т.В.* Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия. 2018. №1. С. 7–27.
97. *Черный В.Д.* Садовое искусство средневековой Руси. М.: Академический проект, 2023. 236 с., ил.

98. *Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индрик, 2011. 288 с.
99. *Чижев Ф.В.* Список и краткое содержание всех грамот, заключающих в себе отношения России с венецианской Республикой // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846. Год первый. № 4. С. 51–58.
100. *Шаипов Т.К.* Новые данные о венецианском посольстве Ивана Чемоданова и Алексея Посникова 1656–1657 гг. (по материалам РГАДА) // Клио. 2022. № 9 (189). С. 64–69.
101. *Шаипов Т.К.* Образы Венеции в русской культуре и дипломатии XV – середины XVII веков // Клио. 2023. № 2(194). С. 54–61.
102. *Шаипов Т.К.* Перья птицы гамаюна и «чюлки шолковые»: что русские послы привезли из Венеции в 1657 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 94–101.
103. *Шаипов Т.К.* Посольство И. Чемоданова 1656–1657 гг. и иноземные торговцы: опыт взаимодействия // Человеческий капитал. 2022. № 12 (168). Т. 1. С. 84–89.
104. *Шаипов Т.К.* Роль иноземных купцов в ходе посольства Ивана Чемоданова и Алексея Посникова 1656–1657 гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Десятой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декабря 2022 г.) / сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 170–175.
105. *Шаипов Т.К.* Русские послы в Италии в 1656–1657 гг.: споры о почестях // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы IX Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 23–24 нояб. 2021 г.) / сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. С. 155–159.

106. *Шамин С.М.* Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения – 6. Сборник статей / Отв. ред. М.В. Бибииков. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 75–86.
107. *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.: Альянс-Архео; СПб.: Контраст, 2011. 347 с.
108. *Шаркова И.С.* К истории русско-итальянских экономических связей в XVII в. // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 233–239.
109. *Шаркова И.С.* Посольство Чемоданова и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений: сб. ст. памяти акад. Е.В. Тарле. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1972. С. 207–224.
110. *Шаркова И.С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 208 с.
111. *Шаскольский И.П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Г. Истомы) // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. М.; Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1965. С. 7–30.
112. *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1985. 102 с.
113. *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова и Римская курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 1–24.
114. *Шмурло Е.Ф.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462–1528 // Записки Русского исторического общества в Праге. Нарва, Прага: Б/и, 1937. Вып. 3. Приложение IV. С. 91–136.
115. *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

116. *Ястребов Алексей, прот.* Испытание Востоком: Иерусалимская венециана // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2015. С. 17–40.
117. *Ястребов А.О.* Венецианские греки на русской службе в конце XVII – начале XVIII вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2019. 231 с.
118. *Ястребов А.О.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М.: Познание, 2018. 390 с.
119. *Ястребов А.О.* Святыни Венеции: православный историко-художественный путеводитель по базилике св. Марка и церквям Венеции: [маршруты паломничества]. М.: Познание, 2019. 398 с.
120. *Baron S.H.* Herbersten's Image of Russia and its Transmission through Later Writers // Siegmund Herberstein. Kaiserliche Gesandter und Begründer der Russlandkunde und die europäische Diplomatie / Hg. von G. Pferschy. Graz, 1989. S. 245–273.
121. *Bély L.* La société des princes, XVIe–XVIIIe siècles. Paris: Le Grand livre du mois, 1999. 651 p.
122. *Benzoni G.* Venezia e la Grecia // Il Veltro. Rivista della civiltà italiana 3-4 anno XXVII Maggio-Agosto 1983. P. 421–438.
123. *Brückner A.* Eine russische Gesandtschaftsreise nach Italien (1656–57) // Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig: Verlag von B. Elischer, 1887. P. 113–167.
124. *Caccamo D.* “Le Indie di Europa”: Polonia, Ucraina, Russia nella letteratura di viaggio e di esplorazione // Caccamo D. Roma, Venezia e l'Europa centro-orientale: ricerche sulla prima età moderna. Milano: FrancoAngeli, 2010. P. 352–364.
125. *Caccamo D.* Alberto Vimina in Ucraina e nelle “Parti settentrionali”: diplomazia e cultura nel seicento veneto. // Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est europeo. 1986. Vol. 5. P. 233–283.

126. *Caccamo D.* Etnologia seccentesca: il tacitismo di Alberto Vimina // Caccamo D. Roma, Venezia e l'Europa centro-orientale: ricerche sulla prima età moderna. Milano: FrancoAngeli, 2010. P. 471–482.
127. *Caccamo D.* Il teatro del Mar Nero e i primi rapporti russo-veneziani (aprile-maggio 1647) // Ibid. P. 263–285.
128. *Caccamo D.* L'Ucraina nelle fonti veneziane: jacquerie e formazione dello Stato // Ibid. P. 235–262.
129. *Chmiel P.* Rethinking the Concept of Antemurale: Venetian Diplomacy in respect of the Ottoman World (1573–1645). Roma: Accademia Polacca delle Scienze, 2019. 210 p.
130. *Crinò A.M.* Rapporti culturali, diplomatici e commerciali degli zar di Russia con i granduchi di Toscana e Venezia nel Seicento // Annali della Facoltà di Economia e Commercio in Verona [2nd series] 1 (1965–1966). P. 236–278.
131. *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia: Bilancio storico-bibliografico di un millennio. Padova: Officine grafiche Stediv, 1958. 792 p.
132. *D'Antiga R.* La comunità Greco-ortodossa di San-Giorgio in Venezia // Presenze ebraico-cristiane nelle Venezie / a cura di G. Dal Ferro. Vicenza, 1993. P. 83–98.
133. *Dal Borgo M.* The Republic of Venice and Russia: a diplomatic link lasting five Centuries // Davanzo Poli D. The Arts and Crafts of Fashion in Venice from the 13th to the 18th century, Государственный Русский музей, Ми-хайловский замок, СПб., июнь-июль 2005. С.106–109.
134. *De Vivo F.* How to Read Venetian “Relazioni” // Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme. 2011. Vol. 34. № 1/2. P. 25–59.
135. *Di Salvo M.* La missione di I. Cedomanov a Venezia (1656-1657): Osservazioni e nuovi materiali // Di Salvo M. Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari / a cura di Alberto Alberti, Maria Cristina Bragone, Giovanna Brogi Bercoff, Laura Rossi. Firenze: Firenze University Press, 2011. P. 97–116.

136. *Ellingson T.* The Myth of the Noble Savage. Berkeley: University of California Press, 2001. 445 p.
137. *Fairchild H.N.* The Noble Savage: A Study in Romantic Naturalism. New York: Columbia University Press, 1928. XII, 535 p.
138. *Fedalto G.* Influssi greco-bizantini nel Cristianesimo veneto // Greci e Veneti: sulle tracce di una vicenda comune. Atti del Convegno Internazionale. Treviso 6 ottobre 2006. Fondazione Cassamarca. P. 45–55.
139. *Fedalto G.* Le minoranze greche a Venezia: i greci // La chiesa di Venezia tra medioevo ed età moderna. Venezia: Studium Cattolico Veneziano, 1989. P. 205–215.
140. *Forsyth M.* Buildings for Music: the Architect, the Musician and the Listener from the Seventeenth Century to the Present Day. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 371 p.
141. *Giraud G.* La titulature des souverains moscovites dans la littérature historique et les documents diplomatiques vénitiens (XV-e – XVII-e siècles) // Annali di Ca' Foscari. Serie occidentale, 1–2 (31). 1992. P. 109–133.
142. *Giraud G.* Venezia e la Russia. 1472–1797: trionfi e tramonti a confronto // Volti dell'Impero Russo. Da Ivan il Terribile a Nicola I. Milano: Electa, 1991. P.53–62.
143. *Guarnieri G.G.* Il porto di Livorno e la sua funzione economica dalle origini ai tempi nostri, Pisa: Tipografia Alberto Cesari, 1931. 227 p.
144. *Guliyev A.* Venice's Ceremonial Treatment of the Ottoman and Safavid Envoys in Comparative Perspective // OTAM, 48 / Güz 2020. P. 85–109.
145. *Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. XII, 297 p.
146. *Jensen C., Maier I., Shamin S., Waugh D.* Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century. Indiana: Indiana University Press, 2021. XVI, 298 p.

147. *King M. L.* The Venetian intellectual world // A companion to Venetian History, 1400–1797 / edit. by E. R. Dursteler. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 571–614.
148. *Leitsch W.* Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the 16th and 17th Centuries – Some Observations on the Technique of Borrowing // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Bd. 24. Wiesbaden: Harrassowitz, 1978. S. 163–177.
149. *Lekhovich T., Orsi Landini R.* Ambascerie russe in Italia nel XVII secolo e rapporti fra « teste coronate » // *Lo Stile dello Zar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo*. Milano: Skira, 2009. P. 49–55.
150. *Licini P.* La Moscovia rappresentata. L'immagine «capovolta» della Russia nella cartografia rinascimentale europea. Milano: Guerini e associati, 1988. 247 p.
151. Livorno 1606–1806. Luogo di incontro tra popoli e culture / a cura di A. Prosperi. Torino: Allemandi, 2009. 494 p.
152. *Lo Gatto E.* Russia in Italia. Dal secolo XVII ad oggi, Roma: Editori Riuniti, 1971. 332 p.
153. *Longworth P.* Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 64. № 3 (Jul., 1986). P. 380–400.
154. *Manoussacas M.* I greci a Venezia // *Il Veltro*. Rivista della civiltà italiana 3-4 anno XXVII Maggio-Agosto 1983. P. 441–450.
155. *Mason N. D.* The War of Candia, 1645-1669. LSU Historical Dissertations and Theses. Louisiana, 1972. 282 p.
156. *Matteoni D.* Livorno. Bari-Roma: Laterza, 1988. 236 p.
157. *Mazzei R.* Un mercante al servizio della Serenissima Repubblica. Il «console» veneto Giuseppe Armano nella Livorno del Seicento // *Rivista Storica Italiana*. 2016. Vol. 128. № 3. P. 849–890.

158. *Mesotten L.* Taste of Diplomacy: Food Gifts for the Muscovite Embassy in Venice (1582) // *Legatio: The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies*. Vol. 1 (2017). P. 131–162.
159. *Mugnai B.* The Cretan War, 1645–1670: The Venetian-Ottoman Struggle in the Mediterranean. Warwick: Helion and Company, 2018. 277 p.
160. *Muir E.* Civic Ritual in Renaissance Venice. Princeton: Princeton University Press, 1981. XV, 357 p.
161. *Muir E.* The Anthropology of Venice // *A companion to Venetian History, 1400–1797* / edit. by E. R. Dursteler. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 487–512.
162. *Nicolai G.M.* Il grande orso bianco: Viaggiatori italiani in Russia. Roma: Bulzoni, 2000. 577 p.
163. *Olar O.* The Sons of Lucifer and the Children of Neptune: The Anti-Ottoman and Anti-Islamic Polemical Works of Gerasimos Vlachos // *Historiography in Ottoman Europe*. Working Paper No. 1. Bochum, 2018. P. 1–28.
164. *Orsi Landini R.* Note curiose in margine alle prime ambascerie russe in Italia // *Lo Stile dello Zar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo*. Milano: Skira, 2009. P. 57–59.
165. *Orsi Landini R.* Zibellini e drappi d'oro: influenze e prodotti di moda fra Italia e Russia // *Ibid.* P. 67–79.
166. *Panella A.* Ambasciatori moscoviti in Italia tre secoli fa // *Nuova Antologia*. LXXXI. 1954, fasc. 1847, P. 349–372.
167. *Pia Pedani M.* Ottoman Diplomats in the West: the Sultan's Ambassadors to the Republic of Venice // *Tarih Incelemeleri Dergisi*, 11 (1996). P. 187–202.
168. *Poe M.T.* “A People Born to Slavery”: Russia in early modern European ethnography, 1476 – 1748. Ithaca, New York, London: Cornell University Press, 2000. XIV, 293 p.

169. *Poe M.T.* Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, Ohio: Slavica Publ., 1995. 230 p.
170. *Pommier E.* Les italiens et la découverte de la Moscovie // Mélanges d'archéologie et d'histoire. École française de Rome. 1953. T. LXV. P. 247–283.
171. *Preto P.* Venezia e i Turchi. Roma: Viella, 2013. 374 p.
172. *Puccini V.* «Chi va lontan dalla sua patria vede /cose, da quel che già credea lontane»: la *Relazione della Moscovia* di Alberto Vimina // Critica Letteraria. Anno XLVIII. Fasc. 4. №189 / 2020. P. 781–794.
173. *Risaliti R.* I rapporti commerciali fra la Russia e la Toscana (Livorno) // Archivio Storico Italiano. 1978. Vol. 136. No. 3/4 (497/498). P. 483–498.
174. *Risaliti R.* Russi a Firenze e Toscana. Firenze: Brancato, 1992. 147 p.
175. *Rosa S.* Lettere diplomatiche inedite della Russia alla Serenissima (1655–1695). Università degli studi di Padova, Dipartimento di studi linguistici e letterari, 2014. 196 p.
176. *Rosand E.* Opera in Seventeenth-Century Venice: The Creation of a Genre. Berkeley: University of California Press, 1991. 710 p.
177. *Setton K.M.* Venice, Austria, and the Turks in the Seventeenth Century. Philadelphia: American Philosophical Society, 1991. 513 p.
178. *Sowerby Tracey A., Hennings J.* Introduction: Practices of diplomacy // Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800. Edited by Tracey A. Sowerby and Jan Hennings. London, New York: Routledge, 2017. P. 1–21.
179. *Tinniswood A.* Pirates of Barbary: Corsairs, Conquests and Captivity in the 17th-Century Mediterranean. London: Vintage books, 2011. 368 p.
180. *Todorov T.* On Human Diversity: Nationalism, Racism and Exoticism in French Thought. Cambridge, London: Harvard University Press, 1993. XVI, 424 p.

181. *Villani S.* A ‘Republican Englishman’ in Leghorn: Charles Longland // European context for English Republicanism / edit. by Gaby Mahlberg, Dirk Wiemann. London: Routledge, 2013. P. 163–177.
182. *Villani S.* Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // Nuovi Studi Livornesi, vol. XIV (2008). P. 37–95.
183. *Villani S.* Una finestra mediterranea sull’Europa: i «nordici» nella Livorno della prima età moderna // Livorno 1606–1806. Luogo di incontro tra popoli e culture / A cura di A. Prosperi. Livorno: Allemandi, 2009. P. 158–177.
184. *Watkins J.* Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe. // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2008. Vol. 38. № 1. P. 1–14.
185. *Wolf John B.* The Barbary Coast: Algeria Under the Turks, 1500 to 1800. New York: Norton, 1979. XII, 364 p.
186. *Βελοῦδης Ι.* Ελλήνων ορθοδόξων αποικία εν Βενετία. 2 έκδοση. Βενετία: τυπογραφείον Φοίνιξ, 1893. 199 s.
187. *Μαλτέζου Χ.* Οί αμπασαδόροι τής Μεγάλης Μοσχοβίας στη Βενετία καί ο Κρητικός Πόλεμος // Θησαυρίσματα 30 (2000). P. 9–20.
188. *Τατάκης Β.* Γεράσιμος Βλάχος ο Κρής (1605|7-1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία: Ελ-ληνικό Ινστιτούτο Βυζαντινών και Μεταβυζαντινών Σπουδών Βενετίας, 1973. 162 s.

Справочные издания и электронные ресурсы

189. *Арх. Августин (Никитин).* Ливорно [Электронный ресурс] // Нева. СПб., 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/19a.html> (дата обращения: 12.11.2022).
190. *Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

191. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1 (А–Б). 375 с.
192. Физиолог [Электронный ресурс] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4686#> (дата обращения: 18.01.2023).
193. *Boccolini A.* Viaggio e viaggiatori italiani nel Seicento: relazioni odepориче per una nuova geografia del vecchio continente [Электронный ресурс] // California Italian Studies. 2019. № 9(1). URL: <https://escholarship.org/uc/item/72h8k2bt> (дата обращения: 10.04.2023).
194. *Boerio G.* Dizionario del dialetto veneziano. Venezia: coi tipi di Andrea Santini e figlio, 1829. 802 p.
195. *Firpo L.* BOTERO, Giovanni [Электронный ресурс] // Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 04.10.2022).
196. Madonna Nicopeia at the Basilica di San Marco [Электронный ресурс] // Save Venice Inc. URL: <https://www.savevenice.org/project/madonna-nicopeia> (дата обращения: 16.01.2023).
197. *Mirto A.* MEDICI, Leopoldo de' [Электронный ресурс] // Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/leopoldo-de-medici_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/leopoldo-de-medici_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 02.03.2023).
198. *Villani S.* VILLERÉ, Leonardo [Электронный ресурс] // Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardo-villere_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardo-villere_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 05.12.2023).
199. *Zedler J. H.* Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste. Band 6. Leipzig und Halle: J.H. Zedler, 1733. Sp. 1123f.

Приложения

В приложения включены полный перечень и тексты некоторых делопроизводственных документов, хранящиеся в РГАДА. Фонд №41: Сношения России с Венецией. Оп. 1: Книги и дела. Д. 1: Отправление в Венецию в посланниках стольника Ивана Чемоданова да дьяка Алексея Посникова (1656–1658). Документы приведены в порядке их расположения в архивном деле.

Принципы публикации: номера листов выделены полужирным шрифтом и косыми чертами. Выносные буквы включены в строку и выделены курсивом. Сокращения под титлом раскрыты и включены в строку в квадратных скобках. Также в квадратные скобки включены восстановленные по смыслу буквы, слова и фрагменты слов. Конечный *ер* («ъ») опущен, восстановленный *ер* в середине слов заключен в квадратные скобки и выделен курсивом. Восстановленный *ерь* («ь») в середине и конце слов также заключен в квадратные скобки и выделен курсивом. Славянские буквы *ять* («ѣ»), *кси* («ѣ»), *фита* («ѳ»), *юс малый* («Ѧ»), и *десятеричное* («і») заменены буквами современного русского алфавита. Обозначающее согласный звук *и* заменено на *й*. Кириллические цифры заменены на арабские. С прописной буквы пишутся имена собственные и названия владений в царском титуле. В остальном орфографические особенности оригинала сохранены. Знаки препинания расставлены по нормам современной пунктуации. В примечаниях указаны внешние особенности текста: зачеркивания, надписи, исправления, повреждения, указание на восстановленные по смыслу буквы, слова и фразы и т. д.

Приложение 1. Перечень документов столбцового делопроизводства по организации посольства И.И. Чемоданова и А. Посникова

РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–247.

№	Листы	Тип и краткое содержание документа	Дата составления документа	Внешние особенности документа
1	1–11	Докладная выписка Посольского приказа о жалованье, запасах и подмоге посланникам прошлых лет	Не указана	На л. 11 дьяческая помета о размере жалованья для посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова
2	12	Записка о посылке памятей о жалованье, запасах и подмоге для посланников в Большой приход, Костромскую и Устюжскую чети	13 мая 1656	
3	13, 15	Докладная выписка Посольского приказа о выдаче посланникам стольнику Ивану Ивановичу Чемоданову и дьяку Алексею Посникову соболей сверх жалованья и для раздачи	Не указана	На полях дьяческие пометы, внизу л. 15 приписка об отправке памяти в Сибирский приказ
4	14	Память из Посольского приказа в Земский приказ думному дворянину Прокопию Кузьмичу Елизарову и дьяку Богдану Силину о выдаче посланнику И.И. Чемоданову жалованья по окладу	13 мая 1656	Есть исправления и зачеркивания
5	16	Память из Посольского приказа в Приказ Большой казны боярину Илье Даниловичу Милославскому о выдаче посланникам сто пудов ревеня	22 мая 1656	

6	17	Память из Посольского приказа в Сибирский приказ боярину Алексею Никитичу Трубецкому и дьякам Григорию Протопопову и Федору Иванову о выдаче посланникам десяти сороков соболей на покупку узорочных товаров.	28 мая 1656	Есть надпись на л. 17 об. со знаком вставки (+)
7	18–19	Докладная выписка Посольского приказа о жалованье и запасах переводчиков прошлых лет с дьяческой пометой о размере жалованья и запасов для переводчика Ивана Адамова	Не указана	Есть приписки между строк; на л. 19 дьяческая помет
8	20–20 об.	Память из Посольского приказа в Приказ Большого прихода окольничему Никите (Миките) Михайловичу Боборыкину (Бабарыкину) и дьякам Александру Дурову и Томилу Истомину о выдаче жалованья переводчику Ивану Адамову	23 июня 1656	Есть зачеркивания; внизу л. 20 и на л. 20 об. дьяческая помета о замене Ивана Адамова на Тимофея Топоровского в качестве переводчика
9	21	Челобитная дворян жильцов Ивана Власова и Федора Костюрина в Посольский приказ о выдаче им жалованья	Не указана	Оригинал
10	22–22 об.	Челобитная подьячего Стрелецкого приказа Фирса Байбакова в Посольский приказ о прибавке ему денежного жалованья	14 мая 1656 (?)	Оригинал
11	23–26	Докладная выписка Посольского приказа о жалованье дворян жильцов Ивана Власова и Федора Костюрина, подьячих Стрелецкого приказа Фирса Байбакова и Приказа Большого двorca Василия Орлова	Не указана	Внизу л. 26 две дьяческие пометы о размерах жалованья
12	27–29	Докладная выписка Посольского приказа о провианте для посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова	Не указана	

13	30–30 об.	Челобитная толмача Лазаря Циммерманова в Посольский приказ о выдаче ему жалованья и поденного корма	Не указана	
14	31–33	Память Посольского приказа о челобитной толмача Л. Циммерманова и выдаче ему жалованья и поденного корма	11 июня 1656 (?)	Л. 33 дьяческая помета о размере жалованья толмача
15	34–36 об.	Докладная выписка Посольского приказа о посольстве венецианца Альберто Вимины 1655 г.	Не указана	Конец л. 36, л. 36 об. – память думного дьяка А. Иванова посланникам о поведении на аудиенциях у венецианского дожа
16	37–38	Верительная грамота царя Алексея Михайловича венецианскому дожу Франческо Молине о посольстве И. И. Чемоданова и А. Посникова	7 июля 1656	Черновик, есть исправления; оригинал выдан посланникам
17	39–41	Проезжая грамота по государствам о пропуске посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова к венецианскому дожу	7 июля 1656	Черновик с пометой внизу о внешнем оформлении беловика грамоты
18	42–87	Царский наказ посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову	Июнь 1656	Черновик с многочисленными исправлениями, повреждены л. 52, 55, 60, 68, 69, 79, 86, 87. Оригинал выдан посланникам
19	88–90	Память посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову о продаже ревеня и соболей и покупке на вырученные средства «узорочных товаров» для царского обихода	Не указана	Черновик с исправлениями
20	91–91 об.	Челобитная посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о выдаче им в качестве жалованья мягкой рухляди	Не указана	Оригинал; на л. 91 об. дьяческая помета о выдаче
21	92	Записка о челобитной посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова о выдаче им в качестве жалованья	Не указана	

		мягкой рухляди		
22	93	Память в Разрядный приказ окольному Ивану Афанасьевичу Гавреневу и думному дьяку Семену Заборовскому о посылке в Венецию дворян жильцов И. Власова и Ф. Костюрина	14 июля 1656	
23	94	Роспись грамот, взятых с собой посланниками И.И. Чемодановым и А. Посниковым	Не указана	Черновик с исправлениями
24	95	Указная грамота из Посольского приказа вологодскому воеводе Андрею Васильевичу Волынскому и дьяку Савину Завесину о подготовке судов, кормчих и гребцов для посланников	10 июня 1656	
25	96–97	Указная грамота из Посольского приказа двинскому воеводе Петру Семеновичу Прозоровскому и дьяку Кузьме Мошнину о найме корабля для посланников и выдаче им денежного жалованья на проезд из таможенных сборов	10 июня 1656	Имеются многочисленные зачеркивания и исправления
26	98–99	Указная грамота из Посольского приказа вологодскому воеводе А.В. Волынскому и дьяку С. Завесину о выдаче провианта членам посольства	12 июня 1656	Имеются исправления, внизу л. 99 приписка «отдана посланником Ивану Чемоданову и дьяку»
27	100	Проезжая грамота по городам от Москвы до Архангельска	9 июля 1656	Черновик с исправлениями и зачеркиваниями; оригинал выдан посланникам
28	101	Указная грамота вологодскому воеводе А.В. Волынскому и дьяку С. Завесину о подготовке судов, кормчих и гребцов	9 июля 1656	Черновик с исправлениями; оригинал выдан посланникам
29	102–103	Указная грамота двинскому воеводе П.С. Прозоровскому и дьяку К. Мошнину о найме корабля и	9 июля 1656	Черновик; оригинал выдан посланникам

		выдаче жалованья на проезд посланникам		
30	104	Память из Посольского приказа в Ямской приказ окольничему Ивану Андреевичу Милославскому и дьяку Герасиму (Гарасиму) Головнину о выдаче стольнику И.И. Чемоданову прибавочных подвод	9/10 июля (?) 1656	Черновик
31	105	Память из Посольского приказа в Ямской приказ окольничему И.А. Милославскому и дьяку Г. Головнину о выдаче дьяку А. Посникову прибавочных подвод	10 июля 1656	Черновик
32	106–106 об.	Указная грамота из Посольского приказа двинскому воеводе П.С. Прозоровскому и дьяку К. Мошнину о найме подьячего и целовальника для царской соболойной казны	14 июля 1656	Черновик с исправлениями
33	107–107 об.	Челобитная толмача Л. Циммерманова в Посольский приказ о выдаче ему поденного корма	Не указана	На л. 107 об. дьяческая помета о размере поденного жалованья толмача
34	108–108 об.	Отписка вологодского воеводы А.В. Волынского и дьяка С. Завесина в Посольский приказ о подготовке судов, кормчих и гребцов для посланников	Не указана	Есть пометы на л.108 об.
35	109–109 об.	Челобитная переводчика Тимофея Топоровского в Посольский приказ о выдаче ему запасов	18 июля 1656	Оригинал
36	110–111 об.	Докладная выписка Посольского приказа по вопросу выдачи запасов переводчику Т. Топоровскому	19 июля 1656	Внизу л. 111 дьяческая помета о размере запасов
37	112	Указная грамота из Посольского приказа вологодскому воеводе А.В. Волынского и дьяку С. Завесину о выдаче запасов переводчику Тимофею Топоровскому	19 июля 1656	

38	113–114	Отписка вологодского воеводы А.В. Волынского и дьяка С. Завесина в Посольский приказ о выдаче запасов, найме судов и отсутствии дьяка А. Посникова и переводчика Т. Топоровского	Не указана	Л. 113 об. помета о ситуации с отсутствующими дьяком и переводчиком
39	115–116	Указная грамота из Посольского приказа вологодскому воеводе А.В. Волынскому и дьяку С. Завесину об отсутствии дьяка А. Посникова и переводчика Т. Топоровского	12 августа 1656	
40	117–118 об.	Отписка стольника И.И. Чемоданова в Посольский приказ об отсутствии дьяка А. Посникова в Вологде	3 августа 1656	На л 117 об. надпись об отправке грамоты ярославскому воеводе с наказом разыскать и отправить Посникова в Вологду
41	119–120	Указная грамота из Посольского приказа ярославскому воеводе Гавриле Константиновичу Юшкову и дьяку Ивану Чистого (?) о высылке дьяка А. Посникова к Вологде	Не указана	Л. 120 поврежден, конец документа отсутствует
42	121–122	Отписка стольника И.И. Чемоданова и дьяка А. Посникова в Посольский приказ о прибытии в Архангельск и отсутствии корабля для плавания в Венецию	Не указана	Есть пометы на л. 121 об.
43	123–125	Отписка вологодского воеводы А.В. Волынского и дьяка С. Завесина в Посольский приказ о прибытии дьяка и переводчика и их отправлении в Архангельск	Не указана	Есть надписи на л. 123 об., 124 об.
44	126–126 об.	Челобитная стольника И.И. Чемоданова в Посольский приказ с просьбой дать ему отсрочку от тяжбы в Московском судном приказе	10 мая 1656	Есть надпись на 126 об.
45	127	Память Посольского приказа в Сыскной приказ	15 мая 1656	Конец документа отсутствует из-за повреждения

		думному дворянину Афанасию Осиповичу Прончищеву и дьяку Ивану Зиновьеву о тяжбе И.И. Чемоданова		листа
46	128–129	Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова из Архангельска в Посольский приказ о благополучном возвращении из Венеции	Не указана	Оригинал; есть продольный разрыв л. 128
47	130–134	Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о безуспешных попытках продажи царской соболиной казны в итальянских городах	30 июня 1657	Оригинал; л. 133 незначительно смят вдоль по середине
48	135–140	Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о безуспешных попытках продажи бочек с ревенем в итальянских городах	30 июня 1657	Оригинал; л. 135 незначительно смят в верхней части
49	141–141 об.	Отписка дьяка А. Посникова в Посольский приказ о болезни стольника И.И. Чемоданова	Не указана	Оригинал
50	142–144	Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о даре венецианского дожа – сосуде с миром от мощей свт. Николая Чудотворца	Не указана	Оригинал
51	145	Указная грамота из Посольского приказа посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову о передаче сосуда с миром вологодскому воеводе Алексею Павловичу Еропкину	21 июля 1657	Черновик с исправлениями и зачеркиваниями
52	146	Указная грамота из Посольского приказа вологодскому воеводе А.П. Еропкину и дьяку С. Завесину с указанием принять у посланников сосуд с миром от мощей свт. Николая Чудотворца	21 июля 1657	Черновик с исправлениями и зачеркиваниями

53	147–149	Отписка стольника И.И. Чемоданова и дьяка А. Посникова в Посольский приказ о передаче 16 августа сосуда с миром от мощей свт. Николая Чудотворца вологодскому воеводе А.П. Еропкину и дьяку С. Завесину	19 августа 1657 (?)	Оригинал
54	150	Указная грамота из Посольского приказа ярославскому воеводе Григорию Лазаревичу Спешневу о необходимости пребывания посланников на карантине в своих деревнях до царского указа	24 августа 1657	Черновик с зачеркиваниями
55	151	Указная грамота из Посольского приказа посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову о необходимости их пребывания на карантине в своих деревнях до царского указа	24 августа 1657	Черновик
56	152–153	Отписка вологодского воеводы А.П. Еропкина и дьяка С. Завесина в Посольский приказ о принятии у посланников сосуда с миром от мощей свт. Николая Чудотворца 16 августа	Не указана	Оригинал
57	154–155	Отписка ярославского воеводы Г.Л. Спешнева в Посольский приказ об отъезде посланников к Москве и распоряжении вернуть их обратно	Не указана	Оригинал
58	156–156 об.	Записка рассыльного, посланного за посланниками для их возвращения в Ярославль	25 августа 1657	Оригинал; есть помета на л. 156 об.
59	157–159	Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о деталях пребывания на карантине и отправке документов посольства	Не указана	Оригинал; на л. 157 об. приписка с указанием посланникам пребывать в своих деревнях, остальным членам посольства – в Переславле Залесском

60	160–161	Отписка стольника И.И. Чемоданова и дьяка А. Посникова в Посольский приказ об отъезде в свои деревни до царского указа	Не указана	Оригинал; есть повреждения по правой кромке л. 160.
61	162–164	Указная грамота из Посольского приказа посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову об их пребывании в недалеких от Москвы деревнях и снятии копии со статейного списка	3 сентября 1657	Черновик с зачеркиваниями
62	165–168	Отписка стольника И.И. Чемоданова и дьяка А. Посникова в Посольский приказ с указанием деревень, где они будут пребывать до царского указа	19 сентября 1657	Оригинал; внизу л. 168 приписка об окончании карантина в январе 1658 г. и зачеркивания
63	169–173	Перевод с итальянского грамоты венецианского дожа Бергуччо Вальера царю Алексею Михайловичу	17 января 1658 (?)	Л. 170 незначительно смят в верхней части
64	174–179	Перевод с голландского грамоты голландских Генеральных штатов царю Алексею Михайловичу	19 января 1658 (?)	Л. 175, 176, 178 незначительно смяты
65	180–182	Роспись корма и содержания посольства И.И. Чемоданова в Венеции	Не указана	Составлена посланниками
66	183–185	Роспись посольских даров от венецианского дожа Бергуччо Вальера и тосканского герцога Фердинанда II Медичи	Не указана	Составлена посланниками
67	186–187	Роспись товаров, купленных посланниками И.И. Чемодановым и А. Посниковым в Венеции	Не указана	Составлена посланниками; наверху л. 186 приписка с датой подачи росписи в Посольский приказ (16 января 1658 г.)
68	188–193	Роспись корма и содержания посольства в Венеции и посольских даров от венецианского дожа Бергуччо Вальера и тосканского герцога Фердинанда II Медичи	Не указана	Составлена в Посольском приказе

69	194–203	Роспись посольских даров и товаров, привезенных посланниками И.И. Чемодановым и А. Посниковым с указанием, какие отданы в царскую казну	17 января 1658	Составлена в Посольском приказе
70	204–207	Роспись посольских даров и товаров, оставленных посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову	Не ранее 17 января 1658	Составлена в Посольском приказе
71	208–208 об.	Память Посольского приказа в Сибирский приказ боярину князю А.Н. Трубецкому и дьякам Г. Протопопову и Ф. Иванову об отсылке им десяти сороков соболей, выданных посланникам для покупки товаров	18 января 1658	Черновик со вставками и надписями на л. 206 об.
72	209–210	Отписка переславского воеводы Матвея Бибикова о проведении карантинных мероприятий членами посольства и их отпуске в Москву из Переславля Залесского	Не указана	Оригинал
73	211	Челобитная целовальника царской казны Вторки Леонтьева в Посольский приказ о выдаче ему подмоги	1 марта 1658	Оригинал; на л. 211 дьяческая помета об отправке соответствующей указной грамоты двинскому воеводе
74	212–212 об.	Указная грамота двинскому воеводе П.С. Прозоровскому и дьяку Илье Кириллову о выдаче подмоги целовальнику В. Леонтьеву	9 марта 1658	Черновик с зачеркиваниями; на л. 212 надпись со знаком вставки (+)
75	213–213 об.	Челобитная подьячего посольства Марка Тропинина в Посольский приказ о выдаче ему подмоги	4 марта 1658	Оригинал
76	214–220	Докладная выписка Посольского приказа о жалованье и подмоге подьячего М. Тропинина	Не указана	Л. 216, 218–220 повреждены. Конец отсутствует
77	221–230	Докладная выписка Посольского приказа об окладе и жалованье переводчиков посольств прошлых лет,	Не указана	Некоторые листы перепутаны

		жалованье и бегстве толмача посольства Л. Циммерманова		
78	231–238	Список с докладной выписки Посольского приказа о посольстве венецианца Альберто Вимины в 1655 году и посылке в Венецию ответного посольства И.И. Чемоданова и А. Посникова	Не указана	На листах следы потемнения от влаги. Конец отсутствует.
79	239–242	Докладная выписка Посольского приказа из статейного списка о проезде посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова из Венеции в Москву через имперские земли	Не указана	Частично надорван и смят л. 239, л. 242 в верхней части имеет следы потемнения
80	243–245	Список с отписки двинского воеводы П.С. Прозоровского и дьяка К. Мошнина в Посольский приказ о найме корабля и подьячего и отпуске посланников	Не указана	
81	246–247	Список с отписки посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ об отплытии из Архангельска на двух икряных кораблях	Не указана	

Приложение 2. Верительная грамота царя Алексея Михайловича венецианскому дожу Франческо Молину, выданная посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову

/Л. 37/ Б[о]жиею м[и]л[о]стию от великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великог[о] кн[я]з[я] Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского, ц[а]ря Казанского, ц[а]ря Астараханского, ц[а]ря Сибирского, г[о]с[у]д[а]ря Псковского и великого кн[я]з[я] Литовского, Смоленского, Тверского, Волынского, Подолского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, г[о]с[у]д[а]ря и великого кн[я]з[я] Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, [Вит]ебского¹, Мстиславского и всеа северныя с[т]раны² повелителя и г[о]с[у]д[а]ря Иверские земли Карталинских и Грузинских ц[а]рей и Кабардинские земли Черкасских и Горских кн[я]зей и иным многим г[о]с[у]д[а]рствам и землям восточным и западным и северным *отчича*, и *дедича*, и наследника, и г[о]с[у]д[а]ря, и облаадателя, честнейшему³ Францыскусу Молину, Б[о]жиею м[и]л[о]стию кн[я]зю Винеицкому и иных, н[а]ше ц[а]рского величества любительное поздравлен[ь]е. В нынешнем во 164 году писано в н[а]шей ц[а]рского величества грамоте к вам, Францыскусу кн[я]зю, с посланником /Л. 38/ вашим, с Албертусом Вымином, что о тех делех, о чем по вашему приказу *тот*⁴ посланник ваш об[ъ]являл, так *ж* и об иных делех, которые нам, великому г[о]с[у]д[а]рю, н[а]шему ц[а]рскому величеству, и вашему княжеству *належат*⁵, мы, великий г[о]с[у]д[а]рь, пошлем к вам н[а]шего ц[а]рского величества посланников и о всем с ним *накажем*⁶, и н[ы]не послали мы, великий г[о]с[у]д[а]рь, н[а]ше ц[а]рское величество, к вам, Францыскусу кн[я]зю, н[а]ших ц[а]рского величества посланников столника и наместника Переславского Ивана Ивановича Чемоданова да д[ь]яка Олексея

Посникова, и о чем они⁷ по н[а]шему ц[а]рского величества повеленью говорит[ь] вам учнут, и вам бы им в том верить и к нам, великому г[о]с[у]д[а]рю, отпустит[ь] их, не задержав, со всяким помогателством. Писан в г[о]с[у]д[а]рствия н[а]шего дворе в ц[а]рствующем граде Москве лета ⁸от Создания миру⁸ 7164-г[о] м[е]с[я]ца июля⁹ 7-г[о] дня.

Примечания: ¹следы кляксы, «Вит-» восстановлено по смыслу; ²следы кляксы, буква «т» восстановлена по смыслу; ³сверху над зачеркнутым «пресветлейшему»; ⁴сверху над «посланник»; ⁵далее зачеркнутое «пошлем»; ⁶«на-» приписано сверху над зачеркнутым «при-»; ⁷далее зачеркнутое «вам учнут говорит[ь]»; ⁸⁻⁸сверху над «7164»; ⁹сверху над зачеркнутым «мая».

Приложение 3. Проезжая грамота по государствам о пропуске посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова к венецианскому дожу

/Л. 39/ Б[о]жиею м[и]л[о]стию мы, великий г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, ц[а]рь Казанский, ц[а]рь Астараханский, ц[а]рь Сибирский, г[о]с[у]д[а]рь Псковский и великий кн[я]зь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подолский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, г[о]с[у]д[а]рь и великий кн[я]зь Новагорода Низовские земли, Черниговский Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, Витебский, Мстиславский и всеа Северныя страны повелител[ь], г[о]с[у]д[а]рь Иверския земли Карталинских и Грузинских ц[а]рей и Кабардинские земли, Черкасских и Горски[х]¹ князей и иным многим г[о]с[у]д[а]рствам и землям Восточным и Западным и Северным отчичь, и дедич[ь], и наследник, и г[о]с[у]д[а]рь, и облаадатель, /Л. 40/ великим г[о]с[у]д[а]рем королем, и арцыкн[я]зем, и курфистром, и графом, и

волным г[о]с[по]дам, и волных городов бурмистром, и ратманом, и полатником.

Послали мы, великий г[о]с[у]д[а]рь, наше ц[а]рское величество, с н[а]шею ц[а]рского величества грамотою к виницейскому Францышку кн[я]зю посланников н[а]ших, столника ²и наместника Переславского² Ивана Ивановича Чемоданова да д[ь]яка Алексея Посникова, и где им лучитца ехать которого великого г[о]с[у]д[а]ря короля, или арцыкн[я]зя, и курфистра, и графа, и волных г[о]с[по]д, и волных городов землями, водою или сухим путем, и вам бы для н[а]шег[о] ц[а]рского величества велет[ь] их³ пропускат[ь] везде безо всякого задержан[ь]я /Л. 41/ и зацепия, и всякое помогательство велети им чинит[ь], а мы, великий г[о]с[у]д[а]рь, н[а]ше ц[а]рское величество вашим людям, которым лучитца ехать н[а]шими великими г[осу]д[а]рствы, по тому ж чинить и н[а]шею ц[а]рского величества м[и]л[о]стью воздават[ь] велим, в чом будет возможно. Писан в г[осу]д[а]рствия н[а]шего дворе в ц[а]рствующем граде Москве лета от Создания миру 7164-г[о] году м[е]с[я]ца июля 7-г[о] дня.

Белые грамоты писаны на средней⁴ на александрейской бумаге, кайма без фигур, г[о]с[у]д[а]р[е]во имянован[ь]е писано по Московского золотом, подпис[ь] дьяч[ь]я на верующей без загибки, печатаны ц[а]рственною большою печат[ь]ю под гладкою кустодеею.

Примечания: ¹край листа поврежден, буква «х» восстановлена по смыслу; ²⁻²сверху над «Ивана Ивановича»; ³сверху над зачеркнутым «иво»; ⁴«с» исправлена более жирным почерком из «м» (?).

Приложение 4. Царский наказ посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову

/Л. 42/ Лета 164-г[о] июня¹ в [пропущено] день. Г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, велел столнику и наместнику Переславскому Ивану Ивановичю Чемоданову да диаку Алексею Посникову ехать к виницейскому кн[я]зю Францышскусу Молину в посланникех, а с ними² дворян два, Иван Власов да Федор Костюрин², переводчик Иван Адамов³ да Лазар[ь] Цымерманов³, да с ними под[ь]ячие Фирс Байбаков⁴.

А ехать им с Москвы в Ерославль да на Вологду, а с Вологды к Архангелскому городу, а с Архангелского города морем на икряном виницейском карабле в Виницею.

А по городом к воеводам об их /Л. 43/ отпуске от г[о]с[у]д[а]ря писано.

Да с ними ж послана г[о]с[у]д[а]р[е]ва проезжая грамота по г[о]с[у]д[а]рствам.

А на которых караблех от Архангелского города им итти, и о том послана г[о]с[у]д[а]р[е]ва грамота к Архангелскому городу⁵ к столнику ко кн[я]зю Петру Семеновичю Прозоровскому⁵ да ко диаку к Кузме Мошнину, а велено им, приговоря виницейской икряной карабль, отпустить их тотчас.

И столнику Ивану Ивановичю Чемоданову и диаку Алексею ехать с Москвы, не мешкая, а приехав на Вологду, взяти ему у воеводы у Андрея Волынского да у диака Савина Завесина суды, как мочно поднятца, и кормщиков, и гребцов, и ехать к Архангелскому городу, не мешкая. А которого числа на Вологду приедет и с Вологды поедет, и потом для ведома отписати к Москве к г[о]с[у]д[а]рю ц[а]р[е]в[и]чю и великому кн[я]зю Алексею Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя /Л. 44/ Росии.

А приехав к Архангелскому городу, говорити ⁶столнику и кн[я]зю Петру Семеновичю Прозоровскому⁶ и диаку, чтоб их отпустили в Винецкую землю на их винецком на икряном карабле, не мешкая.

Да как околничей и воевода и диак карабль им приготовить велят и с Архангелского города отпускают, и им ехать в Винецю.

А в котором числе к Архангелскому городу приедут и от Архангелского города пойдут за море и на ч[ь]ем карабле и что проведают у иноземцов, которые будут у Архангелского города из розных земель всяких вестей, что н[ы]не в немецких г[о]с[у]д[а]рствах делаетца, и им о том о всем отписати к г[о]с[у]д[а]рю ц[а]р[е]в[и]чю к Москве подлинно.

/Л. 45/ А как даст Б[о]г приедут к пристани во владен[ь]е к грандуки флоренского, и им послать к грандуке переводчика, а велет[ь] говорить, что посланы они от великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих г[о]с[у]д[а]рств и земель восточных и западных и северных отчича, и дедича, и наследника, и г[о]с[у]д[а]ря, и обладателя, от его ц[а]рского величества, к винецкому кн[я]зю Францышскусу, о его г[о]с[у]д[а]рских делех и о дружбе и что пристойит к покою хр[и]стианскому, а с ними послана во окр[е]стные г[о]с[у]д[а]рства к королем и ко кн[я]зем и ко владетелем ⁷-его ц[а]рского величества грамота⁷, что они для его ц[а]рского величества пропускали их к винецкому кн[я]зю без задержан[ь]я, и он бы, грандука, оказуя к великому г[о]с[у]д[а]рю, к его ц[а]рскому величеству, любов[ь] свою, отпустил их в Винецю без задержан[ь]я со всяким подмогателством, а которым их людем лучитца /Л. 46/ ехать ц[а]рского величества землями, и по м[и]л[о]сти ц[а]рского величества проезд им будет волной и всякое подмогателство им чинит[ь] учнут.

И велет[ь] показать грандуке г[о]с[у]д[а]р[е]ва проезжая грамота да послати к нему подарочок, что доведетца.

Да как флоренской грандука их в Винецю отпустит, и им ехать, не мешкая.

А приехав в Винецею, послать переводчика виницеиского кн[я]зя к думным людям, а велет[ь] говорит[ь], что посланы они от г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих г[о]с[у]д[а]рств и земель[ь] восточных и западных и северных отчича, и дедича, и наследника, и г[о]с[у]д[а]ря, и обладателя, от его ц[а]рского величества, /Л. 47/ к виницейскому кн[я]зю Францышскусу в посланникех о великих г[о]с[у]д[а]рских делех, и Францышскусу бы кн[я]зь велел им быть у себя вскоре.

Да как вииницейской кн[я]зь велит им быти у себя, и им к нему ехати, а о том приставу приказат[ь], чтоб в то время, как им быт[ь] на посолстве, иных г[о]с[у]д[а]рей послов и посланников у кн[я]зя не было.

А пришед ко кн[я]зю, сказати от г[о]с[у]д[а]ря⁸ ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца поздравлен[ь]е,

а молыть:

Б[о]га в Тро[и]це славимаго м[и]л[о]стию великий г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородцкий, ц[а]рь Казанский, ц[а]рь /Л. 48/ Астараханский, ц[а]рь Сибирский, г[о]с[у]д[а]рь Псковский и великий кн[я]зь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подолский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, г[о]с[у]д[а]рь и великий кн[я]зь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всеа северныя страны повелитель и г[о]с[у]д[а]рь Иверские земли Карталинских и Грузинских ц[а]рей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей и иных многих г[о]с[у]д[а]рств и земель восточных и западных и северных отчичь, и дедичь, и наследник, и г[о]с[у]д[а]рь, и облаадатель, вам, честнейшему⁹ Францышскусу, кн[я]зю Винецеискому и иных, велел свое ц[а]рского

величества здоров[ь]е сказати, а ваше здоров[ь]е видети. И поклонитис[ь] по обычаю рядовым поклоном.

/Л. 49/ И как виницейской кн[я]зь спросит про г[о]с[у]д[а]рево ц[а]рево и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, здоров[ь]е,

и Ивану Ивановичю и диаку молить: как мы поехали от великого г[о]с[у]д[а]ря н[а]шего¹⁰ ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и многих г[осу]д[а]рств и земел[ь] восточных и западных и северных отчича, и дедича, и наследника, и г[о]с[у]д[а]ря, и обладателя, от его ц[а]рского величества, и великий г[о]с[у]д[а]рь н[а]ш и его ц[а]рское величество на своих великих и преславных г[осу]д[а]рствах Росийского ц[а]рствия дал Б[о]г в добром здоров[ь]е.

Да подати кн[я]зю г[о]с[у]д[а]реву грамоту, а молить:

/Л. 50/ Великий г[о]с[у]д[а]рь, ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и многих г[осу]д[а]рств и земель восточных и западных и северных отчичь, и дедич, и наследник, и г[о]с[у]д[а]рь, и облаадател[ь], прислал¹¹ кн[я]зю свою ц[а]рского величества любительную грамоту.

А после того говорити кн[я]зю от г[о]с[у]д[а]ря речь, а молить:

Б[о]жию м[и]л[о]стию великий г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, и многих г[осу]д[а]рств и земель восточных и западных и северных отчичь, и дедичь, и наследник, и г[о]с[у]д[а]рь, и облаадатель, вам¹², Францышскусу кн[я]зю, велел говорити: в н[ы]нешнем во РХД году присылал к великому г[о]с[у]д[а]рю н[а]шему, к его ц[а]рскому величеству, вы, Францышкус кн[я]зь, посланника своего Албертуса Вимина¹³, /Л. 51/ поздравляючи великого г[о]с[у]д[а]ря н[а]шего, его ц[а]рского величества, на его ц[а]рского величества великих и преславных г[осу]д[а]рствах, и желая с великим г[о]с[у]д[а]рем н[а]шим, с его ц[а]рским величеством, совету и к любви

подвижности. И великий г[о]с[у]д[а]рь н[а]ш, его ц[а]рское величество, того¹⁴вашей честности¹⁴ посланника велел¹⁵ принять и речей у него¹⁶ выслушат[ь] м[и]л[о]стиво. А в[а]ше¹⁷, Францышка кн[я]зю, доброе тщание и усердное хотение к любительному совету принимает добрым аффектом, и по прошенью вашему¹⁸ о ссылке послы и посланники о совете ссылатися¹⁹ изволил, и подданным вашим²⁰ торговым людем своего ц[а]рского величества Росийского г[осу]д[а]рства к карабельной пристани к Архангелскому городу на ярманку со всякими товары приходить поволил и торговат[ь] поволною торговлю. А пошлины платить²¹ с товаров против иных г[осу]д[а]рств торговых людей, /Л. 52/ а лишних пошлин²²иных г[осу]д[а]рств перед торговыми людми²² с них имат[ь] не велел и отпущат[ь] их велел²³ без задержанья. И вам²⁴, Францышкосу²⁵ кн[я]зю, видя к себе великого г[о]с[у]д[а]ря н[а]шего, его ц[а]рского величества, к любви сходителство²⁶, так же его ц[а]рскому величеству дружбу свою и любовь оказали, в чем будет его ц[а]рскому величеству годно. А о иных г[осу]д[а]рственных делех, которые годны Росийскому ц[а]рствию²⁷и вашему²⁷ княжеству, указал²⁸великий г[о]с[у]д[а]рь н[а]ш, его²⁸ ц[а]рское величество, об[ь]явить в ответе,²⁹и вам бы, честнейшему Францышкосу кн[я]зю, велети тех дел у нас выслушат[ь] думным своим людем²⁹.

/Л. 53/ И будет Францышкус кн[я]зь позовет их к себе ести, и Ивану и дьяку ко кн[я]зю ести ехать, и то к нему приказати с приставы, чтоб у кн[я]зю в то время иных г[о]с[у]д[а]рей послов и посланников и гонцов не было.

А буде в то время будут³⁰иных г[осу]д[а]рств послы или посланники, и им ко кн[я]зю ести итти не пригоже,

а толко иных г[осу]д[а]рств послов и посланников у кн[я]зю не будет, и они за стол к кн[я]зю³⁰ехат[ь] готовы³⁰.

И как они будут у кн[я]зю за столом, и будет в стол или после стола учнет кн[я]зь пити /Л. 54/ чаши про здоров[ь]е великого г[о]с[у]д[а]ря, ц[а]ря и великого кн[я]зю Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и с[ы]на ево г[о]с[у]д[а]рева, бл[а]говерного

г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ревича и великого кн[я]зя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и Ивану и дьяку чаши пити,

а после г[о]с[у]д[а]ревы и ц[а]р[е]вичевы чаши пити им чашу про его кн[я]жое здоров[ь]е, и дворяном, которые с ними *будут*³¹, *пит[ь]* велет[ь].

/Л. 55/ А после того [...] ³² думным людям, чтоб они до кн[я]зя донесли, а кн[я]зь бы велел им быть у них, думных своих людей, в *ответе*.

Да как им в *ответе* быт[ь] велят, и им *пришед* в *ответ*, говорить:

Б[о]га в Тро[и]це славимаго м[и]л[о]стию великий г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, и многих г[осу]д[а]рств и земель восточных и западных и северных *отчичь*, и *дедичь*, и наследник, и г[о]с[у]д[а]рь, и *облаадатель*, прислал к княжскому велеможству их, посланников своих, а велел ему об[ъ]явить полского Яна Казимера и свейского Карл Густава королей неправды и вечному докончанью нарушен[ь]е.

В вечном докончанье ц[а]рского величества *отца*, бл[а]женные памяти великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Михаила Федоровича, всеа Руси само/Л.56/держца и многих г[осу]д[а]рств г[о]с[у]д[а]ря и *обладателя*, его ц[а]рского величества, и полского Владислава короля написано быти им обоим, великим г[о]с[у]д[а]рем, *меж* себя и их г[о]с[у]д[а]рским детем и наследником в *братцкой дружбе* и любви навеки неподвижно, и во всяких мерах друг другу лутчего искати, и во *всем правда* чинить. А ц[а]рского величества *имянован[ь]е* и *титло* во всяких писмах писати и *имяновати* по его г[о]с[у]д[а]рскому достоинству и по вечному докончанью.

/Л. 57/ И великого г[о]с[у]д[а]ря н[а]шего, его ц[а]рского величества стороны то вечное докончанье здержано крепко,

а королевские стороны то вечное докончанье при Владиславе короле, а после и при *брате* ево, при н[ы]нешнем Яне Казимере короле нимало не исполнено. Бл[а]женные памяти великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, и с[ы]на /Л. 58/ его г[о]с[у]д[а]рева, великого г[о]с[у]д[а]ря нашего ц[а]ря и великого кн[я]зя

Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, имянован[ь]е и титло в их королевских грамотах писано не сполна, а сенаторей их и урядников в листех писано со многим бесчестьем и с укоризною, а после, по королевскому и панов рад веленью, и в книгах напечатано против великих г[о]с[у]д[а]рей наших, и Московского г[осу]д[а]рства про бояр и про всяких чинов людей злые безчестья и укоризны и хулы, чего не токмо великим г[о]с[у]д[а]рем, хр[и]стианским помазанником Б[о]жиим, и простому ч[е]л[о]в[е]ку слышат[ь] и терпеть невозможно, и ни в которых не токмо во хр[и]стианских, но и в бусурманских г[осу]д[а]рствах и не³³ за вечным докончаньем таких нестерпимых досадительств не делаетца. И о тех королевских многих неправдах посылаемы от ц[а]рского величества к полским ко Владиславу и к Яну Казимеру королем послы и посланники и гонцы многие, и в королевских грамотах и в ответных /Л. 59/ писмах панов рад писано и соймом было утвержено и в констытуцыю напечатано, что за такие злые к ц[а]рскому величеству безчестья тех виновных людей, от кого такие злости чинилис[ь], карат[ь] горлом, а вперед было тому отнюд[ь] не быть. И с королевские стороны и по тем договорам и утверженью никакие справедливости не учинены, а отказывали в исправленье того дела смеяс[ь], и называли то³⁴ великое дело, г[осу]д[а]рскую ч[е]сть, бреднями, и ц[а]рского величества великих послов отпускали без дела. Также и иные многие неправды с королевские стороны были к явному нарушению вечного докончан[ь]я, за что отнюд[ь] терпеть было³⁵ невозможно.

/Л. 60/ И великий г[о]с[у]д[а]рь н[а]ш, его ц[а]рское величество, видя такие с королевские стороны многие неправды и нестерпимые досады и вечному докончан[ь]ю явное /Л. 61/ нарушен[ь]е, отписав о том в окр[е]стные г[осу]д[а]рства и призвав Б[о]га на помощь и оградяс[ь] силою кр[е]стною, учат[ь] против его, Яна Казимера короля, стоят[ь] и неправды его мстить.

И по м[и]л[о]сти Б[о]жией и заступлением Пр[е]ч[и]стые Б[о]г[оро]д[и]цы и всех св[я]тых м[о]л[и]твами у полского короля не токмо что искони вечные его г[о]с[у]дарские прародителские отчины, великия княжства Киевские и Смоленские и Черниговское и Полотцкое, которые неправдою от Московского г[осу]д[ар]ства были отторгнуты, н[ы]не праведно возвращены, но и вся Малая и Белая Рус[ь] и великого княжства Литовского столной город Вилна и иные многие имянитые воеводства и поветы и Волын[ь] и Подол[ь]е и в коруне Полской /Л. 62/ многие места под ц[а]рского величества высокую руку покорены, а иные добровольно³⁶ его ц[а]рскому величеству добились³⁷ челом и учинилис[ь]³⁸ в подданстве.

И в прошлом во 163 году писал к великому г[о]с[у]дарю нашему, к его ц[а]рскому величеству, брат ево государев любительной, великий г[о]с[у]дарь Фердинандус Третьей, Б[о]жиею м[и]л[о]стию Цесарь Римской, ц[а]рского величества с посланники, ³⁹-и после того с послы своими он, великий г[о]с[у]дарь н[а]ш³⁹, его ц[а]рское величество, для его цесарские братцкие⁴⁰ дружбы и любви и прошения⁴¹ с полским королем велел войну успокоит[ь] и учинит[ь] мир, а его цесарское величество хочет у того миру быть посредником.

И великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, по своему г[о]с[у]дарскому м[и]л[о]с[е]рдому обычаю и для желан[ь]я брата своего любительного, великого г[о]с[у]даря Фердинандуса, цесаря Римского, из великого княжства Литовского отступил и рати /Л. 63/ свои от войны велел до времени позадержать и над полскими людьми разорен[ь]я чинить не велел, ⁴²-а изволил великий г[о]с[у]дарь наш, его ц[а]рское величество, по прошен[ь]ю брата своего, великого г[о]с[у]даря, его цесарского величества, с полским королем о мире съезд учинити великими послами⁴².

⁴³-А свейской Карл Густав король, сведав полских и литовских людей⁴³ от ц[а]рского величества войск утружденных и ⁴⁴-розгнанных и всячески в изнеможении⁴⁴, не обослався с ц[а]рским величеством, наступил на корунные места войною и у ц[а]рского величества ратных людей дорогу перенял и

многие воеводства оболстил, будто он наступил на них по соединен[ь]ю с ц[а]рским величеством. И полские люди, будучи в неизможении и бояс[ь] конечного разорен[ь]я, поверя свейского короля лстивым речам, многие го/Л. 64/роды поздавали. А литовской гетман Радивил, будучи с королем одное люторские веры, с воиском своим полскому королю изменил, от[ь]ехал к нему, свейскому королю, и иных сенаторей и шляхту с собою презвал. И как уж свейской корол[ь] в коруне Полской многими места овладел, и в то время учал⁴⁵ сказывать, что он наступил на них за свои причины, а не по соединен[ь]ю с ц[а]рским величеством, и договоры чинил с корунными и литовскими гетманы, которые их имен[ь]я есть в великом княжстве Литовском в тех городех, которые н[ы]не за ц[а]рским величеством, и он, свейской король, те их имен[ь]я учнет⁴⁶ отыскивать им назад войною, ⁴⁷и давал в том свои королевские договорные грамоты за своею королевскою рукою, и тем он вечное докончанье с ц[а]рским величеством нарушил⁴⁷, и в те города /Л. 65/ и места, которые под царского величества высокую руку взяты *взят[ь]ем*, а иные добили челом, прислал на залогу своих свейских людей, и те их свейские люди ц[а]рского величества руским и литовским людем учили чинить многие обиды и задоры и смертные убивства и всякие злости. И во многих местех ц[а]рского величества города и земли ⁴⁸<заехали и осадили своими людьми>⁴⁸, /Л. 66/ и писатца и титловатца учили тем места, которые ц[а]рскому величеству на вечное подданство веру учинили⁴⁹.

/Л. 66 об./ ⁵⁰А как он, Карл Густав корол[ь], учинился на Свейском королевстве, и к великому г[о]с[у]дарю н[а]шему, к его ц[а]рскому величеству, присылал посланника своего государство свое об[ъ]явит[ь] и чтоб великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество⁵¹, с ним, Карл Густавом королем, вечное докончанье подтвердил⁵², а в грамоте своей⁵³ титла себе писал перед прежним, как прежней Густав корол[ь] в вечном докончанье писал, со многою прибыдкою. И великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, хотя вечное докончанье нерушимо содержать,

посланника его велел *принят[ь]* честно, так же⁵⁴ велел и *отпустит[ь]*, не задержав честно, а в грамоте своей великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, к нему, Карл Густаву королю, писал во всем⁵⁵ против тово, как он корол[ь] сам себя описует и с *новоприбылыми* титлами,

а он, Карл Густав корол[ь], против⁵⁶ великого г[о]с[у]даря н[а]шего, его ц[а]рского величества любительного *воздаяния* об[ъ]явился *недружбою*⁵⁰ /Л. 66/⁵⁷ великого г[о]с[у]даря н[а]шего, его ц[а]рского величества, *имянован[ь]*е и *титло* *пишет* не по его г[осу]д[а]рскому достоинству, что ему, великому г[о]с[у]дарю, дано *от* Б[о]га, и *от* прародителей, и во г[о]с[у]д[а]р[е]вых великих г[о]с[у]дарей, ц[а]рей⁵⁸ российских, и не сполна, и *порубежным* своим приказным людем ц[а]рского величества в города к воеводам сполна *писат[ь]* не велел,

а великого г[о]с[у]даря н[а]шего, его ц[а]рского величества стороны в его г[о]с[у]д[а]рских грамотах и *от* *порубежных бояр* в *порубежные* их города /Л. 67/ к генералом и к губернатором королевские *имянован[ь]*е и *титло* всегда *пишут* сполна, как он сам себя описует без всякого *умален[ь]*я, *сверх* вечного *докончанья* с прибавкою.

И о тех о всех королевских неправдах писано к нему, Карл Густаву королю, ц[а]рского величества в грамотах, и *от* *полковых бояр* и воевод к генералом в листех, *чтоб* в том во всем *исправьен[ь]*е учинили. И по тем ц[а]рского величества грамотам и по боярским листом с королевские стороны *исправьен[ь]*я никакова не учинено. А в *порубежных* местех *от* *свейских людей* *безпрестанные* задоры *чинятца*.

/Л. 68/ И великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, видя *свейского* Карл Густава короля *неправды* и *вечному* *докончан[ь]*ю *нарушен[ь]*е, *остерегая* и *оберегая* г[осу]д[а]рства своего, *пошел* со многими *ратми* в города великого княжства Литовского и Белоруское, *чтоб* *свейской* корол[ь] по *своему* *злому* *умышлен[ь]*ю, как они и всегда *извыкли* в *правде* своей не *стоят[ь]*⁵⁹, и над теми б ц[а]рского величества *новоприемными* городами *зла* никакова не учинил, и *буде* ⁶⁰-к великому г[о]с[у]дарю

н[а]шему, к его ц[а]рскому величеству, свейской корол[ь] в неправдах своих исправленья не учинит⁶⁰ и злаго своего начинания не *отстанет*, ⁶¹-и великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество злому⁶¹ ⁶²-<его начинанью терпети не учнет, государства свои учнет оборонять,>⁶² /Л. 69/ ⁶³сколко м[и]л[о]с[е]рд[н]ый Б[о]г помощи⁶⁴ подаст.

⁶⁵И чтоб Францышкус княз[ь] к ц[а]рскому величеству любов[ь] свою и доброходство показал, прислал к его ц[а]рскому величеству на вспоможен[ь]е ратным людем займы казны золотых или ефимков, сколко ему мочно. А великий г[о]с[у]дарь, его ц[а]рское величество, примет то в великую любов[ь] и против того учнет ему *воздават[ь]* своею г[о]с[у]д[а]рскою дружбою и любов[ь]ю, в чем *будет* возможно.

/Л. 70/ Да буде Францышкус кн[я]зь казны займы дать⁶⁶ похочет, и посланником говорить, чтоб они ту казну послали к ц[а]рскому величеству с своим посланником вскоре, а с кем пошлют, и тому по указу ц[а]рского величества дадут в той казне письмо.

А буде о казне учнут *отговариватца*, что у них война *ведетца* с турским давно и многая казна на ратных людей вышла, а н[ы]не у них та война не унялас[ь] же, и им н[ы]не казны дать нечево,

и посланником *говорит[ь]*, *буде* им н[ы]не к ц[а]рскому величеству казны *послат[ь]* невозможно, и они *б* ц[а]рскому величеству дружбу свою и любов[ь] оказали в ыных мерах, в чом *буде* ц[а]рскому величеству годно вперед.

Да посланником *же* *говорит[ь]*: как был у великого г[о]с[у]даря н[а]шего, у его ц[а]рского /Л. 71/ величества, Францышкуса кн[я]зя посланник Албертус Вымен, и по его кн[я]жему приказу говорил: в прежних де годех бл[а]женные памяти при великом г[о]с[у]даре ц[а]ре и великом кн[я]зе Иванне⁶⁷ Васил[ь]евиче, всеа Русии самодержце, ходили они, виницеяне, на турок, и многую им шкоту учинили, да и н[ы]не они с турком *воюютца* ж за то, что бусурманы православным хр[и]стияном чинят злое гонение и поругание, и вперед вы на них *стоят[ь]* хотите крепко, и *бьют*

челом великому г[о]с[у]дарю н[а]шему, его ц[а]рскому величеству, Францышкус кн[я]зь и статьи, чтоб ц[а]рское величество для избавы хр[и]стиянские изволил послат[ь] на турка с своей стороны донских казаков, и как будут наши *ж* воиска на⁶⁸ одной стороны, и им будет тяжело против такие воины стоять.

И великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, велел о том об[ъ]явить, что он, великий г[о]с[у]дарь, его ц[а]рское /Л. 72/ величество, всегда о том ⁶⁹-тщание имеет⁶⁹, чтоб православное хр[и]стиянство из бусурманских рук высвободит[ь], толко н[ы]не его ц[а]рскому величеству начати того дела нельзе, потому что н[ы]не его ц[а]рское величество /Л. 73/ пошол на неприятеля своего, а как за помощью Б[о]жиею с неприятелем своим управитца, и в то время его ц[а]рское величество о том деле, как на того общего хр[и]стиянского неприятеля и врага Кр[е]ста Хр[и]ст[о]ва стояти и мучителство и кровь хр[и]стиянской мстити, со Францышкусом кн[я]зем ссылку и договор учинить велит.

⁷⁰Да говорит[ь]⁷¹ думным людем, что по указу ц[а]рского величества велено на его г[о]с[у]дарев обиход купит[ь] узорочных товаров, аксамитов и бархатов двоєморхих и гладких добрых, ⁷²-и иных товаров, которые годны ц[а]рского величества казне⁷², и они им те товары купить поволил безпошлинно, ⁷³-а что буде Францышкусу кн[я]зю надобно будет в ц[а]рского величества Росийском г[о]с[у]дарстве каких товаров, и ц[а]рское величество за то не постоит⁷³.

/Л. 74/ Да после *ответов* приказывал ко Францышкусу кн[я]зю и к думным ево людем, чтоб их велел отпустит[ь] не задержав, на которые места ближе и подалнее со всяким помогателством, и лист свой к ц[а]рскому величеству с ними послал, а в том бы листу ц[а]рского величества имянован[ь]е и титло написано было сполна против его ц[а]рского величества грамоты с новоприбылыми титлы.

А как их Францышкус кн[я]зь велит быт[ь] у себя на отпуске, и им по тому ж приказыват[ь], чтоб у него в то время, как им быт[ь], иных г[осу]д[а]рств послов и посланников и гонцов не было.

А будет княжие думные люди учнут их спрашиват[ь], для чего ц[а]рское величество н[ы]не новоописуетца⁷⁴ земель⁷⁵ восточных и западных /Л. 75/ и северных отчичь, и дедичь, и наследник,

и посланником Ивану и дьяку Алексею говорит[ь], что то дело не новое, и наперед сего теми титлами великого г[о]с[у]даря н[а]шего, его ц[а]рского величества, прадед, бл[а]женныя памяти великий г[о]с[у]дарь ц[а]рь и великий кн[я]зь Иван Васил[ь]евичь всеа Русии, описывался ж, потому что за великим г[о]с[у]дарем н[а]шим в тех странах г[осу]д[а]рства есть: на востоце ц[а]рства великие Казанское и Астараханское, а на западе и на севере Сибирское ц[а]рство и иные многие города и места которые [...] ⁷⁶, и те страны всегда великие г[о]с[у]д[а]ри российские в полных титлах писалися непременно, и потому тем титлом великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество, писатца изволил⁷⁷. А н[ы]не великому г[о]с[у]дарю н[а]шему, его ц[а]рскому величеству, Б[о]г поручил и сверх тово великое княжество Литовское все, и коруны Полские многие города, и Малая и Белая Рус[ь], и Волынь и Подолое – все за великим же г[о]с[у]дарем н[а]шим, и что ему, великому г[о]с[у]дарю, Б[о]г подал и тем за что не писатца. Да и во всех /Л. 76/ великих г[осу]д[а]рствах то повелос[ь] издавна: которому г[о]с[у]дарю сколько г[осу]д[а]рств и земель Б[о]г подаст и чем хто владеет, тем и пишутца, а великому г[о]с[у]дарю н[а]шему, его ц[а]рскому величеству, что Б[о]г дал, и без его Б[о]жии воли никто у него, г[о]с[у]даря, того не отымет. Да и изо⁷⁸ окрестных г[осу]д[а]рств, с которыми великими г[о]с[у]дари у великого г[о]с[у]даря н[а]шего, у его ц[а]рского величества, ссылка, а имянно брат ево г[о]с[у]д[а]р[е]в, великий г[о]с[у]дарь Фердинандус цесар[ь] римской, в его г[о]с[у]д[а]рском титле восточных и западных и северных стран г[осу]д[а]рства описует сполна ж во всем, потому как он, великий г[о]с[у]дарь, в своих г[о]с[у]д[а]рских грамотах сам свое г[о]с[у]д[а]рское

титло описует, а иные окрестные великие г[о]с[у]дари пишут по тому ж, и чтоб он, Францышкус княз[ь], для г[о]с[у]д[а]рские дружбы и любви и в своей грамоте ц[а]рского величества г[о]с[у]д[а]рское титла велел написат[ь] по тому ж, как великий г[о]с[у]д[а]рь н[а]ш, его ц[а]рское величество, /Л. 77/ сам себя описует безо всякого умален[ь]я.

/Л. 78/ Да однолично Ивану и дьяку Алексею о том княжим людям говорит[ь] накрепко и на то их навести, чтоб однолично г[о]с[у]д[а]рево титло в его грамоте написано было против ц[а]рского величества грамоты, и вперед[ь] бы в своих грамотах к ц[а]рскому величеству княз[ь] писал г[о]с[у]д[а]рское титло по тому ж.

А будет думные люди учнут говорить, для чего на агличанах велено иметь пошрины, а им по г[осу]д[а]рским жаловальным грамотам велено истари торговат[ь] беспошлинно, да они ж из Московского г[осу]д[а]рства высланы, а галанцы торговые люди оскорблены ж, положена пошлина большая, и они того ж опасаютца, чтоб и на них так же лишних пошрин не было,

и посланником Ивану и дьяку Алексею говорит[ь]: на аглинских гостех и на торговых людех по г[о]с[у]д[а]рскому указу велено имат[ь] пошрины так же, что и с русских /Л. 79/ и з галанских и иных окрестных г[осу]д[а]рств з гостей и с торговых людей, потому что они, агличаня, и з давних лет и дон[ы]не по г[о]с[у]д[а]рскому м[и]л[о]с[е]рдому жалован[ь]ю на Двине у Архангелского города и по всем городом в Московском г[осу]д[а]рстве всякими товары торговали <везде беспошлинно>⁷⁹ многие лета, да не токмо они сами гости и торговые люди, и прикащики ж многие люди торговали беспошлинно ж, а бл[а]женные памяти великого г[о]с[у]д[а]ря н[а]шего ц[а]ря и великого кн[я]зя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, и отца ево г[о]с[у]д[а]р[е]ва, великого г[о]с[у]д[а]ря святейшаго патриарха Филарета Никитича, Московского и всеа Русии, по жаловальной грамоте велено было им, агличаном, за беспошлинной и волной торг привозит[ь] в Московское г[осу]д[а]рство всякие товары: сукна, камки, отласы, тафты

добрые по прежнему, как бывало наперед сего, чтоб камки и тафты были телны и сукна густы и в мере не малы и в моченье⁸⁰ /Л. 80/ не бегучи. И они, забыв г[о]с[у]д[а]рское м[и]л[о]стивое жалован[ь]е, что им дан был в Росийском г[осу]д[а]рстве безошлинной и волной торг, учали привозит[ь] в Московское г[осу]д[а]рство сукна и иные товары не добрые, не против прежнего, каковые были преже сего настрафили добрые и кострыши, а н[ы]не и лундыши не таковы, так же и иные товары перед прежним во всем хуже, а из Московского г[осу]д[а]рства товары всякие вывозят во всем против прежнего, ничем не переменялос[ь]. Да в г[о]с[у]д[а]рской же жаловальной грамоте написано: которые узорочные и всякие товары у них будут в привозе к Архангелскому городу и к Москве, а понадобятся ис тех товаров взят[ь] ц[а]рского величества в казну, и им те товары дават[ь] было ц[а]рского величества в казну по своей по заморской по прямой цене, без прибытку. И они, агличаня, по г[о]с[у]д[а]рской жаловальной грамоте того николи не дельвали, узорочных и иных своих товаров, которые в ц[а]рского величества /Л. 81/ казну понадобятся, по прямой по заморской цене николи не даывали, а продавали товары свои в г[о]с[у]д[а]реву казну сверх торговой прямой цены з большою прибыл[ь]ю. Да и аглинских гостей, которым г[о]с[у]д[а]рева жаловальная безошлинная грамота дана, и их наследников никоно нет,⁸¹ и потому на них пошлина велено имат[ь]⁸¹.

Да в г[о]с[у]д[а]рской же в жаловальной грамоте написано: Архангелского города таможенным головам и целовалником товары свои, у ково сколько будет, приехав к Архангелскому городу, в привозе об[ь]являти и в росписях писат[ь] все сполна, не утая ничего, а что утаят или чюжие товары назовут своими, и на том, хто так учинит, велено имат[ь] на г[о]с[у]д[а]ря за протамож[ь]е пеня болшая. И они, агличаня, товары свои, которые у них бывають в привозе к Архангелскому городу, таможенным головам и целовалником об[ь]являли и в росписях своих писали не все сполна и многие товары /Л. 82/ таили, а за то им и по ся места от ц[а]рского

величества никакова наказан[ь]я не бывало, и товаров их в протамож[ь]е не имывано,

да они *ж*, агличаня, привозили в Московское г[осу]д[а]рство тайно табак и иные многие заповедные товары, а из Московского г[осу]д[а]рства, покупая у иноземцов шолк сырец и всякие товары, вывозили к себе за море тайным же обычаем,

да и в ыных во многих стат[ь]ях агличан неправды об[ь]явились многие, и за то на них и пошлыны по ц[а]рского величества указу имат[ь] велено.

А из Московского г[осу]д[а]рства высланы они за то, что они учинили злое дело, г[о]с[у]д[а]ря своего аглинского Карлуса короля убили, и за то им ни в которых г[осу]д[а]рствах быт[ь] не годитца, /Л. 83/ а торговать им велено у Архангельского города. А з галанцов и с амбурцов по указу ц[а]рского величества пошлыну емлют прямую, таковую *ж* как емлют и Московского г[осу]д[а]рства с руских с торговых людей во всем ровно.

А с их виницейских купецких людей с товаров указал ц[а]рское величество свою г[о]с[у]д[а]р[е]ву пошлыну имат[ь] во всем против своих г[о]с[у]д[а]р[е]вых торговых людей без прибавки, и оскорбленья им ни в чем отнюдь не будет, в том бы они на м[и]л[о]сть ц[а]рского величества были надежны.

А будет учнут спрашиват[ь], как н[ы]не г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, с цесарем римским и со французским короли и з галанскими статьи и з бусурманскими г[о]с[у]д[а]ри с турским салтаном и з шахом персидцким и с крымским царем,

и посланником Ивану и дьяку Алексею /Л. 84/ говорит[ь]: великий г[о]с[у]д[а]рь н[а]ш, его ц[а]рское величество, со всеми с теми окрестными великими г[о]с[у]д[а]ри в дружбе и в любви и в сылке, а недруга ему, великому⁸² г[о]с[у]д[а]рю, никого нет.

А *будет* учнут спрашиват[ь] о иных о каких делех, чего в сем г[о]с[у]д[а]р[е]ве наказе не написано, и им *ответ держат[ь]*, смотря по делу, и говорит[ь] остерегательно, чтоб г[о]с[у]д[а]р[е]ву имени было к чести и к повышен[ь]ю, а Московскому г[о]с[у]д[а]рству ко всякому добру. А *будет* чего не ведают, а *хоти* и *ведают*, а учнут спрашиват[ь] о великих делех, и им о том *отговариватися*, что им про те дела слышат[ь] не лучилос[ь], а что с ними поговорят, и им то велети записат[ь].

А о которых *будет* делех⁸³, которые в сем наказе написаны в запас⁸⁴, спрашиват[ь] не учнут, и им самим про то не всчинати и не говорить.

А *будет* судом Б[о]жиим, едучи в Винецею, в дороге или в Галанской земле до посолства Ивана в животе не *станет*, /Л. 85/ и дьяку Алексею приказыват[ь] с приставы к Францышкусу кн[я]зю, что присланы были *от* великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, *от* его ц[а]рского величества, к нему, Францышкусу кн[я]зю, о г[о]с[у]д[а]р[е]в[ых]⁸⁵ делех и о дружбе и о любви, в посланник[ех]⁸⁶ столник и наместник Переславский Иван Иванович Чемоданов да он, дьяк Алексей. По приказу великого г[о]с[у]д[а]ря н[а]шего, его ц[а]рского величества, велено было им г[о]с[у]д[а]рское дело делати вместе, и судом Б[о]жиим Ивана не стало, и ему, Алексею, по ц[а]рского величества указу велено делат[ь] и одному то *ж*, что было им обоим делат[ь], и они *б* сказали о том кн[я]зю, чтоб он велел ему быт[ь] у себя на посолстве, не мешкав, и говорити о том приставом, не *замотчав*.

Да как княз[ь]⁸⁷ велит дьяку Алексею быт[ь] у себя на посолстве,

и дьяку Олексею ко кн[я]зю на посолство /Л. 86/ *итти*, и *от* великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, кн[я]зю посолство правит[ь], и грамоту подать, и речь говорит[ь], и г[о]с[у]д[а]р[е]во дело делат[ь] ⁸⁸[...] г[о]с[у]д[а]р[е]ву наказу как было им [...] с Ываном вместе, /Л. 87/ [...] однолично [...] [...]тя *от* того кому что и д[...] [...]ро⁸⁸ *ведат[ь]* подлинно, и списков с те[х]⁸⁹ со всех грамот добитца. А *проведав* про то подлинно,

напишат[ь] в статейной список и с грамот списки привести с собою вместе к г[о]с[у]д[а]рю к Москве и отдаст[ь] в Посолском приказе думному дьяку Алмазу Иванову.

Примечания: ¹сверху над зачеркнутым «мая»; ²⁻²сверху над зачеркнутым «Иваном послан Посолского приказа»; ³⁻³сверху над следующим словом; ⁴далее зачеркнутое «да Василий Орлов да переводчик Лазарь Цымерманов»; ⁵⁻⁵сверху над зачеркнутым «к околничему и воеводе к Борису Ивановичю Пушкину»; ⁶⁻⁶сверху над зачеркнутым «околничему и воеводе к Борису Ивановичю Пушкину»; ⁷⁻⁷сверху над следующими словами; ⁸сверху над следующим словом; ⁹сверху над зачеркнутым «пресветлейшему»; ¹⁰приписано сбоку основного текста; ¹¹далее зачеркнутое «к тебе великому»; ¹²сверху над зачеркнутым «тебе»; ¹³сверху над «Молина», у которого зачеркнуты первые четыре буквы, приписано «Вими-», «-на» не зачеркнуто; ¹⁴⁻¹⁴сверху над зачеркнутым «его»; ¹⁵сверху над следующим словом; ¹⁶далее зачеркнуто «велел»; ¹⁷сверху над следующим словом; ¹⁸сверху над зачеркнутым «его»; ¹⁹сверху над предыдущим словом; ²⁰сверху над зачеркнутым «их»; ²¹сверху над зачеркнутым «имат[ь]»; ²²⁻²²вписано сверху и справа на полях; ²³сверху над зачеркнутым «велено»; ²⁴сверху над следующим словом; ²⁵далее зачеркнутое «бы»; ²⁶сверху над зачеркнутым «склонность»; ²⁷⁻²⁷сверху над зачеркнутым «и его»; ²⁸⁻²⁸сверху над «ц[а]рское величество»; ²⁹⁻²⁹вписано между зачеркнутым «и Францышкус бы кн[я]зь велел у него тех дел выслушат[ь] думными своим людем; кому ваша честност[ь] тех дел велит выслушат[ь]»; ³⁰⁻³⁰сверху над зачеркнутым «поедут»; ³¹далее зачеркнуто «подать»; ³²лист смят, надпись неразборчива; ³³вставлено сверху; ³⁴сверху над замаранным; ³⁵вставлено сверху; ³⁶далее зачеркнутое «хотели»; ³⁷«ли» надписано над зачеркнутым «ть»; ³⁸«ли» надписано над зачеркнутым «тца»; ³⁹⁻³⁹сверху над «его ц[а]рское»; ⁴⁰сверху над зачеркнутым «любительные»; ⁴¹сверху над «с полским»; ⁴²⁻⁴²вписано мелким почерком; ⁴³⁻⁴³, ⁴⁴⁻⁴⁴вписано между зачеркнутыми строками «И

сведать, что великий г[о]с[у]дарь н[а]ш, его ц[а]рское величество по прошен[ь]ю брата своего, цесарского величества, из Вилны отступил, и войска свои от войны велел задержать, а полских людей, видя». После следует также зачеркнутое «а иных под ц[а]рского величества высокую руку клоня, король»; ⁴⁵сверху над зачеркнутым «начал»; ⁴⁶сверху над зачеркнутым хотел; ⁴⁷⁻⁴⁷сверху над зачеркнутым «не памятуя вечного докончан[ь]я»; ⁴⁸⁻⁴⁸конец л. 66 оборван, фраза восстановлена по: ПДС, Т. X. СПб., 1871. Стб. 1062; ⁴⁹слева в начале строки – знак вставки «(+»»; ⁵⁰⁻⁵⁰Текст под знаком вставки «(+»»; ⁵¹далее зачеркнутое «был с ним»; ⁵²далее зачеркнутое «а писал а титла себе»; ⁵³далее зачеркнутое «писал»; ⁵⁴далее зачеркнутое «и отпустил»; ⁵⁵сверху над зачеркнутым «и с новоприбылыми тит»; ⁵⁶далее зачеркнутое «такова»; ⁵⁷зачеркнутый текст «Да он же, Карл Густав корол[ь], исполняя свою злобу»; ⁵⁸сверху над «г[о]с[у]дарей»; ⁵⁹далее зачеркнутое «... паходам ... государева под свою руку подбивать» (требуется расшифровки); ⁶⁰⁻⁶⁰, ⁶¹⁻⁶¹сверху между строками и над зачеркнутым «свейской король не ...» (требуется расшифровки); ⁶²⁻⁶²конец л. 68 и начало л. 69 повреждены, фраза восстановлена по: ПДС, Т. X. СПб., 1871. Стб. 1064; ⁶³в начале строки зачеркнутое «а над ним... чинить»; ⁶⁴«щи» надписано над зачеркнутым «чи»; ⁶⁵слева в начале строки знак вставки «(+»»; ⁶⁶далее зачеркнутое «не»; ⁶⁷так в тексте ⁶⁸следы кляксы; ⁶⁹⁻⁶⁹сверху над зачеркнутым «Бога молит и тщитца»; ⁷⁰слева в начале строки – знак вставки «+»»; ⁷¹далее зачеркнутое «кн[я]жим»; ⁷²⁻⁷²сверху над «и они им те товары купить поволит»; ⁷³⁻⁷³следы зачеркивания; ⁷⁴изначально написано «новоприбылыми титлами»: зачеркнуто «-прибылыми титлами», «ново-» оставлено; ⁷⁵сверху над «восточных»; ⁷⁶далее неразборчивая надпись над зачеркнутым, требует расшифровки; ⁷⁷далее зачеркнутое «что прадед ево г[о]с[у]д[а]рь писался»; ⁷⁸так в тексте; ⁷⁹лист смят, часть фразы восстановлена по: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. С. 186; ⁸⁰На обороте л. 79 в нижнем правом углу надпись «Конец виницейского отпуску»; ⁸¹⁻⁸¹сверху над зачеркнутым «пошлинному збору чинитца истеря

и убыток *большой*»; ⁸²вписано сверху над «ему, г[о]с[у]д[а]рю»; ⁸³сверху над зачеркнутым «г[о]с[у]д[а]р[е]вых»; ⁸⁴вписано сверху над «спрашивает[ь]»; ⁸⁵край листа поврежден, конец слова восстановлен по смыслу; ⁸⁶край листа поврежден, конец слова восстановлен по смыслу; ⁸⁷сверху над «велит»; ⁸⁸⁻⁸⁸присутствуют механические повреждения внизу л. 86 и сверху л. 87, часть текста отсутствует; ⁸⁹восстановлено по смыслу.

Приложение 5. Проезжая грамота по городам от Москвы до Архангельска

/Л. 100/ *От* ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, *от* Москвы по городом до Переславля Залеского, и до Ростова, и до Ярославля, и до Вологды, и до Тот[ь]мы, и до Устюга Великого, и до Колмогор, и до Архангелского города воеводам н[а]шим и дьяком и всяким приказным людем.

По н[а]шему указу посланы *от* нас в Виницею¹ посланники н[а]ши столник Иван Чемоданов да д[ь]як Алексей Посников, а с ними дворян два ч[е]л[о]в[е]ка, да переводчик, да толмач, да два ч[е]л[о]в[е]ка под[ь]ячих, ²да соболина н[а]ша казна, да сто пуд ревеню², и как они в которой город приедут, и вы б, воеводы н[а]ши и дьяки и всякие приказные люди, велели им *дават[ь]* подводы по подорожным, что кому указано, ³и под н[а]шу казну³, а водяным путем суды и кормщиков и гребцов против подвод⁴, а провожатых с ними посылали ⁵для н[а]шие казны⁵ *от* Переславля Залеского и до Архангелского города *от* города до города по пят[ь] ч[е]л[о]в[е]к стрелцов, и *отпускат[ь]* их во всем, не задерживая ⁶ни за чем, чтоб им в Архангелской город приехат[ь] вскоре⁶.

Писан на Москве лета 7164-г[о] июля⁷ в 9 де[нь].

Примечания: ¹«-ю» приписано над зачеркнутым «-йскую землю»; ²⁻²приписано над следующей строкой, после «да» следует зачеркнутое

«н[а]ша», «сто пуд» надписано над «ревеню»; ³⁻³сверху над «а водяным»; ⁴далее зачеркнутое «а отпускат[ь] их везде, не задержав ни за чем»; ⁵⁻⁵сверху над «от Переславля»; ⁶⁻⁶вписано между предпоследней и последней строкой; ⁷следы исправления: буква «л» вписана более жирно.

Приложение 6. Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о безуспешных попытках продажи царской соболиной казны в итальянских городах

/Л. 130/ Г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои, Ивашко Чемоданов, Алешка Посников челом бьют. По твоему г[о]с[у]д[а]реву ц[а]р[е]ву и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу посланы с нами, холопи твоими, ис твоей г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны ис Сибирского приказу десять сороков соболей по оценке на тысячу рублей, а к той твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве соболиной казне и для береженья и продажи велено нам, холопом твоим, /Л. 131/ взять у Архангелского города у воеводы у столника у кн[я]зя Петра Прозоровского да у дьяка у Кузмы Мошнина целовалника, и по твоему г[о]с[у]д[а]р[е]ву указу и по грамоте столник и воевода кн[я]зь Петр Прозоровской и дьяк Кузма Мошнин прислали к нам, холопом твоим, на карабль, *отпустя нас от города, целовалника Фторышку Левонтьева. И мы, холопи твои, приехав к карабельной пристани к городу Леворне и выгрузя из караб/Л. 132/лей твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву соболиную казну и осмотря печатей и ерлыков, отдали все [...]*¹ ему, Фторышке Левонтьеву, и велели ему у твоей г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны быти безотступно с великим бережен[ь]ем и приводит[ь] купцов. И он, Фторышка, к твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве соболиной казне в Леворне приводил купцов многих розных г[о]с[у]д[а]рств торговых людей, и твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву казну мы, холопи твои, им казали, и они, смотря, торговали дешевою ценою в полы твоей г[о]с[у]д[а]р[е]вы указной

цены, а говорили, что де здесь им *росход* /Л. 133/ нет и не носят, а хаживали де *преже сего соболю* в Турскую землю, и н[ы]не де с ними у них война, ходу нет, и в Леворне, г[о]с[у]д[а]рь, купцов на ту твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву соболиную казну *никого* не добыли. И возили ту твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву соболиную казну в Веницею и по иным по многим городам, где нам, холопом твоим, дорога лучилась, и в Веницее, г[о]с[у]д[а]рь, и по иным по многим г[о]с[у]д[а]рствам на те соболю купцов *никого* не обыскали, потому ² что *де* у них таким товаром² не торгуют и сами не носят, и та твоя г[о]с[у]д[а]р[е]ва казна ни в которых городех не продана. А что по твоему г[о]с[у]д[а]р[е]ву указу велено нам, холопом твоим, *купит[ь]* в Веницее про твой г[о]с[у]д[а]р[е]в обиход узорочных товаров, и нам, холопом твоим, *купити* было нечем, и тое *отписку* послали мы, холопи твои, /Л. 134/ к тебе, ко г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве з гонцом Архангелского города с стрелцом с Юшкою Григор[ь]евым июня в 30 *де[нь]*.

Примечания: ¹ неясное место; ²⁻² лист частично смят.

Приложение 7. Отписка посланников И.И. Чемоданова и А. Посникова в Посольский приказ о безуспешных попытках продажи ревеня в итальянских городах

/Л. 135/ Г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои, Ивашко ¹[Чемоданов, Алешка Посников]¹ челом бьют. По твоему г[о]с[у]д[а]р[е]ву ц[а]р[е]ву и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу посланы мы, холопи твои, в Веницею для твоих г[о]с[у]д[а]р[е]вых посолских дел. А с нами, холопи твоими, послано твоей г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны ис приказу Болшей казны сто пуд ревеню в десяти бочках, а за теми бочками в остатке тое *ж*

твоей г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны ревеню в бочки не вошло *тритцат[ь]* *пят[ь]* фунт. А велено, г[о]с[у]д[а]р[ь], *тот* ремень *продат[ь]* нам, холопом твоим, по *твоей* г[о]с[у]д[а]р[е]ве указной цене в *Виницее* или у *карабелной* пристани в *Леворне* хотя по *сту* по *сороку* *ефимков* пуд по *московской* цене. А *будет* по той цене не дадут, и нам, холопом твоим, велено продать по *сту* по *тритцати*, и по *сту* по *два/Л. 136/тцати*, и по *сту* *ефимков* пуд или как цена *подымет*, хотя и *менши*, а *назад* того ревеню нам, холопом твоим, *привестъ* к *Москве* не велено. А на те *денги* велено нам, холопом твоим, *купить* про *твой* г[о]с[у]д[а]р[е]в *обиход* *шелковых* и *золотных* *товаров*, *аксамитов* и *бархатов* *двоєморхих*, и *отласов* *петелчатых*, и *участков*, и *иных* *товаров* по *росписи*, которые *годны* в *твою* г[о]с[у]д[а]р[е]ву *казну*. И для той *твоей* г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны велено нам, холопом твоим, *взять* у *Архангелского* *города* *целовалника*. И по *твоему* г[о]с[у]д[а]р[е]ву *указу* и по *грамоте* *столник* и *воевода* *князь[ь]* *Петр* *Прозоровской* да *диак* *Кузма* *Мошнин* *прислали* к нам, холопом твоим, на *карабль*, *отпустя* нас *от* *города*, *целовалника* *Вторышку* *Левонтьева*. И по *твоему* г[о]с[у]д[а]р[е]ву *указу* мы, холопи твои, *пересмотря* *твою* г[о]с[у]д[а]р[е]ву *казну* *ремень*, *отдали* *целовалнику* *Вторышку* *Левонтьеву* и *велели* ему *быть* у *твоей* г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны с *великим* *береженьем*. И как мы, холопи твои, *ехали* *морем*, и не *доезжая* *Шпанског[о]* *морья*, *волею* *Б[о]жию* в *ночи* *было* на */Л. 137/* *море* *волнение* *великое*, и *карабли* *рознесло* *врознь*, и у *того* *карабля*, где *была* *твоя* г[о]с[у]д[а]р[е]ва *казна* *ремень*, *выломило* *ис* *карабля* *две* *доски*, и *сопец* *отломило*, и в *карабль* *воды* *налило*, и *твоей* г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны ревеню в *то* *время* *подтопило* *бочку*, и *твои* г[о]с[у]д[а]р[е]вы *люди* и *немецкие* *стояли* в *воде* в *пояс* и *выше*, и *запасенка* и *рухлядишка* *н[а]ши* *подтопило* *ж* *покаместа*, г[о]с[у]д[а]р[ь], *гнев* *Б[о]жиим* *утолился*, и *волны* *быть* *перестали*. И как *проломные* *места* *парусами* *захватили* и *досками* *заделывали*, а в *ту* *пору* во *всю* *ноч[ь]* *воду* *ис* *карабля* *выливали* *ушатами* и *ведры*. И как мы, холопи твои, *приехали* к *карабелной* *пристани* в *Леворну*, *владен[ь]я* *Флоренского* *кн[я]зя*, и *ис* *караблей* *выгрузилис[ь]* и *твою*

г[о]с[у]д[а]р[е]ву казну ремень пересматривали, и тот подтоплой ремень отсмотрели и велели высушить и отложить прочь, а к тому сухому ремню и твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве казне велели приводить купцов по многие времена. И жили затем в Леворне четыре недели и купцов не добыли, а которые приходили и мы казали им /Л. 138/ того ремню, выбрав лутчие бочки, и купцы, приходя, говорили, ремень *де* тот худ, а которой *де* привозят к нам ис турок и лутче того ремень по вся годы караблями, и того *де* старого и нового привозу ремню залежало и у самих много, потому что за войнами и за моровым поветреем ни в которые г[о]с[у]д[а]рства отходу ему нет, весь у нас залег, мы *де* и сами рады продат[ь] по полтине фунт, да никто *де* у нас не купит. И нам твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву казну на ремень в Леворне купцов отнюд[ь] никого не добыли, а вести было тот ремень в Веницею и в ыные г[о]с[у]д[а]рства никак нел[ь]зя, потому что из Леворны в Веницею караблям ходу не было, а сухим, г[о]с[у]д[а]р[ь], путем через каменные горы и щелми тележного ходу нет, а на вьюках, г[о]с[у]д[а]р[ь], такие тяжелые товары бочешные на ослах и на ишаках не ходят. А которые, г[о]с[у]д[а]р[ь], и лехкие товары шелковые на ослах и на ишаках на вьюках ходят, и те подводы наймуют фунтами дорогою самую ценою и ходят не в далнюю дорогу, город от города. А до Веницеи, г[о]с[у]д[а]р[ь], никакие товары /Л. 139/ оприч[ь] гонцов из Леворны сухим путем не ходят. А твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву соболиную казну везли мы, холопи твои, с великою нужею, а свои запасишка все без остатку и рухлядишку многую пометали в Леворне и во Флоренске за такую нужною дорогою и за наймом, и затем мы, холопи твои, ту твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву казну ремень оставили в Леворне до твоего г[о]с[у]д[а]р[е]ва указу у Иванова товарища Гебдона у агличанина у Карлуса Лонглана, а приказали ему то твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву казну продать по твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве указной цене или как цена подымет, а остаточной, г[о]с[у]д[а]р[ь], ремень твоей г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны, которой остался за бочками, имали с собою в Веницею и в ыные г[о]с[у]д[а]рства для образца и продажи, чтоб смотря на тот ремень и договоряс[ь] с нами, холопи твоими, о

цене, взяли в Леворне. И в Венице, г[о]с[у]д[а]рь, и в ыных г[о]с[у]д[а]рствах и на тот образцовой ремень на *трицат[ь]* на *пят[ь]* фунт купцов сыскать не умели *ж*. А сказывали, что у них своего много и старого привозу идет ис турок по всем городам и продают дешевою ценою. А из Леворны Карлус Лонглан писал к нам, холопом твоим, в Веницею в розных числах в трех грамотках /Л. 140/ за своими руками, что на тот ремень у него в Леворне купцов февраля по 27 *день* нет *ж*, а на товары на тафты и на камки менять не смеет. И мы, холопи твои, писали из Веницеи в Леворну к нему, Карлусу, чтоб он тебе, г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, послужил и тем твоим г[о]с[у]д[а]р[е]вым делом порадел, примеряс[ь] к твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве московской цене, на товары на тафты и на камки тот ремень менял, как мочно, чтоб твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве казне своим раденьем учинил прибыль. И после того мы, холопи твои, из Веницеи *отпущены* вскоре, а писма от него к нам, холопом твоим, после того в Веницею и в Галанскую землю о том не бывало. И о той своей г[о]с[у]д[а]р[е]ве казне о ременью ему, Карлусу, что ты, г[о]с[у]д[а]рь, укажешь. А сию *отписку* мы, холопи твои, послали тебе, г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве, Архангелского города с стрелцом с Юшкою Григорьевым ²-июня в 30 де[нь]².

Примечания: ¹⁻¹ лист частично смят, фраза восстановлена по смыслу: ²⁻² от края листа линия зачеркивания (?).

Приложение 8. Отписка дьяка А. Посникова в Посольский приказ о болезни стольника И.И. Чемоданова

/Л. 141/ Г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холоп

твой Алешка Посников челом бьет. По твоему г[о]с[у]д[а]р[е]ву ц[а]р[е]ву и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу послан я, холоп твой, на твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву службу в Винецею, для твоего г[о]с[у]д[а]р[е]ва посолского дела с столником с Ываном Ивановым с[ы]ном Чемодановым. И из Винецеи, г[о]с[у]д[а]рь, Цесарскою землею и из Галанские до карабелные пристани до Архангелского города до Пудожемского устья приехали июня в 23 *день*, а июня же, г[о]с[у]д[а]рь, в 25 *де[нь]*, как будем в устье, не доезжая Архангелского города версты за четыре, и Б[о]жиим, г[о]с[у]д[а]рь, посещением он, Иван, ходя по караблю, занемог: учинился языком косен и в речах позабывается. И *будет*, г[о]с[у]д[а]рь, впред[ь] за чем твоему г[о]с[у]д[а]р[е]ву делу учинитца мотчание, и мне бы *от* тебя, великого г[о]с[у]д[а]ря, холопу твоему в опале не быти.

Приложение 9. Перевод с итальянского грамоты венецианского дожа Бертуццо Вальера царю Алексею Михайловичу

/Л. 169/ Перевод з грамоты с ыталиянского писма, какову писал к великому г[о]с[у]д[а]рю ц[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белая Росии самодержцу, винецеиской княз[ь] Бертуццюс Валерио с посланники с столником с Ываном Чемодановым да з диаком с Олексеем Посниковым в н[ы]нешнем во 166-м году генваря в 17 *день*.

Пресветлейшему великому г[о]с[у]д[а]рю, Б[о]жиею м[и]л[о]стию кесарю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белая Росии самодержцу, Московскому, Киевскому, Владимирскому, Новгородскому, кесарю Казанскому, кесарю Астараханскому, кесарю Сибирскому, г[о]с[у]д[а]рю Псковскому и великому кн[я]зю Литовскому, Смоленскому, Тверскому, Волынскому, Подолскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, /Л. 170/ Болгарскому и иных, г[о]с[у]д[а]рю и

великому кн[я]зю Новагорода Низовские земли, Черниговскому, Резанскому, Полотцкому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, ¹Конд[инскому], [Вите]бскому¹, Мстиславскому и всея Северныя страны повелителю и г[о]с[у]д[а]рю Иверские земли Карталинских и Грузинских ц[а]рей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей и иным многим г[осу]д[а]рствам и землям Восточным и Западным и Северным отчию, и дедичю, и наследнику, и г[о]с[у]д[а]рю, и облаадателю и прочих, Бертуцыюс Валерию, Б[о]жию м[ил]о[сти]ю кн[я]зь Винецейский и иных, поздравленье и бл[а]гополучного пребывания счастливостью.

Г[о]с[по]д[и]н Иван Иванович Чемоданов, в[а]шего ц[а]рского величества посланник и столник и наместник Переславской, и с товарищем з дьяком с Алексеем Посниковым подал нам в[а]шего /Л. 171/ кесарского величества грамоту и об[ъ]явил нам про все, что с ним наказано было. А высоко мы почитали такой м[ил]о[сти] показанье и приняли посолство и з болшою честью и радостию, как довелос[ь], а посланник сам донесет великое желателство и особную ч[е]сть, что наша речь посполитая всегда имела пресветлейшим предкам вашег[о] кесарского величества, которые и н[ы]не им имеем, к в[а]шему кесарскому величеству самому для с[е]рд[е]чного приятства, которые изволили есте нам показать, и для достоинства в[а]шего кесарского величества высокого разсуждения. А мы великою радостию въразумели и слышем в[а]ш бл[а]гочестивой и храброй умысл к помочи утесненных кр[е]стьян, которые суть под тяжелым турским игом, и надеемся, что Б[о]жию помощию в[а]ше кесарское величество, несмотря ни на какие затруднения, /Л. 172/ изволит послать свою счастливую и велеможнейшую силу против всего общего неприятеля, чтоб иво розгромить и совсем разорить. А мы от нево бес правды хитростию зацеплены, н[ы]не тринадцат[ь] лет воздержим мужественно сами н[а]шу оборону, и м[ил]о[с]ердием и бл[а]годатию Б[о]жию знатные розные победы одержали есмь, а умысл н[а]ш есмь, что нам мужественно достоят[ь] против того общего неприятеля, хотя мы велми утомлены вси от тяжелых

тягостей и *от* таки[...]² долгие и убыточные войны. А коли *б* нам мочно возрадоватца какое нибуд[ь] *от*вращение, которое ни *от* которые стороны скоряе³ и лутче учинитца не может, как *от* в[а]шего кесарского величества /Л. 173/ силою донских казаков, и тогда мы надеемся того н[а]шего столь сильного неприятеля вскоре увидеть в болшом упадке. А когда⁴ станетца бл[а]годетел[ь]ю в[а]шего ц[а]рского величества силою руки, и то будет на безсмертную славу пресветлейшей в[а]шей коруны и цесарског[о] величества, которому мы желаем *от* Б[о]га многолетнего многолетствован[ь]я. Дан в н[а]шем княжском дворе м[е]с[я]ца феврала 24-г[о] дня 1657-г[о].

А внизу написано,

Геронимо Боно секретарь,

а на подписи у грамоты г[о]с[у]д[а]р[е]во имянован[ь]е и титло написано против того *ж*, что и в грамоте.

Примечания: ¹⁻¹лист смят, части слов восстановлены по смыслу; ²край листа поврежден, конец слова не читаем; ³так в тексте; ⁴«ко-» вписано сверху мелкими буквами.

Приложение 10. Роспись корма и содержания посольства И.И. Чемоданова в Венеции

/Л. 180/ 165-г[о] генваря в 11 *де[нь]* великого г[о]с[у]д[а]ря ц[а]ря и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посланники столник и наместник Переславской Иван Иванович Чемоданов да дьяк Алексей Посников приехали в Веницею.

И с того числа да генваря *ж* по 15 число посланников в Веницее столы были на посолском дворе в столовой полате, а у столов были и за столом с

посланники сидели и *потчивали* посланников от кн[я]зя и от владетелей приставы Албертус Вимин, Марко кардинал, Микулай Рива.

И генваря в 16 *де[нь]* ц[а]рского величества к посланником *пришед*, приставы Албертус Вимин с товарищи *говорили*: кн[я]зь де н[а]ш и все владетели велели вам, ц[а]рского величества посланником, *об[ъ]явить*, что вы н[а]ших еств за столом мало кушаете и чтоб де вам велет[ь] ествы про себя *держат* своим поваром и хлебником, /Л. 181/ а кн[я]зь *де* н[а]ш и владетели *велят* к вам присылать за корм денгами, и вы де ествы велите готовить по своему обычаю. И посланники *говорили*: на в[а]шу де волю в том *покладываемся*.

И того *ж* дни ц[а]рского величества посланником приставы Албертус Вимин с товарищи *принесли* на корм денгами 25 рублей на д[е]нь, и вперед февраля по 23-е число на корм *приносили* денгами на д[е]нь по тому *ж*.

Да дорогою едучи из Виницеи давали корм на 3 дни на д[е]нь по тому *ж*. И всего на 42 дни корму 1050 рублей.

И для ц[а]рского величества ч[е]сти и повышенья посланник и столник Иван Иванович генваря с 16-г[о] числа велел готовить ествы своим поваром и хлебником столы полные посолские, и ходили за стол посланники и дворяня и все г[о]с[уд]ар[е]вы люди февраля по 8 число, по Великое заговенье, в тое *ж* столовую полату, в которой *потчивали* посланников приставы.

/Л. 182/ И приставы Албертус Вимин с товарищи и многие немецкие начальные и иных чинов люди и розных г[о]с[уд]арств *приходили* на посолской двор и посланничьих столов *смотрели*.

И исходило на корм и на питье у посланника у столника у Ивана Ивановича на всякой д[е]нь по 10, и по 12, и по 15 рублей, потому что хлеб и всякой харчь и *пит[ь]е* продавали посланником в Виницее самую дорогою ценою.

А из денежного корму из 25 рублей было на д[е]нь посланнику столнику Ивану Ивановичю по 12 рублей, дьяку Алексею по 6 рублей,

дворяном Ивану Власову, Федору Костюрину да переводчиком Тимофею Топоровскому, Лазарю Цымерманову да под[ь]ячему Фирсу Байбакову по рублю ч[е]л[о]в[е]ку,
под[ь]ячему Марчку Тропину да целовалнику Вторышке Левонтьеву по полтине ч[е]л[о]в[е]ку,
лекарю Ягану Иванову по полтине,
на дрова в поварню на д[е]нь по полтине ж.

Приложение 11. Роспись посольских даров и товаров, привезенных посланниками И.И. Чемодановым и А. Посниковым с указанием, какие отданы в царскую казну

/Л. 194/ Роспис[ь], что взято в смотр у посланников у столника у Ивана Чемоданова да у д[ь]яка у Алексея Посникова виницейских товаров, что они купили про великог[о] г[о]с[у]д[а]ря и что себе и чем их дарили виницейской и флоренский князи, а взято в н[ы]нешнем во 166 году генваря в 17 день.

Про великого г[о]с[у]д[а]ря куплено
товары столника Ивана Чемоданова:

/Л. 195/ бархат виницейской червчатой двоєморхой, мерою 18 аршин, в виницейской аршин в четырнатцат[ь] вершков, куплен по 5 рублей аршин на свои денги,

шкатулка потешная, куплена с людми и з зверми про г[о]с[у]д[а]ря ц[а]р[е]в[и]ча, дана 6 рублей на свои денги.

Да у столника у Ивана Чемоданова куплено себе и за долг, чем лучитца, отдал:

6 об[ь]ярей розных цветов золотных, мерою по портищу, по 2 рубли аршин,
да 3 об[ь]яри струистых, по пол 2 рубли аршин,

3 байберека розными цветы золотных, по 3 рубли аршин,

2 отласа золотных, по 3 рубли аршин виницейской,

/Л. 196/ косяк камки червчатые травчатой золотной, куплен аршин
винуцейской по 2 рубли по 25 алтын,
байберек вишневой, куплен аршин по рублю,
20 изумрудов, дано 60 рублей,
перстень золот с алмазы во 6 местах, дан 70 рублей,
чепь золотная з жемчюги пластинчатыми и с ыскорки яхонтовыми и з
бирюски, дано 50 рублей,
ожерелье пристежное, а на нем 100 зерен, дано 140 рублей,
в том же ожерел[ь]е 15 зерен лутчих от серег от женских,
/Л. 197/ пер[ь]е райские птицы гамаюна.

Дары столника Ивана Чемоданова, чем ево дарил винуцейской кн[я]зь:
чепь золотая.

Флоренского кн[я]зя дары:

/Л. 198/ алтабас по золотой земле, травы шолковы розными цветы,
алтабас золото с серебром по алой шелковой земле,
отлас золотной по маковой шолковой земле,
отлас серебряной по брусничной шолковой земле.
об[ь]яр[ь] серебряная, травы золотые,
шкатула с лекарствами,
пищал[ь],
самострел,
в ящике сосуды скляничные розными образы.

Дьяк Алексей Посников об[ь]явил:

/Л. 199/ мощи св[я]т[о]го великом[у]ч[е]ника Никиты,
мощи св[я]тые м[у]ч[е]ницы Евгении.

Да винуцейских даров, чем ево кн[я]зь и статьи дарил:
остаток чепи золотой да герб золотой с колцом.

Да флоренского Фердинанда кн[я]зя даров:

алтабас,
2 участка,

шкатула с лекарствами,

пищаль, самострел.

Товаров покупных:

об[ъ]яр[ь] серебряная, 12 аршин, по 3 рубли без чети аршин,

отлас червчатой золотной, 10 аршин с чет[ь]ю, по 2 рубли с полтиною аршин,

14 аршин отласу гладково, осинового цвет, по рублю аршин,

/Л. 200/ 20 аршин с полу аршином отласу гладково зеленого, по рублю аршин,

8 аршин с чет[ь]ю бархату червчатого морховатого, по 2 рубли с полтиною аршин,

байберек, осинового цвет, 9 аршин с полу аршином, по рублю аршин,

2 байберека, рудожелтой да зеленой, по 6 аршин, по пол 2 рубли з гривною аршин,

2 чюлки шолковые, з золотом и серебром тканые, по 2 рубли с чет[ь]ю, чюлки ценинной да брусничной цвет,

чюлки шолковые алые, шиты золотом, даны 3 рубли с полтиною,

шкатулка с ящички, обложена серебром, дана 4 рубли,

коробочка, а в ней сабачка да петушек потешные, даны пол 2 рубли,

пищаль духовая, дана 4 рубли,

свеча восковая белая с репьем,

/Л. 201/ доска, а на ней писано по белому отласу куб с репьем,

чернилница кипарисная,

серги жемчюжные.

И того ж числа думной дьяк Алмаз Иванов те товары ¹-по сей росписи¹ возносил к великому г[о]с[у]д[а]рю все.

И по г[о]с[у]д[а]р[е]ву ц[а]р[е]ву и великого кн[я]зя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу взято в его г[о]с[у]д[а]р[е]ву мастерскую полату ис тех их товаров того ж числа.

/Л. 202/ Ис покупных товаров и ис подарков столника Ивана Чемоданова да д[ь]яка Алексея Посникова виницейских товаров оставлено вверху порознь, столника Ивана Чемоданова:

шкатулка потешная с людми и зверми про г[о]с[у]д[а]ря ц[а]р[е]в[и]ча, цена 6 рублев,

4 об[ь]яри розных цветов золотных, мерою по портищу, по 2 рубли аршин, об[ь]ярь струистая, по полтора рубли аршин,

байберек, по нем травы золотные, по 3 рубли аршин,

косяк камки червчатые травчатой золотной, по 2 рубли по 25 алтын аршин, 6 изумрудов,

перстень золот с алмазы, 70 рублев,

чепь золотая з жемчюги пластинчатыми, с ыскорки яхонтовыми и з бирюски 29 мест, 50 рублев,

замочик жемчюжной.

/Л. 203/ Ево ж ис подарков:

алтабас золото с серебром по алой шелковой земле,

отлас серебряной по брусничной шелковой земле.

Дьяка Алексея Посникова ис подарков:

отлас золотной по маковой земле,

2 отлас серебряной по брусничной земле,

об[ь]ярь серебряная, 12 аршин, по 2 рубли по 25 алтын аршин,

чюлки шолковые алые з золотом, 3 рубли с полтиною,

коробочка, а в ней собачка да петушок потешные, пол 2 рубли.

Примечания: ¹⁻¹ сверху над «взносил».

Приложение 12. Роспись посольских даров и товаров, оставленных посланникам И.И. Чемоданову и А. Посникову

/Л. 204/ Роспис[ь] товаром столника Ивана Чемоданова, что снесено сверху:

бархатъ виницейской червчатой двоєморхой,
две об[ъ]ери вишневыхъ золотныхъ,
две об[ъ]ери струистыхъ: зеленая, алая,
два байберека золотныхъ: зеленой, алой,
два отласа золотныхъ,
байберек вишневой,
тринадцат[ъ] изумрудовъ,
ожерелья пристежное,
пер[ъ]я райскіе птицы.

Да из даровъ:

чепь золотая,
алтабасъ по золотой землѣ, травы шолковы розными цветы,
отласъ золотной по маковой шелковой землѣ,
кофтанъ обериновой серебряной,
/Л. 205/ шкатула с лекарствами,
пищаль,
самострелъ,
в ящики сосуды склянничные розными ¹-образцы¹.

/Л. 206/ Дьяка Алексея Посникова снесено сверху:

мощи св[я]т[о]го великом[у]ч[е]ника Никиты,
мощи святыя м[у]ч[е]ницы Евгении.

Да товаровъ:

остатокъ чепи золотой да гербъ с колцомъ,
алтабасъ,
шкатула с лекарствами,
пищал[ъ], самострелъ,
отласъ червчатой золотной, 10 аршинъ с чет[ъ]ю, по 2 рубли с полтиною
аршинъ,
14 аршинъ отласу гладково, осиновоу цветъ, по рублю аршинъ,
20 аршинъ с полу аршиномъ отласу гладково зеленого, по рублю аршинъ,

8 аршин с чет[ь]ю бархату червчатого морховатого, по 2 рубли с полтиной аршин,
байберек осиновои цвет, 9 аршин с полу аршином, по рублю аршин,
/Л. 207/ 2 байберека, рудожелтой да зеленой, по 6 аршин, по пол 2 рубли аршин,
2 чюлки шолковые, 3 золотом и серебром тканые, по 2 рубли с чет[ь]ю, чюлки ценинной да брусничной цвет,
шкатулка с ящички, обложена серебром, 4 рубли,
пищал[ь] духовая, дана 4 рубли,
доска, а на ней писано по белому отласу куб с репьем,
чернилница кипарисная,
серги жемчюжные.
И те все товары отданы ему, Алексею.

Примечания: ¹⁻¹следы исправления.

Приложение 13. Челобитная целовальника царской казны Вторки Леонтьева в Посольский приказ о выдаче ему подмоги

/Л. 211 / Ц[а]рю г[о]с[у]д[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьет челом сирота твой, колмогорец Вторко Леонтьев. По твоему г[о]с[у]д[а]р[е]ву указу выбрали меня посацкие люди силно к твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве казне в целовальники в Винецейскую землю с посланником¹ с Ываном Чемодановым, и по выбору твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву с[лужбу]² служил болшую, и двинской староста Андрей Зайцев и посацкие люди по договору подмоги мне недодали пятидесят одного рубля, а без меня женишко и детишка мой за недостатками обдолжали и н[ы]не скитаютца меж двор (?), и я тож, будучи на твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве службе в немецких землях, в провозах и в дороге и в харчах и во всяких проторех испроелся и обдолжал, да без меня ж женишко

и детишка мой за бедностью дворишка своиво *отстали*, и посацкие люди без меня тягла в *окладе* прибавили полторы д[е]нги, в кое время был я на твоей г[о]с[у]д[а]р[е]ве службе. М[и]л[о]с[е]рдый г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй меня, сироту своиво, за мою службу, вели, г[о]с[у]д[а]рь, старосте и посацким людем те мои недодаточные подможные д[е]нги *пят[ь]десят один рубль по договору мне отдаст[ь]*, и прибавочной *оклад* вели, г[о]с[у]д[а]рь, посацким людем с меня *снят[ь]*, и вели, г[о]с[у]д[а]рь, мне на Двину *дат[ь]* свою г[о]с[у]д[а]р[е]ву грамоту. Ц[а]рь г[о]с[у]д[а]рь, *смилу[йся]*³.

/Л. 211 об./ 166 г[од] марта в 1 д[е]нь. *Дат[ь]* г[о]с[у]д[а]р[е]ву грамоту на Двину к столнику и воеводе: *буде ему подм[оги]*⁴ дали не сполна, *сыскать* про то, *велеть* на них *досталные подможные денги [...]*⁵ и *отдаст[ь]* ему.

Примечания: ¹следы кляксы; ²клякса на конце слова, восстановлено по смыслу; ³клякса на конце слова, восстановлено по смыслу; ⁴край листа поврежден, восстановлено по смыслу; ⁵край листа поврежден, слово не читаемо.

Приложение 14. Челобитная подьячего посольства Марка Тропина (Тропинина) в Посольский приказ о выдаче ему подмоги

/Л. 213/ Ц[а]рю г[о]с[у]д[а]рю и великому кн[я]зю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белая Росии самодержцу, *бьет* челом холоп твой, Двинской таможенной избы под[ь]ячишко Марчко Тропин. По твоему великого г[о]с[у]д[а]ря указу был я, холоп твой, на твоей великого г[о]с[у]д[а]ря *дальней* службе в Виницее с посланники с столником с Ываном Ивановичем Чемодановым да з дьяком с Алексеем Посниковым, и едучи, г[о]с[у]д[а]рь, в Виницею морем и сухим путем и из Виницеи идучи пеш,

многое время многую нужу, и голод, и всякие многие скорби терпел, и у многих смертей был. И учинилис[ь], г[о]с[у]д[а]рь, мне, холопу твоему, убытки великие: на море, г[о]с[у]д[а]рь, от погоды карабль морскою волною проломило, и платышко у меня, холопа твоего, и запасишка, и рухлядишко на карабле подтопило и перегнуило, а достальное запасишко и рухлядишко, едуци в Винецею сухим¹ путем и из Винецеи идучи пеш, пометал на дороге для извозу [до]рогих² наймов, потому что подвод мне, холопу твоему, наймоват[ь] было нечем, и в том мне, холопу твоему, что плат[ь]ишко, и рухлядишко, и запасишка на море подтопило и перегнуило, а достальное пометало дорогою, учинилос[ь] убытков болши штидесят рублей. Да из Винецеи, г[о]с[у]д[а]рь, идучи пеш многое время через Цесарскую землю до Галанские земли, учинилос[ь] мне, холопу твоему, в дорогах проестях и во всяких харчах убытков болши сорока рублей. А занимал те денги за морем в Галанской земли у торговых людей, которые приезжают для торгов к Архангелскому городу. А женишко мое и детишка без меня обдолжали великими долги, а тех, г[о]с[у]д[а]рь, долгов платит[ь] мне болши пятидесят рублей. А твоего г[о]с[у]д[а]р[е]ва, жалован[ь]я мне, холопу твоему, дано на отпуске толко дватцат[ь] рублей. А как по твоему великого г[о]с[у]д[а]ря указу посылаютца с послы и с посланники под[ь]ячие в Цесарскую и в Галанскую земли и в ыные ближние г[о]с[у]д[а]рьства, и твое великого г[о]с[у]д[а]ря жалован[ь]е тем под[ь]ячим бывает болшое, и за убытки их и за истери дают им и с твоей ж г[о]с[у]д[а]р[е]вы казны. Да в Винецею ж, г[о]с[у]д[а]рь, послан с посланники за твоею великого г[о]с[у]д[а]ря соболиною казною и за ревенем двинской целовалник Второй Леонтъев, и ему, Второму, на Двине дали миром подмоги двесте рублей. А двинские, г[о]с[у]д[а]рь, таможенные под[ь]ячие Посник Лумбуев с товарищи, изгоняючи меня, холопа твоего: которые из них богатые и пожиточные, и твое великого г[о]с[у]д[а]ря годовое денежное жалованье емлют болшое, на тое твою г[о]с[у]д[а]р[е]ву службу ништо не поехал, заменилися мною, холопом твоим, и подмоги мне, холопу твоему, они не дали ничего. А я,

холоп твой, будучи на твоей великого г[о]с[у]д[а]ря такой *далней* службе, от великих убытков обнищал вконец и з домишком своим разорился и обдолжал великими неискупными долги, и тех долгов мне, холопу твоему, платить нечем. М[и]л[о]с[е]рдый г[о]с[у]д[а]рь ц[а]рь и великий кн[я]зь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, г[о]с[у]д[а]рь, за мою службишко и за терпенье своим г[о]с[у]д[а]рьским годовым денежным жалованьем Архангелсково города в таможенной избе поверстат[ь] против двинских же таможенных под[ь]ячих Вахрамея Иванова да Васил[ь]я Митусова или как тебе, великому г[о]с[у]д[а]рю, Б[о]г известит, а за убытки, что мне, холопу твоему, учинилис[ь] на той твоей великого г[о]с[у]д[а]ря службе, и чем долги платить, вели, г[о]с[у]д[а]рь, двинским таможенными под[ь]ячим Поснику Лумбуиву с товарищи дати мне подмогу, что ты, г[о]с[у]д[а]рь, укажешь, чтоб мне, холопу твоему, в долгах на правеже убиту не быть и в убытках, что учинилис[ь] на твоей великого г[о]с[у]д[а]ря службе, вконец не погибнуть. Ц[а]рь г[о]с[у]д[а]рь, смилуйся.

Примечания: ¹буква «с» написана поверх другой буквы; ²первые буквы не читаемы из-за кляксы, слог «до-» восстановлен по смыслу.